

Эрих Кестнер • ЭМИЛЬ И СЫЩИКИ

Эрих
Кестнер

ЭМИЛЬ
и
СЫЩИКИ

Д

Эрих Кестнер

ЭМИЛЬ

И

СЫЩИКИ

ДВЕ ПОВЕСТИ

Перевод с немецкого

Издательство „Детская литература“

МОСКВА 1971

ПЕРЕВЕЛА С НЕМЕЦКОГО
Л. ЛУНГИНА

ЭМИЛЬ ТЫШБАЙН — самый обыкновенный мальчик, он живёт в маленьком немецком городке со своей мамой-парикмахершей, ходит в школу, учит уроки, гуляет и шалит, как любой из вас, но вот история, которая с ним случилась, когда он поехал в Берлин к бабушке, совсем необычная история. И если вам интересно узнать, что он стал делать, попав в беду, как он повстречал берлинских мальчишек — Густава с клаксоном, Профессора и многих других и как они все вместе, проявив немало находчивости, мужества и ума, нашли выход из, казалось бы, безвыходного положения, прочтите книгу Э. Кестнера про Эмиля и сыщиков. А познакомившись с этими прекрасными ребятами, надёжными, изобретательными и весёлыми, вам наверняка жалко будет с ними расставаться и захочется узнать их дальнейшие приключения, описываемые во второй повести, опубликованной в этой книге, — «Эмиль и трое близнецов».

РИСУНКИ Г. МАЗУРИНА

ЭТО ЕЩЁ НЕ НАЧАЛО

Вам-то я могу откровенно признаться: историю про Эмиля и сыщиков я сочинил совершенно случайно. Дело в том, что я собирался написать совсем другую книгу. Книгу, в которой бы тигры от страха лязгали клыками, а с финиковых пальм так и сыпались кокосовые орехи. Ну и конечно, там была бы чёрно-белая в клеточку девочка кашибалка, и она бы вплавь пересекла Великий или Тихий океан, чтобы, добравшись до Сан-Франциско, получить в фирме «Дрингвáter и компания» бесплатно зубную щётку. И звали бы эту девочку Петрозилья, но это, конечно, не фамилия, а имя.

Одним словом, я хотел написать настоящий приключенческий роман, потому что один бородатый господин сказал мне, что вы, ребята, больше всего на свете любите читать именно такие книги.

Три главы уже были совсем готовы. Я остановился как раз на том, как вождь по имени Великий Ворон, прозванный также Скороходом, скинул насаженное на лезвие своего перочинного ножика печёное яблоко и, сохраняя полное хладнокровие, быстро сосчитал до трёхсот девяноста семи...

И вдруг всё застопорилось, потому что я забыл, сколько ног у кита. Я тут же улёгся на пол — а надо вам сказать, что лучше всего я думаю, лёжа на полу, — и принялся вспоминать, но так ничего и не вспомнил. Тогда я стал листать толковый словарь — сперва на букву «К», а потом, из добросовестности, на букву «Р» — «Рыба-кит», но про китовые ноги нигде не было сказано ни слова. А я не мог писать дальше, не зная точно, сколько у кита ног. Совершенно точно!

Дело в том, что если бы кит встал в то утро не с той ноги, то вождь по имени Великий Ворон, прозванный также Скороходом, никогда не встретился бы с ним в джунглях. А если бы он не повстречался с китом именно в тот момент, когда на лезвие его перочинного ножика было наколото печёное яблоко, то клетчатая каннибальская девочка, которую звали Петрозилья, никогда бы не увидела мойщицу бриллиантов фрау Лёман, а не столкнусь Петрозилья с фрау Лёман, она никогда не получила бы драгоценного талона, по которому в Сан-Франциско фирма «Дрингватер и компания» бесплатно выдаёт совершенно новую зубную щётку, и тогда бы...

Короче говоря, мой приключенческий роман — а я так радовался, сочиняя его, — споткнулся, так сказать, о китовую ногу. Я был очень огорчён. А когда я рассказал об этом фрейлейн Фидельбоген, она пришла в такое отчаяние, что чуть не заплакала. Но плакать ей было некогда, потому что она как раз накрывала на стол к ужину, и она отложила слёзы на потом, а потом забыла, что собиралась поплакать. Таковы женщины!

Книгу я хотел назвать «Петрозилья из джунглей». Мировое заглавие, верно? А теперь три готовые главы лежат у меня под ножкой письменного стола, чтобы он не шатался. Но разве это подходящее место для приключенческого романа, действие которого происходит не где-нибудь там, а в тропиках?

Старший официант Нитенфюр, с которым я иногда беседую о моей работе, спросил меня несколько дней спустя, бывал ли я когда-нибудь там.

— Где — там? — не понял я.

— Ну, в этих самых тропиках, в южных морях, в Австралии, на Суматре, Борнео и тому подобном?

— Нет, — ответил я. — А почему вы спрашиваете?

— Потому что писать можно только о тех вещах, которые хорошо знаешь, которые видел собственными глазами.

— Но позвольте, любезнейший господин Нитенфюр...

— Да это же ясно, как дважды два, — сказал он. — У Нойгебауэров — они часто ходят к нам в ресторан — была прислуга, которая никогда не видела, как жарят птицу. И вот в прошлое рождество, когда ей велели приготовить гуся, козьяка, вернувшись домой с покупками, застала такую картину: в духовке жарился гусь в том виде, как его купили на рынке. Не ошипанный, не опалённый, не выпотрошенный. Ну и вонь стояла, доложу я вам!

— При чём это здесь? — удивился я. — Не станете же вы утверждать, что жарить гусей то же самое, что писать книги. Уж не обижайтесь на меня, дорогой Нитенфюр, но это же просто нелепо.

Он дал мне отсмеяться вволю, впрочем, смеялся я не так уж долго, и сказал:

— И тропическое море, и ваши каннибалы, и коралловые рифы, и вся прочая мура — это ваш гусь. А роман ваш — это противень, на котором вы собираетесь зажарить и Тихий океан, и Петрозию, и всех этих диковинных зверей. А если вы не знаете, как жарят такую дичь, то получится такая дичь, что стыда не оберёшься. Точь-в-точь, как у прислуги Нойгебауэров.

— Но именно так поступает большинство писателей! — воскликнул я.

— Приятного вам аппетита!

Вот и всё, что он сказал мне в ответ.

Некоторое время я молчал и думал. Потом возобновил разговор:

— Господин Нитенфюр, вы знаете Шиллера?

— Шиллера? Вы имеете в виду того Шиллера, что работает управляющим на пивоваренном заводе?

— Нет! — говорю я. — Писателя Фридриха Шиллера, который больше ста лет тому назад написал уйму пьес.

— Ах, вот что! Того Шиллера, которому памятники ставят?

— Точно! Он сочинил драму, действие которой происходит в Швейцарии. Называется она «Вильгельм Телль». Раньше детей в школах всегда заставляли писать сочинение на эту тему...

— Мы тоже писали, — перебивает меня Нитенфюр. — Этого Телля я прекрасно знаю. Верно, мировая пьеска, — Шиллер силен, ничего не скажешь. Что правда, то правда. Но писать сочинения — это просто ужасно. Одну тему я и посейчас помню: «Почему Вильгельм Телль не дрогнул, когда стрелял в яблоко?» Я получил тогда пару. Вообще, надо признаться, я никогда толком не умел...

— Дайте же мне закончить, — говорю я. — Так вот, хотя Шиллер никогда не был в Швейцарии, в его пьесе «Вильгельм Телль» всё — чистая правда, до мельчайших подробностей...

— А это потому, — возражает Нитенфюр, — что он предварительно прочёл поваренные книги.

— Поваренные книги?

— Ну да. Поваренные книги по своей специальности. В них можно почерпнуть много полезного: и какой высоты горы в Швейцарии, и когда там тает снег, и как всё было, когда крестьяне подняли восстание против губернатора Гёстлера.

— Вы несомненно правы, — соглашаюсь я. — Шиллер всё это, конечно, читал.

— Ну вот видите! — подхватывает Нитенфюр и убивает полтенцем муху. — Вот видите, если вы поступите, как Шиллер, и почитаете книги, то, может быть, вам и удастся дописать вашу историю про этих самых австралийских кенгуру.

— Нет, читать книги у меня нет никакой охоты. Были бы деньги, я бы съездил туда и посмотрел бы всё сам на месте. А читать про это — нет...

— Тогда я дам вам один совет, — говорит он, — пишите о ве-

щах, которые вы хорошо знаете. О метро, о гостиницах и о тому подобном, ну, и о детях, конечно, которые всё время путаются у нас под ногами. Да и давно ли мы сами были детьми?

— Но ведь бородатый господин, этот крупнейший специалист по детям — он уверяет, что знает их как свои пять пальцев, — толковал мне, что всё это их не интересует.

— Чушь! — бурчит господин Нитенфюр. — Уж мне-то вы можете поверить. В конце концов, у меня тоже есть дети: двое мальчишек и девочка. И в свободные дни я рассказываю им, что здесь, в ресторане, происходит. А у нас ведь дня не бывает без историй: то кого-нибудь обсчитают, то — вот недавно был случай — один подвыпивший посетитель размахнулся, чтобы дать затрещину парнишке, продающему сигареты, а вместо этого врезал по шее проходившей мимо элегантной даме. И ребята мои, скажу вам по секрету, слушают эти рассказы развесив уши.

— Вы в этом уверены, господин Нитенфюр? — спрашиваю я.

— Ещё бы! Голову даю на отсечение! — восклицает он и убегает, потому что за соседним столиком какой-то господин стучит ножом о стакан, прося счёт.

И вот только потому, что этого требовал старший официант Нитенфюр, я решил написать историю про то, что все мы — и вы, и я — очень хорошо знаем.

Я вернулся домой, уселся на подоконник и стал глядеть на Пражскую улицу в надежде, что как раз под моими окнами пройдёт та История, которую я ищу. Тогда бы я её окликнул и сказал: «Прошу вас, поднимитесь ко мне на минутку. Я так хочу вас написать!»

Но История всё не шла и не шла, а я начал мёрзнуть. Тогда я с раздражением захлопнул окно и пятьдесят три раза обежал вокруг письменного стола, но и это не помогло. Наконец, я, как в тот раз, улёгся на пол и стал думать.

Когда вот так долго лежишь на полу, то мир выглядит совсем по-другому. Видишь ножки стульев, домашние туфли, цветы на ковре, пепел, пыль, тумбы письменного стола, а под диваном вдруг находишь перчатку с левой руки, которую позавчера тщетно искал в шкафу.

Итак, я с любопытством рассматривал свою комнату, глядел на всё теперь не сверху вниз, а снизу вверх и с удивлением обнаружил, что у ножек стульев, оказывается, есть икры, да, настоящие тугие тёмные икры, словно это икры каких-нибудь негрятят или школьников в коричневых гольфах.

И вот когда я стал пересчитывать ножки стульев, чтобы выяснить, сколько негрятят или школьников в коричневых гольфах стоят на ковре, мне пришла в голову история про Эмиля. Быть может, потому, что я как раз думал о школьниках в коричневых гольфах, а быть может, потому, что фамилия Эмиля — Тышбайн, что в переводе на русский значит «ножка стола».

Но так или иначе, история про Эмиля пришла ко мне именно в тот момент. Я лежал на полу, боясь пошевелиться: ведь с мыслями и воспоминаниями, которые пытаешься приманить, надо вести себя, как с бездомными собаками. Стоит только сделать резкое движение, или заговорить с ними, или протянуть руку, чтобы погладить, как гоп! — их и след простыл. А потом ищи-свищи!

Я лежал, значит, не двигаясь, и приветливо улыбался своей находке. Я хотел её немножко приручить. И, представьте, она успокоилась. Стала доверчивей и даже отважилась сделать несколько шагов мне навстречу. Вот тут-то я и вцепился ей в загривок. И поймал.

Но, увы, только загривок. Пока, кроме загривка, мне ничего ухватить не удалось, потому что поймать собаку — это совсем не то, что вспомнить какую-нибудь историю. С собакой дело просто: стоит схватить её за шиворот, и ты её держишь всю как есть — с лапами, с мордой, с хвостиком, ну и со всем остальным, конечно, а с воспоминаниями дело обстоит куда хитрее. Воспоминания ловят по частям. Сперва их хватаешь за вихры, потом ловишь левую переднюю лапу, потом — цап! — и вцепился в заднюю, и так постепенно одно за другим. И когда кажется, что вся история полностью собрана, вдруг, откуда ни возьмись, прилетает забытое ухо. И наконец — о счастье! — ты понимаешь, что всё целиком у тебя в руках.

Я как-то видел в кино одну короткометражку, в которой изо-

бражено примерно то, что я сейчас описал. В комнате стоял мужчина в одной сорочке. Вдруг распахнулась дверь, и к нему прилетели брюки. Он их надел. Потом примчался левый башмак. Затем прискакала тросточка, за ней галстук. Потом воротничок, за ним влетел жилет, а следом — носок и другой башмак. Затем шляпа, пиджак и ещё один носок. Потом появились очки. Просто бред какой-то! И всё же в конце концов человек этот оказался одетым как надо, и всё было на своём месте.

Точно то же происходило с моей историей, когда я лежал на полу, пересчитывая ножки стульев, и думал об Эмиле. И с вами, наверно, не раз такое случалось. Я лежал и ловил воспоминания, которые летели ко мне со всех сторон, как и положено воспоминаниям.

Наконец я всё собрал воедино, и повесть была готова. Оставалось только сесть за письменный стол и приняться за работу.

Но перед тем как начать писать всё подряд, я быстро записал все мои находки в том порядке, как они прилетали ко мне: сперва левый башмак, потом воротничок, потом тросточка, потом галстук, потом носок, ну, и так далее...

Теперь мне хотелось бы, перед тем как рассказать эту историю, перечислить вам сперва тех персонажей, которые нахлынули на меня в тот вечер, когда я лежал на полу в своей комнате, — нахлынули и обрушили на меня множество отдельных эпизодов, событий и подробностей, из которых я и составил потом целое.

Быть может, вы окажетесь такими молодцами, что сами сумеете из всех этих элементов сложить связную историю, прежде чем я расскажу вам свою. Это как игра в кубики. Вам надо из набора строительного материала соорудить вокзал или там замок, не имея перед собой картинки, но с тем условием, чтобы все кубики — все до единого — были использованы.

Это что-то вроде экзамена.

Бр-р-р!

Но отметок ставить не будут.

Слава богу!

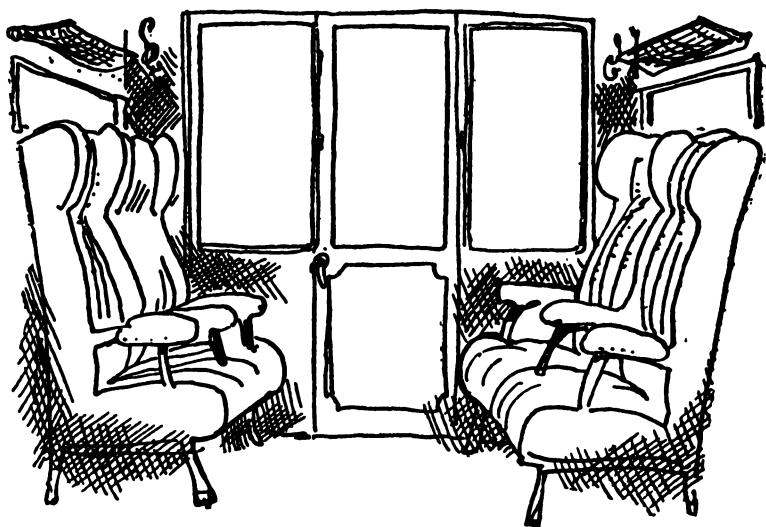

Итак, вот он, Эмиль. В тёмно-синем выходном костюмчике. Надевает он его неохотно, только когда заставляют. Ведь на синем костюме видны все пятна! И тогда мама Эмиля, зажав сына между коленями, чистит ему костюм влажной щёткой, приговаривая: «Эх, сынок, сынок, ты же знаешь, что я не могу купить тебе новый». И только тогда он вспоминает — как всегда, слишком поздно, — что мать день-деньской работает, чтобы заработать на хлеб и дать ему возможность учиться в реальном училище.

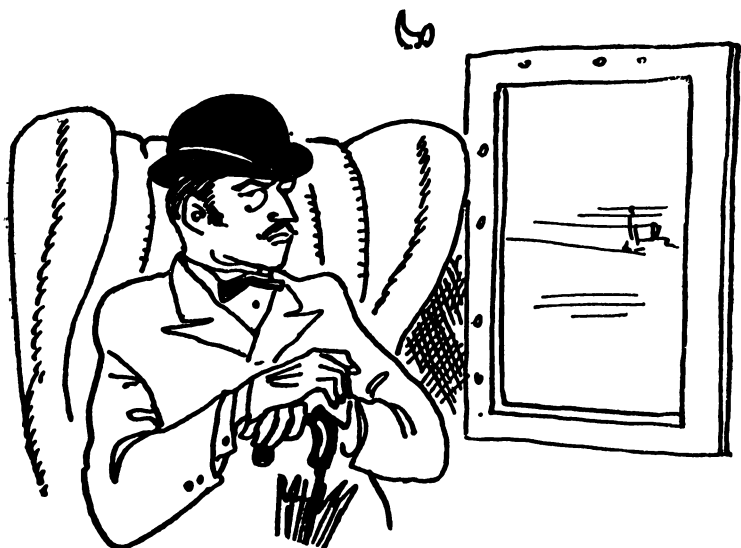
Когда Эмилю исполнилось пять лет, умер его отец, жестяпщик, господин Тышбайн. И с тех пор мать Эмиля завивает щипцами волосы, делает причёски и моет головы продавщицам и другим женщинам, живущим по соседству. Кроме того, она готовит, убирает квартиру и даже с большой стиркой управляет сама. Она очень любит Эмиля и рада, что может работать и зарабатывать деньги. Иногда она поёт весёлые песенки, а иногда болеет, и тогда Эмиль сам делает яичницу для неё и для себя. Это он умеет. Жарить бифштексы он тоже умеет. В сухарях и с луком.

**В-ТРЕТЬИХ, НЕМАЛОВАЖНАЯ ДЕТАЛЬ НАШЕГО РАССКАЗА -
КУПЕ ЖЕЛЕЗНОДОРОЖНОГО ВАГОНА.**

Поезд, в котором есть это купе, идёт в Берлин. Забегая вперёд, скажу вам, что в этом купе уже в ближайших главах будут происходить весьма удивительные события. Вообще странная штука такое вот купе. Совершенно чужие люди сидят здесь рядышком, и за несколько часов они успевают столько порассказать друг другу, словно знакомы уже долгие годы. Иногда это очень мило и вполне уместно. А иногда — вовсе нет. Ведь никто не знает, что за люди ваши попутчики.

В-ЧЕТВЁРТЫХ, ГОСПОДИН В КОТЕЛКЕ.

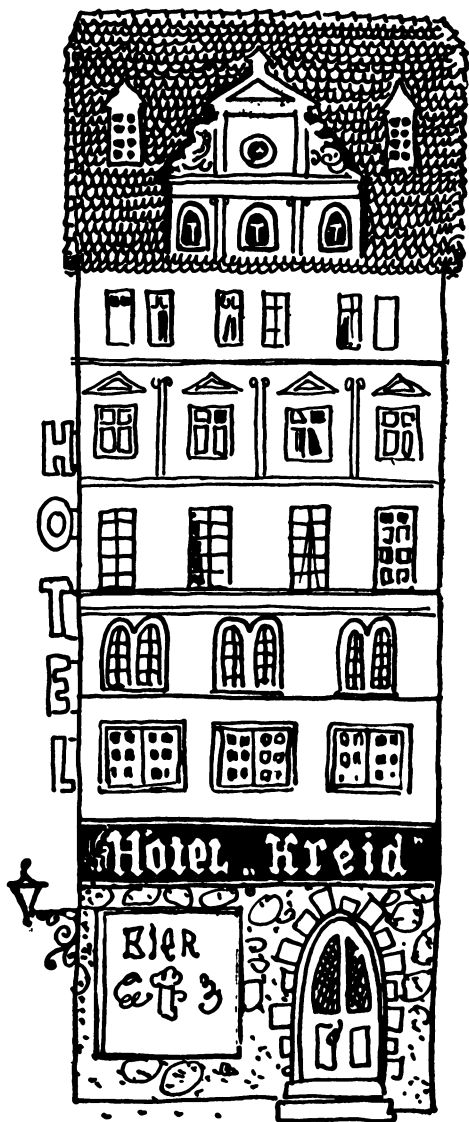

Кто он — неизвестно. Правда, считается, что о людях нельзя плохо думать, пока не убедишься, что они того заслуживают. И всё же я попрошу вас быть в этом отношении крайне осторожными, ибо, как говорится, не зная броду, не суйся в воду. Нас учат, что всякий человек хороший. Что ж, вероятно, так оно и есть, но этому хорошему человеку не всё должно сходить с рук, иначе может случиться, что он станет плохим.

Эта девочка на детском велосипеде — берлинская кузина Эмиля. Кое-кто считает, что надо говорить не кузина, а двоюродная сестра. Уж не знаю, как говорят у вас дома. Но лично я зову своих кузин кузинами, а не двоюродными сёстрами. И в семье Тышбайнов их тоже так зовут. Но кому это не нравится, может зачеркнуть иностранное слово «кузина» и написать сверху «двоюродная сестра». Из-за такой чепухи мы с вами ссориться не будем. А в остальном Пони-Шапочка очень милая девочка, и зовут её, конечно, совсем по-другому. Её мать — родная сестра фрау Тышбайн. А Пони-Шапочка, как вы уже догадались,— это прозвище.

В-ШЕСТЫХ, ГОСТИНИЦА НА ПЛОЩАДИ НОЛЛЕНДОРФ.

Есть в Берлине площадь Нёллендорф, и на этой площади, если не ошибаюсь, находится гостиница, где встретятся некоторые герои этой истории, но они не подадут друг другу руки. Впрочем, не исключено, что эта гостиница находится на площади Фёрбелинер. По правде сказать, я-то точно знаю, где она находится, но хозяин этой гостиницы, как только он услышал, что я собираюсь написать книгу про Эмиля и сыщиков, прибежал ко мне и стал просить не называть её адреса. Если станет известно, что в его гостинице останавливались «такие» типы, сказал он, то это создаст ей дурную славу. С этим я не мог не согласиться. И хозяин гостиницы ушёл, несколько успокоившись.

Зовут его Густав. И по физкультуре у него всегда пятёрка. Чем он ещё может похвастаться? Довольно добрым сердцем и автомобильным клаксонном. Густава знают не только все ребята с его улицы, но и с соседних улиц тоже, и он всеми командует. Когда он обегает дворы и жмёт на грушу клаксона так, что она ревёт, будто сирена, все мальчишки бросают свои дела и мчатся вниз по лестницам, чтобы узнать, что случилось. Обычно он всего лишь набирает две футбольные команды, и ребята отправляются гурьбой на пустырь стучать мячиком. Но иногда клаксон служит и для других целей. Вот как, например, в истории с Эмилем.

В-ВОСЬМЫХ, ОТДЕЛЕНИЕ БАНКА.

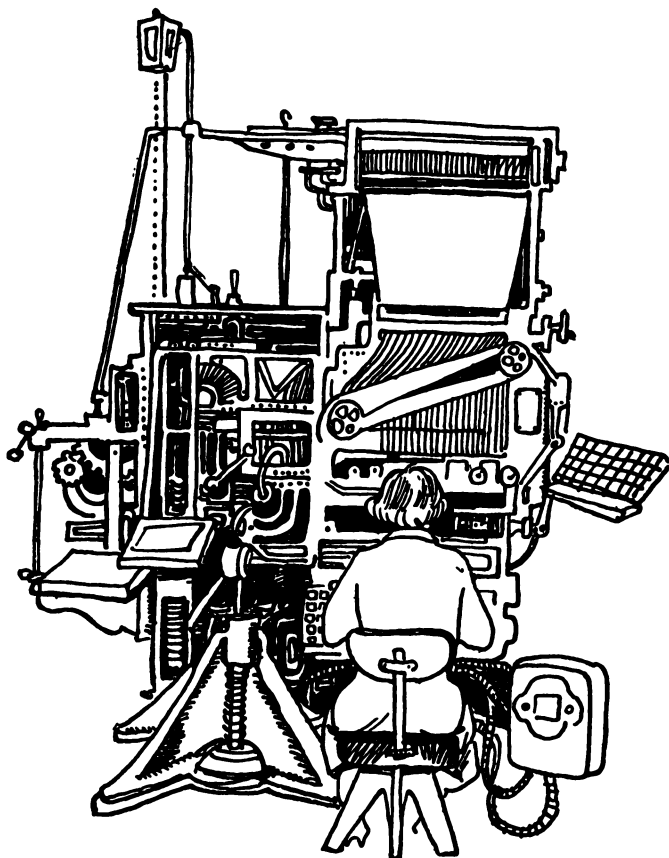

Во всех районах города большие банки имеют свои отделения. Там можно — конечно, если есть деньги, — купить акции и получить деньги наличными, конечно, если есть текущий счёт. Часто туда прибегают ученики продавцов, чтобы разменять деньги по поручению кассирши, у которой нет мелочи, чтобы давать сдачу. Вместо одной бумажки в десять марок они получают сто десятипфенниговых монет. Там можно также обменять иностранную валюту — доллары, швейцарские франки или итальянские лиры на немецкие марки. Даже ночью люди иногда посещают банк, несмотря на то, что он закрыт на замок. Поэтому им приходится, так сказать, заниматься самообслуживанием.

В-ДЕВЯТЫХ, БАБУШКА ЭМИЛИ.

Это самая прекрасная бабушка из всех бабушек, которых я знал, хотя всю свою жизнь она провела в заботах и хлопотах. Просто есть на свете люди, которым не составляет ни малейшего труда быть весёлыми. А для других, напротив, это тяжёлая, мучительная работа. Прежде бабушка Эмиля жила вместе с ним, а когда умер жестянщик Тышбайн, отец Эмиля, ей пришлось переехать в Берлин к другим своим дочерям, потому что мама Эмиля зарабатывает слишком мало, чтобы прокормить троих. И вот теперь бабушка живёт в Берлине, и каждое письмо, которое она пишет Эмилю и его маме, она заканчивает одной и той же фразой: «У меня всё хорошо, чего и вам желаю».

В газетах пишут обо всём, что происходит. Но, конечно, только если это что-то хоть немножко из ряда вон выходящее. Когда рождается телёнок с четырьмя ногами, это никого не интересует. А вот если у него пять или шесть ног, что иногда случается, то взрослые охотно читают про это за завтраком.

Если господин Мюллер честный малый, то до него никому нет решительно никакого дела. Но вот если он разбавляет водой молоко и продаёт эту бурду за сливки, то о нём напишут в газете. Напишут, как бы он ни протестовал. Вы проходили когда-нибудь мимо типографии, где печатаются газеты? Там всё гудит, звенит, стучит так, что стены дрожат.

НУ, А ТЕПЕРЬ НАЧНЁМ НАКОНЕЦ НАШ РАССКАЗ

Глава первая

ЭМИЛЬ ПОМОГАЕТ МЫТЬ ГОЛОВУ

— А ну-ка,— сказала ф́рау Тышбайн,— возьми этот кувшин с горячей водой.

Сама она взяла другой кувшин и синий флакон с шампунем и направилась из кухни в комнату. Эмиль схватил кувшин и поспешил за матерью.

В комнате, наклонившись над белым тазом, сидела женщина. Её волосы были распущены и свисали, закрывая лицо, словно охапка нечёсаной шерсти. Мама Эмиля полила эту белокурую копну шампунем и так энергично принялась тереть чужую голову, что сразу же взбилась пена.

— Не горячо? — спросила она.

— Терпеть можно,— ответила голова.

Ах, да ведь это жена булочника, ф́рау Вирт!

— Здравствуйте, ф́рау Вирт,— сказал Эмиль и поставил кувшин под туалетный столик.

— Тебе повезло, Эмиль, я слышала, ты едешь в Берлин,— раздалось из-под намыленных волос, и голос звучал так, словно говорившую окунули в битые сливки.

— Правда, сперва он не хотел ехать,— сказала мама, не переставая тереть голову ф́рау Вирт.— Ну, а чего мальчишке здесь зря болтаться во время каникул? В Берлине он никогда не был, а моя сестра Марта нас уже давно приглашает. Её муж зарабатывает вполне прилично, он служит на почте. Я, конечно, ехать никак не могу. Под праздники у меня самая работа.

Да он уже не маленький, сам доедет, а в Берлине на вокзале Фридрихштрассе его встретит бабушка. Она будет его ждать у цветочного киоска, чтобы с ним не разминуться.

— Берлин ему понравится. Детям там интересно. Мой муж ездил туда полтора года назад на соревнование по игре в кегли, и я с ним. Ну и сутолока! Там есть улицы, где ночью светлее, чем днём. А машин сколько!..— бубнила фрау Вирт из глубины таза.

— Заграничных машин много? — спросил Эмиль.

— А почём я знаю,— сказала фрау Вирт и чихнула, потому что мыльная пена попала ей в нос.

— Ну, а теперь пойдёшь переодеваться, да поживей,— поторопила его мама.— Я всё тебе приготовила. Выходной костюм лежит на кровати. Уже время собираться в путь. Как только я причешу фрау Вирт, мы будем обедать.

— А какую надеть рубашку? — осведомился Эмиль.

— Всё лежит на кровати. Носки смотри не порви. Да не забудь сперва как следует помыться. И вдень, пожалуйста, новые шнурки в ботинки. Ну, иди — и не везись, слышишь!

— Ага,— подтвердил Эмиль и исчез.

Когда с причёской было покончено и фрау Вирт, с удовлетворением бросив взгляд в зеркало, наконец удалилась, мама открыла дверь в спальню и увидела, что Эмиль с несчастным видом мечется по комнате.

— Скажи мне, пожалуйста, кто выдумал все эти выходные костюмы?

— Не знаю, а что?

— Укажи мне на этого типа, и я его убью.

— Ах ты, бедняжка! Как мне тебе не посочувствовать? Другие ребята огорчаются, что у них нет приличного костюма, а ты... Но, конечно, у каждого свои заботы... Да, чтоб не забыть: обязательно попроси у тётки Марты вечером плечики и аккуратно повесь на них костюм. А перед тем вычисти его как следует щёткой, слышишь? Смотри только не забудь! Ну, а завтра, уж ладно, можешь снова влезть в твой любимый старый свитер. Как будто всё? Чемодан твой я сложила, цветы для тётки Марты в бумагу завернула. Деньги для бабушки я дам тебе в послед-

нюю минуту. Что ж, давай обедать. Разрешите вас пригласить к столу, молодой человек!

Фрау Тышбайн обняла сына за плечи и повела его в кухню. К обеду были макароны с тёртым сыром и ветчина. Эмиль уплетал за двоих и лишь изредка вопросительно поглядывал на маму, словно желая убедиться, не обижена ли она тем, что он ест с таким аппетитом, несмотря на предстоящую разлуку.

— Как только приедешь, сразу же напишешь открытку. Я её положила в чемодан, прямо сверху.

— Слушаюсь,— сказал Эмиль и поспешно, стараясь не привлечь внимание мамы, смахнул со штанины макаронину. К счастью, мать ничего не заметила.

— Всем передай от меня привет. И смотри не зевай там на улице. Берлин — это не Нейштадт. В воскресенье дядя Роберт поведёт тебя в музей кайзера Фридриха. Так ты веди себя хорошо, чтобы потом не говорили, что здесь, в провинции, дети невоспитанны и не знают приличий.

— Всё будет как надо, даю тебе честное слово,— пообещал Эмиль.

Пообедав, они вернулись в спальню. И тогда мама вынула из шкафа жестяную коробочку, в которой лежали деньги, и стала их считать. Потом она покачала головой и снова пересчитала.

— Кто приходил ко мне вчера? — спросила она.

— Фрейлейн Томас и фрау Хомбург,— ответил Эмиль.

— Да, верно. Но всё равно не сходится,— сокрушённо сказала мама и опять погрузилась в какие-то расчёты.

Она достала бумажку, на которой записывала, сколько кто заплатил, опять стала что-то высчитывать, и в конце концов объявила:

— Не хватает восьми марок.

— Да ведь сегодня утром приходил газовщик.

— Забыла! Тогда, увы, всё сходится!

Мама даже свистнула с досады и вынула из жестяной коробочки три купюры.

— Послушай, Эмиль! — сказала она. — Вот тебе сто сорок марок. Смотри, три бумажки: одна стомарковая и две по два-

дцать. Сто двадцать марок ты отдашь бабушке и скажешь, чтобы она не сердилась, что я в тот месяц ничего ей не послала, иначе мне бы не свести концы с концами. Зато теперь ты сам привёз ей деньги, и даже больше, чем обычно. И крепко поцелуй её. Понял? У тебя останется двадцать марок. Когда придёт время возвращаться домой, ты купишь себе билет на поезд. Это будет стоить около десяти марок. Точно я не знаю. А остальные деньги ты истратишь на то, чтобы платить за себя, когда вы будете куда-нибудь ходить. Да и вообще не мешает иметь в кармане две-три марки на всякий случай. Вот в этот конверт от письма тёти Марты я вложу деньги. Смотри, не потеряй. Куда ты его спрячешь?

Мама положила три купюры в аккуратно вскрытый конверт, затем сложила его пополам и протянула Эмилю.

Эмиль подумал и сунул конверт с деньгами в правый внутренний карман, на самое дно. Потом для проверки похлопал по пиджаку в том месте, где был карман, и сказал уверенно:

— Теперь они никуда не денутся.

— Ты только никому в поезде не рассказывай, что везёшь столько денег.

— Ну что ты, мамочка!

Эмиль был просто оскорблён, что мать может заподозрить его в такой глупости! Фрау Тышбайн положила несколько марок в свой кошелёк и поставила жестяную коробочку назад, в шкаф. Затем она ещё раз пробежала глазами письмо сестры, где было указано время отправления и прибытия поезда, которым Эмиль должен ехать в Берлин.

Некоторым из вас, возможно, покажется, что сто сорок марок не стоят того долгого разговора, который затеяла из-за них парикмахерша Тышбайн со своим сыном. И в самом деле, когда кто-нибудь зарабатывает две тысячи, или двадцать тысяч, или сто тысяч марок в месяц, то ему незачем так долго говорить о ста сорока марках.

Но имейте в виду, если вы этого не знаете, что большинство людей зарабатывают куда меньше. И когда ты получаешь в неделю не больше тридцати пяти марок, то сто сорок марок, сэконом-

ленные с большим трудом, — сумма огромная. Нравится вам это или нет, но это так. Для очень, очень многих людей сто сорок марок — это всё равно что миллион, и мысленно они пишут эту цифру с пятью нулями. А что такое миллион на самом деле, они даже и во сне представить себе не могут.

Как вы знаете, отца у Эмиля не было, и мама его трудилась, не покладая рук, завивала блондинок и брюнеток, мыла им головы, чтобы заработать на жизнь и заплатить за квартиру, за газ, за уголь, чтобы купить одежду и учебники для Эмиля и внести плату за его обучение. Иногда она болела, тогда приходил доктор и прописывал лекарства. В такие дни Эмиль ставил маме компрессы и сам варил обед. А когда мама спала, он даже мыл пол, чтобы мама не сказала: «Придётся мне встать, а то такая грязь в квартире».

Можете вы это понять? И не будете вы теперь смеяться, если я вам скажу, что Эмиль во всех отношениях образцовый мальчик. Видите ли, он просто любит свою маму и умер бы со стыда, если бы бил баклуши, когда она работает, не щадя себя, и экономит буквально каждый пфенниг. Вот почему он не может пойти в школу, не выучив уроков, или списать задачку, скажем, у Рихарда Неймана. Или прогулять при случае занятия. Он видит, как мама выбивается из сил, чтобы у него было всё, что есть у других реалистов. Разве можно в ответ её обманывать и огорчать?

Итак, Эмиль был, что называется, образцовым мальчиком. Это так. Но не подумайте, что он из той породы пай-мальчиков, которые ведут себя образцово из трусости, из жадности или из стариковской рассудительности. Он был образцовый потому, что хотел быть образцовым! Он принял такое решение, как принимают решение не ходить больше в кино или не есть конфет. И хотя он и принял такое решение, выполнять его ему часто бывало очень трудно.

Но когда в конце учебного года он приходил домой и говорил: «Мама, вот мой табель. Я опять первый в классе», он был счастлив. Похвалам, которые он слышал в школе, да и не только в школе, он радовался не из-за себя, а из-за матери, потому что

ей было приятно, когда его хвалили. Он гордился, что может хоть как-то отплатить ей за всё, что она, не зная усталости, делала всю свою жизнь для него...

— Ой! — воскликнула мама. — Нам пора выходить. Уже четверть второго. А поезд уходит без пяти минут два.

— Что ж, пошли, фрау Тышбайн, — сказал Эмиль матери шутливым тоном, — но имейте в виду: чемодан я понесу сам!

Глава вторая

СЕРЖАНТ ЙЕШКЕ МОЛЧИТ

Когда они вышли из дому, мама сказала:

— Если подойдёт конка, давай сядем и доедем до вокзала.

Знает ли кто-нибудь из вас, как выглядит конка? Она как раз выехала в эту минуту из-за угла и остановилась, потому что Эмиль махнул рукой. Я воспользуюсь этим, чтобы вам её быстро описать, пока она не покатила дальше.

Конка — это прежде всего совершенно невероятная штука. Представьте, она катится по рельсам, как настоящий взрослый трамвай, и вагоны у неё как у трамвая, но тащит её не мотор, а лошадь. По мнению Эмиля и его друзей, эта кляча была позором для их родного города, и они мечтали о настоящем трамвае, который приводил бы в движение электрический ток, о трамвае с пятью прожекторами спереди и тремя сзади. Однако городской совет Нейштадта считал, что для их четырёхкилометровой линии вполне достаточно одной живой лошадиной силы. Так что об электрическом моторе пока и речи не было, и вожатый не нажимал на рычаг, а дёргал левой рукой за вожжи, а правой помахивал кнутом. Эй, пошла, пошла!

И если кто-нибудь жил, скажем, на Магистратной улице, 12 и хотел сойти у своего дома, он просто-напросто стучал вожатому в стекло, и тогда тот кричал: «Тпру!» — лошадь останавливалась, и пассажир сходил, где ему надо, хотя трамвайная остановка была расположена у дома 30 или там 46. Но нейштадтский трамвай не считался с официальными остановками. У трамвая времени было хоть отбавляй. Лошадь никуда не торопилась. И во-

жатый тоже. А жители города Нейштадта и подавно. Если же кто-нибудь случаем и в самом деле спешил, то он шёл пешком...

На Вокзальной площади ф́рау Тышбайн и её сын сошли. И пока Эмиль стаскивал с площадки свой чемодан, он вдруг услышал, как за его спиной прогудел густой бас:

— Что, в Швейцарию отправляетесь?

Голос этот принадлежал полицейскому сержанту Йёшке. Мать ответила:

— Нет, мой мальчик едет на неделю в Берлин, к родным.

А у Эмиля прямо в глазах потемнело. Потому что совесть у него была не чиста. Дело в том, что на днях он вместе с тоза-рищами — их было человек двенадцать — отправились после урока физкультуры к памятнику великого герцога, прозванного Кривошёким Карлом, и нахлобучили на его лысую голову старую фетровую шляпу. А потом ребята уговорили Эмиля, потому что он рисовал лучше всех, взобраться на пьедестал и намалевать великому герцогу красный нос и чёрные как смола усы. И в самый разгар его вдохновенной работы на углу Базарной площади появился сержант Йёшке! Ребята не растерялись — их словно ветром сдуло. Тем не менее они опасались, что сержант их узнал.

Однако Йёшке ничего не сказал про тот случай, даже, напротив, приветливо пожелал Эмилю доброго пути и осведомился, как идут дела у ф́рау Тышбайн.

Но всё же Эмилю было как-то не по себе. И пока он тащил свой чемодан по площади к зданию вокзала, у него от страха дрожали колени. Он всё ждал, что Йёшке вдруг закричит ему вслед: «Эмиль Тышбайн, ты арестован. Руки вверх!» Но этого не произошло. Может быть, сержант просто ждёт возвращения Эмиля из Берлина?

Потом мама купила в кассе железнодорожный билет для Эмиля — конечно, жёсткий, — а для себя перронный. И они вышли на первый перрон — да, да, в Нейштадте целых четыре перрона! — и стали ждать поезда в Берлин. Он должен был прибыть через несколько минут.

— Смотри не забудь ничего в купе! И не сядь по рассеян-

ности на букет! Чемодан надо поставить на багажную полку,— попроси кого-нибудь, тебе помогут. Только повежливей, пожалуйста!

— Чемодан я сам смогу поставить. Что, я девчонка, что ли?

— Ладно, ладно. Не прозевай своей остановки. В Берлин ты приедешь в 18.17. Слезть тебе надо на Фридрихштрассе. Смотри не сойди раньше, у Зоопарка или ещё где.

— Не тревожьтесь понапрасну, мадам!

— Пожалуйста, не вздумай разговаривать с чужими таким дерзким тоном! И ещё — не бросай бумагу, в которую я завернула тебе бутерброды с колбасой, на пол. А главное — не потеряй деньги!

Эмиль в ужасе ощупывает свой пиджачок там, где находится правый боковой карман, облегчённо переводит дух и говорит:

— Пока идём без потерь.

Он берёт мать под руку и прогуливается с ней вдоль перрона.

— Не работай слишком много, мамочка! И не болей! А то ведь некому будет за тобой ухаживать. Если ты заболеешь, я тут же сяду на самолёт и прилечу домой. И ты мне тоже пиши. Я проживу в Берлине не больше недели, так и знай.

Эмиль крепко обнял маму. Она чмокнула его в нос.

И тут как раз с рёвом и грохотом прибыл поезд. Эмиль ещё раз обнял маму и, схватив чемодан, полез в вагон. Мама протянула ему букет и свёрток с бутербродами. Потом спросила, есть ли свободное место. Он кивнул в ответ.

— Итак, сойдёшь на Фридрихштрассе!

Он кивнул.

— И веди себя как следует, разбойник!

Он кивнул.

— И не обижай Пони-Шапочку. Вы небось уж и не узнаете друг друга.

Он кивнул.

— И пиши мне.

— И ты мне тоже.

Разговор этот, наверно, никогда бы не кончился, если бы не было расписания поездов. Вдоль состава прошёл начальник по-

езда, крича: «По вагонам! По вагонам!» Защёлкали дверцы купе. Двинулись рычаги паровоза, и поезд тронулся.

Мама ещё долго стояла на перроне и махала платком. Потом она медленно повернулась и пошла домой. А так как платок у неё всё равно уже был в руке, она малость всплакнула.

Но только самую малость, потому что дома её уже ждала жена мясника фрау Густина, которой надо было помыть голову и уложить волосы.

Глава третья

ЭМИЛЬ ЕДЕТ В БЕРЛИН

Войдя в купе, Эмиль снял свою школьную фуражку, поклонился и сказал:

— Добрый день, господа. Не найдётся ли здесь для меня местечка?

Местечко, конечно, нашлось. А полная дама, которая уже успела скинуть с левой ноги туфлю, потому что она ей жала, сказала своему соседу, господину, дышавшему с присвистом:

— Теперь не часто встретишь таких воспитанных детей. Я вот вспоминаю свою молодость. О боже, тогда всё было по-другому.

Говоря это, она шевелила затёкшими пальцами левой ноги. Эмиль с интересом следил за этими гимнастическими упражнениями. А сосед её так тяжело дышал, что едва смог одобрительно кивнуть.

Эмиль давно уже знал, что есть такие люди, которые по любому поводу вадыхают: «О боже, насколько прежде всё было лучше!» И если кто-нибудь при нём говорил, что прежде и воздух был лучше, и рога у быков длиннее, он пропускал это мимо ушей. Ведь в большинстве случаев это неправда, а такие люди просто ворчуны, которые цепляются за любой повод, лишь бы быть недовольными, потому что они ни за что не хотят быть довольными.

Эмиль ощупал для верности правый карман своего пиджачка и, услышав, как шуршит заветный конверт, вздохнул свободно.

К тому же пассажиры, сидящие в купе, вызывали доверие, так как не походили ни на разбойников с большой дороги, ни на убийц. Рядом со стариком, дышавшим с присвистом, сидела женщина и вязала крючком шаль, а у окна сосед Эмиля, господин в чёрном котелке, читал газету.

Вдруг господин в котелке оторвался от чтения, вынул из кармана плиточку шоколада, отломил кусочек и протянул мальчику:

— Ну, как жизнь, молодой человек?

— У меня каникулы,— ответил Эмиль и взял шоколад.

Потом он поспешно вскочил, сорвал с головы фуражку, поклонился и представился:

— Меня зовут Эмиль Тышбайн.

Все в купе засмеялись. Господин в свою очередь приподнял котелок и произнёс:

— Очень приятно. Грундайс.

Потом толстая женщина, сидевшая без левой туфли, сказала:

— Скажи-ка, живёт ли ещё в Нейштадте господин Күрцхальц, владелец магазина готового платья?

— Конечно, живёт,— обрадовался Эмиль.— Вы что, его знаете? Он недавно купил земельный участок возле магазина.

— Смотри-ка! Передай ему привет от фрау Якоб из Гросс-Грюнау.

— Так я же еду в Берлин!

— Это не к спеху: передашь, когда вернёшься,— сказала фрау Якоб, снова зашевелила пальцами и принялась так хохотать, что шляпа съехала ей на лоб.

— Значит, ты едешь в Берлин? — спросил господин Грундайс.

— Ага. Бабушка будет ждать меня у цветочного киоска на вокзале Фридрихштрассе,— ответил Эмиль и снова оцупал конверт. Слава богу, конверт по-прежнему шуршал.

— Ты уже бывал в Берлине?

— Нет.

— Ну, ты будешь поражён! В Берлине есть дома в сто эта-

жей, а крыши привязывают к небу, чтобы их не сдуло ветром... А если кому-нибудь нужно поскорее попасть в другой конец города, он бежит на почту, там его запаковывают в ящик и сжатым воздухом гонят по трубе, как пневматическое письмо, в то почтовое отделение, куда ему надо... А если у человека нет денег, он отправляется в банк и, оставив в залог свой мозг, получает там тысячу марок. А, как известно, человек может прожить без мозга только два дня. Чтобы получить свой мозг назад, он должен вернуть банку уже не тысячу, а тысячу двести марок. Теперь изобрели такие новые медицинские аппараты...

— Видно, вы как раз и заложили свой мозг в банке, — прервал его свистящий старик и добавил: — Перестаньте болтать глупости.

Толстая ффрау Якоб так перепугалась, что уже не шевелила пальцами левой ноги, и даже дама, вязавшая шаль, перестала вязать.

Эмиль принуждённо улыбнулся. Мужчины стали выяснять отношения. Эмиль подумал: «Так просто меня не купишь!» — и развернул пакет с бутербродами, хотя только что пообедал. Когда он справился с третьим бутербродом, поезд остановился на какой-то большой станции. Но названия он не увидел, а что прокричал кондуктор, не расслышал. Там сошли свистящий старик, дама с вязанием и ффрау Якоб из Гросс-Грюнау. Правда, она чуть не проехала, потому что никак не могла всунуть левую ногу в туфлю.

— Так не забудь передать привет господину Курцхальцу, — повторила она на прощание.

Эмиль кивнул.

И он оказался в купе вдвоём с господином в котелке. Эмиль был от этого не в восторге. Человек, который раздаёт шоколад и рассказывает всякие небылицы, доверия не вызывает. Эмилю захотелось снова потрогать конверт. Но он не решился этого сделать, а подождал, пока поезд тронулся, пошёл в туалет, вынул там конверт из кармана, пересчитал деньги — все сто сорок марок были в целости и сохранности — и стал думать, как же быть. Наконец он придумал. Он взял булавку, которую на-

шёл в лацкане пиджачка, проткнул её сквозь все три купюры, сквозь конверт, а потом и сквозь подкладку кармана. Он, так сказать, пригвоздил к себе деньги. «Теперь уже ничего не может случиться», — решил он и вернулся в купе.

Господин Грундайс, уютно расположившись в углу, спал. Эмиль обрадовался, что ему не надо поддерживать разговор, и стал глядеть в окно. Мимо проносились деревья, ветряные мельницы, поля, фабрики, стада коров, крестьяне, махавшие вслед поезду. Очень интересно было наблюдать, как всё проплывало перед глазами, словно вертелась пластинка. Но нельзя же часами смотреть в окно!

Господин Грундайс продолжал спать и даже слегка похрапывал. Эмиль охотно походил бы взад-вперёд по купе, но боялся разбудить своего попутчика — меньше всего на свете он хотел, чтобы тот проснулся. Поэтому он забился в противоположный угол и стал глядеть на спящего. Интересно, почему он не снял котелка? У него было длинное лицо, тонкие чёрные усыки, тысяча морщинок вокруг рта, острые оттопыренные уши.

Ой! Эмиль вздрогнул и испугался не на шутку. Он чуть было не заснул! Спать ему нельзя ни при каких обстоятельствах. Хоть бы ещё кто-нибудь вошёл к ним в купе! Поезд несколько раз останавливался, но, как назло, никто не садился. А было всего четыре часа, ехать предстояло ещё целых два часа. Он ущипнул себя за ногу... В школе, на уроках истории у господина Бремзера, это всегда помогало.

И сейчас это сработало на некоторое время. Эмиль старался себе представить, как теперь выглядит Пони-Шапочка. Но он не мог вспомнить её лица. Он помнил только, что, когда она вместе с бабушкой и тётёй Мартой приезжала в последний раз в Нейштадт, она всё хотела с ним боксировать. Он, конечно, не соглашался, потому что она в весе пера, а он уж никак не меньше полулёгкого. Это было бы просто неприлично с его стороны, сказал он ей тогда. Если он как следует двинет ей апперкотом по скуле, она в стену врежется. Но она отстала от него, только когда вмешалась тётя Марта.

Ой, ой! Он чуть было не свалился с сиденья. Опять заснул?

Он всё щипал и щипал себя за ногу. Небось нога уже вся в сляках. И всё же это не помогало.

Попробовал считать пуговицы. Сперва сверху вниз, а потом снизу вверх. Сверху вниз он насчитал двадцать три штуки, а снизу вверх—двадцать четыре. Он откинулся на спинку сиденья и стал думать, почему получается по-разному. И вот тут он заснул.

Глава четвёртая

СОН, В КОТОРОМ МНОГО БЕГОТНИ

Вдруг Эмилю показалось, что их поезд мчится по кругу, как игрушечный поезд по кольцу рельсов на полу комнаты. Он глядел в окно и не переставал удивляться. Круг всё сужался. Расстояние между паровозом и последним вагоном быстро уменьшалось, причём паровоз явно всё время убыстрял ход. Поезд кружился вокруг себя, словно собака, которая норовит укусить себя за хвост. А в чёрном кругу, очерченном мчавшимся поездом, стояли деревья, стеклянная мельница и огромный дом в двести этажей.

Эмиль захотел узнать, который час, и полез в карман, чтобы вытащить часы. Он их всё тащил и тащил, но никак не мог вытащить, а в конце концов у него в руках оказались настенные часы из маминой комнаты. Он поглядел на циферблат и прочёл: «185 часов километров. Плевать на пол опасно для жизни». Он снова кинул взгляд в окно. Паровоз уже совсем догонял хвостовой вагон. Эмиль очень испугался. Ведь если паровоз наскочит на этот вагон, произойдёт крушение. Это ясно, как дважды два. Эмиль не собирался сидеть сложа руки и ждать несчастного случая. Он выскочил из купе и побежал по проходу. Может, машинист просто заснул? По дороге он заглядывал в другие купе. Нигде ни души. Поезд был пуст. Кроме него, там ехал только ещё один пассажир в котелке из шоколада; он отломил на глазах у Эмиля кусочек и тут же его съел. Эмиль постучал к нему в купе и молча указал на паровоз, но человек в шоколадном котелке только рассмеялся, отломил ещё кусочек и стал себя гладить по животу — так ему было вкусно.

Наконец Эмиль добрался до тендера, потом ловко подтянулся и залез на паровоз к машинисту. Машинист сидел почему-то на козлах; в одной руке он держал вожжи, другой помахивал кнутом, словно в паровоз была запряжена лошадь. Эмиль поглядел: так оно и оказалось, причём не одна лошадь, а целых шесть пар! На копытах у всех были серебряные ролики, они катились на них по рельсам и пели:

Надо мне, надо мне в городок попасть.

Эмиль схватил возницу за плечо и закричал: «Придержите лошадей. Не то случится несчастье!» И тут он увидел, что возницей был не кто иной, как господин сержант Йешке.

Йешке окинул Эмиля пронизательным взглядом и завопил: «Кто был тогда с тобой? Кто размалевал великого герцога Карла?»

«Я», — ответил Эмиль.

«А ещё кто?»

«Не скажу!»

«Тогда будем дальше мчаться по кругу».

И сержант Йешке так ударил кнутом, что лошади встали на дыбы и понесли, уже совсем догоняя хвостовой вагон. А в том вагоне сидела, оказывается, фрау Якоб, размахивала снятой с ноги туфлей и умирала от страха, потому что лошади вот-вот могли схватить её за разутую ногу.

«Я дам вам двадцать марок, господин сержант!» — крикнул Эмиль.

«Не болтай глупости!» — заорал на него Йешке и пуще прежнего стал погонять лошадей.

Эмиль не выдержал и выпрыгнул на ходу с поезда. Он покатился по откосу и перекувырнулся двадцать раз через голову, но ничего себе не повредил. Он встал на ноги и поглядел на поезд. Поезд остановился, и все двенадцать лошадей повернули головы в сторону Эмиля. Сержант Йешке привстал на козлах; он нещадно бил лошадей и орал, погоняя их:

«Эй, пошли, пошли! За ним!»

И тогда все двенадцать лошадей соскочили с рельсов и по-

мчались на Эмиля, а вагоны запрыгали следом, словно резиновые мячики.

Эмиль недолго думая пустился наутёк. Он бежал что было духу по лужайке, мимо деревьев, через ручей прямо к небоскрёбу. Иногда он оборачивался: поезд мчался за ним по пятам, считая всё на своём пути. Только один огромный дуб стоял невредимый, а на него влезла толстая ффрау Якоб; она сидела на ветке на самой верхушке, ветер раскачивал её, она плакала и никак не могла застегнуть свою новую туфлю. Эмиль кинулся дальше.

В доме в двести этажей были большие чёрные ворота. Он вбежал в них и выбежал с другого конца. Поезд по-прежнему мчался за ним. Эмилю больше всего на свете хотелось забиться в уголок и уснуть, потому что он ужасно устал и у него тряслись все поджилки. Но ему нельзя было спать! Поезд уже въехал в ворота дома.

Тут Эмиль увидел железную лестницу. Она шла вдоль всего дома до самой крыши. И он полез по ней. К счастью, он был хорошим гимнастом. Он лез и считал этажи. На пятидесятом этаже он отважился обернуться. Огромный дуб казался совсем крошечным, а стеклянная мельница была едва различима. Но — о ужас! — поезд и здесь ехал за ним: он полз вверх по дому. Эмиль лез всё выше и выше. А поезд громыхал где-то рядом по железным перекладинам лестницы, словно это рельсы.

Сотый этаж, сто двадцатый, сто сороковой, сто шестидесятый, сто восьмидесятый, сто девяностый, двухсотый этаж! Эмиль стоял на крыше и не знал, что делать. До него уже доносилось ржание лошадей. Он отбежал на другой конец крыши, вынул из кармана носовой платок и развернул его. Когда показались взмыленные лошади у края крыши, а за ними загромыхал поезд, Эмиль поднял платок над головой, словно парашют, и прыгнул в пустоту. Он услышал, как поезд крушил на своём пути домовые трубы... Потом Эмиль, видно, потерял на несколько секунд сознание.

И вот — плюх! — он приземлился на лужайке.

Он лежал с закрытыми глазами: ему хотелось поскорее

уснуть и увидеть какой-нибудь хороший сон. Но так как он ещё не чувствовал себя в безопасности, он кинул взгляд на небоскрёб и увидел, что на крыше все двенадцать лошадей раскрыли зонтики. У сержанта Йешке вместо кнута тоже был уже зонтик в руке, и он погонял им лошадей. Они присели на задние ноги, рванулись вперёд и прыгнули в пустоту. Поезд плавно спускался на лужайку и становился всё больше и больше.

Эмиль снова вскочил на ноги и побежал по лужайке к стеклянной мельнице. Она была совсем прозрачна, и Эмиль увидел там свою маму, которая как раз мыла волосы ффрау Аугустине. «Слава богу», — подумал он и вбежал через заднюю дверь в мельницу.

«Мамочка! — крикнул он. — Что мне делать?»

«Что случилось, малыш?» — спросила мама, продолжая намыливать голову.

«Погляди сквозь стену!»

Ффрау Тышбайн поглядела и увидела, как лошади, а за ними поезд, приземлившись на лужайке, помчались во всю прыть прямо на мельницу.

«Так это же сержант Йешке!» — воскликнула мама и удивлённо покачала головой.

«Он давно уже гонится за мной словно бешеный».

«Почему?»

«Я на днях намалевал великому герцогу Карлу Кривощёккому красный нос и чёрные усы на верхней губе».

«А кому же ещё ты мог бы нарисовать усы?» — спросила ффрау Аугустина и прыснула со смеху.

«Никому, ффрау Аугустина. Но это ещё полбеды. Главное, он требовал, чтобы я назвал имена тех, кто был со мной. А этого я ему ни за что не скажу. Это дело чести».

«Эмиль прав, — сказала мама, — но что же нам делать?»

«Включите-ка мотор, милая ффрау Тышбайн», — посоветовала ффрау Аугустина.

Мама Эмиля нажала на какой-то рычажок у стола, и крылья мельницы пришли в движение, а так как они были из стекла, они так засияли и засверкали на солнце, что слепило глаза.

И когда лошади с поездом примчались к мельнице, они испугались, встали на дыбы и застыли на месте как вкопанные. Сержант Йешке ругался настолько громко, что это было слышно даже сквозь стеклянные стены. Но, несмотря на все его усилия, лошади не двигались с места.

«Ну вот, видите, теперь вы можете спокойно домыть мне голову,— сказала фрау Аугустина.— С вашим мальчиком ничего не случится».

Парикмахерша Тышбайн снова принялась за работу. А Эмиль сел на стул, который тоже был из стекла, и стал насвистывать какую-то песенку. Потом он громко рассмеялся и сказал:

«Как здорово всё получилось! Если бы я знал, что ты здесь, я не лез бы вверх по этой проклятой лестнице».

«Надеюсь, ты не порвал свой костюм,— сказала мама, а потом спросила: — Ты деньги-то не потерял?»

Эмиль вздрогнул и с грохотом упал со стеклянного стула. Он проснулся.

Глава пятая

ЭМИЛЬ СХОДИТ НЕ НА ТОЙ ОСТАНОВКЕ

Когда Эмиль проснулся, поезд как раз отъезжал от станции. Во время сна он упал со скамейки и лежал сейчас на полу. Он страшно перепугался. Почему, он сам ещё толком не понимал. Но сердце его ухало, как паровой молот. Он сел на корточки, во всё ещё никак не мог сообразить, где он, собственно говоря, находится. Потом, по частям, всё вспомнил. Ну да, конечно, он же едет в Берлин. И уснул дорогой. Как тот господин в котелке... Эмиль рывком вскочил на ноги и прошептал:

— Его нет!

У него подогнулись колени. Чисто машинально он стал отряхивать свой костюм. Естественно возникал вопрос: «Целы ли деньги?» Но этот вопрос внушал ему смертельный страх.

Он долго простоял, прислонившись к дверце купе. Он не решался пошевелиться. Вот там, напротив него, ещё совсем

недавно сидел и спал господин по имени Грундайс. И даже храпел. А теперь его нет. Конечно, всё могло быть в полном порядке. Ведь даже некрасиво сразу подозревать худшее. Не должны же все люди ехать до вокзала Фридрихштрассе только потому, что он сам туда едет. И деньги наверняка лежат на месте. Куда им деться? Они ведь лежат в конверте. Конверт спрятан в кармане и даже приколот булавкой к подкладке. И Эмиль опустил руку в правый внутренний карман пиджака.

Карман был пуст. Денег не было!

Эмиль порылся в кармане левой рукой. Потом стал ощупывать пиджак снаружи правой. Но результат был всё тот же: карман был пуст, деньги исчезли.

— Ай!

Эмиль выдернул руку из кармана, а в руке торчала булавка, та самая, которой он проткнул для страховки конверт с деньгами. В кармане ничего не было, кроме этой булавки, и теперь она вонзилась ему в указательный палец так глубоко, что потекла кровь.

Он обмотал палец носовым платком и заплакал. Конечно, не из-за того, что пошла кровь. На такие пустяки он вообще не обращал никакого внимания. Две недели назад он с разбегу врезался в столб и стукнулся так сильно, что искры из глаз полетели, вот и до сих пор у него ещё шишка на лбу. Но тогда он и не думал плакать.

Плакал он из-за денег. Плакал он из-за мамы. И если какой-нибудь мальчишка этого не понимает, будь он хоть самый смелый, он ничего не стоит. Эмиль знал, сколько работала его мама изо дня в день, много месяцев, чтобы скопить для бабушки эти деньги и послать его в Берлин. Хорош сынок, ничего не скажешь! Едва он очутился в поезде, как уткнулся в угол, уснул, видел какой-то дурацкий сон и позволил первому встречному типу украсть деньги. Как же ему не плакать? Что ему теперь делать? Сойти на вокзале Фридрихштрассе и сказать бабушке: «Вот я и приехал. Но денег я тебе не привёз, так и знай. Наоборот. Ты мне дай поскорее деньги на обратный билет в Нейштадт. Не по шпалам же мне идти?»

Ну и история! Мама зря копила деньги. Бабушка не получила ни пфеннига. В Берлине остаться он не может. Домой ехать тоже было нельзя. И всё из-за этого господина, который угощает детей шоколадом и притворяется спящим, чтобы потом их ограбить. Вот так дела творятся на свете!

Эмиль не без труда проглотил слёзы и огляделся. Если дёрнуть за тормоз, поезд тут же остановится. И прибежит проводник. Сперва один, потом другой, третий, и все будут спрашивать: «Что случилось?»

«У меня украли деньги», — объяснит он.

«В другой раз будешь внимательней, — скажут они. — А теперь садись на своё место. Как тебя зовут? Где проживаешь? За остановку поезда без надобности штраф сто марок. Счёт пришлют по месту жительства».

В скором хоть можно пройти через весь состав в служебное отделение, к начальнику поезда, и заявить о краже, а в этом почтово-пассажирском не было даже прохода от вагона к вагону! Хочешь не хочешь, жди теперь следующей станции, а тем временем человек в котелке смоеется. А тогда ищи-свищи, а его и след простыл. Эмиль ведь даже не знал, где он вышел. Интересно, который сейчас час? Долго ли ещё до Берлина? В окне мелькали то какие-то большие дома, то виллы с яркими цветниками, то снова грязные здания с высокими кирпичными трубами. Наверно, это уже был Берлин. На ближайшей остановке он должен позвать проводника и всё ему рассказать. А проводник тут же заявит об этом в полицию.

Только этого ему не хватало! Теперь придётся иметь дело с полицией. И сержант Йешке не будет, конечно, больше молчать: ему придётся исполнить свой служебный долг и заявить: «Ученик реального училища Эмиль Тышбайн мне что-то не нравится. Сперва он размалёвывает памятники, которые мы все должны чтить. А потом заявляет, что у него украли сто сорок марок. А кто знает, быть может, эти деньги у него вовсе не украли? Если мальчик размалёвывает памятники, то он и соврёт, не дорого возьмёт. На этот счёт у меня есть кое-какой опыт. Скорее всего, он сам закопал эти деньги в лесу или про-

глотил их, чтобы потом удрать в Америку. Чего же нам в таком случае искать вора? Реалист Тышбайн и есть вор. Господин начальник полиции, арестуйте его, пожалуйста».

Какой ужас! Он даже не может обратиться в полицию!

Эмиль достал с полки чемодан, нахлобучил фуражку, заткнул булавку снова за лацкан и приготовился к выходу, хотя не имел никакого понятия о том, что ему предпринять. Но в этом купе ему больше нельзя оставаться. Это, во всяком случае, было ясно.

А поезд тем временем явно замедлил ход. Эмиль поглядел в окно: путей становилось всё больше, рельсы сверкали па солнце, потом показался перрон, по нему бежали носильщики.

Поезд остановился. Эмиль прочёл название станции: «Зоопарк». Защёлкали дверцы купе. Люди выходили. На перроне толпились встречающие. Начались обычные объятия, приветствия.

Эмиль высунулся в окно, чтобы увидеть начальника поезда. И вот тут-то он заметил вдали, в самой гуще толпы, господина в котелке. А вдруг это вор? Кто знает, может быть, украв у Эмиля деньги, он вовсе не сошёл с поезда, а перешёл просто в другой вагон?

В следующее мгновение Эмиль уже стоял на перроне и стаскивал с подножки свой чемодан. Потом он снова залез в вагон, потому что забыл взять букет, спрыгнул с подножки, схватил чемодан и побежал что было духу к выходу.

Где котелок? Эмиль расталкивал людей, бил чемоданом по ногам, спотыкался, но бежал дальше. А толпа с каждой минутой становилась плотнее, и всё труднее было пробиваться сквозь неё.

Вот он! Там, у поворота, маячит котелок! Бог ты мой, а вон появился ещё один котелок! Эмиль уже выбился из сил, он едва тащил чемодан. Оставить бы его где-нибудь здесь. Но нельзя, а то ещё и чемодан украдут!

Наконец он кое-как протиснулся к котелку.

А вдруг он! Он?

Нет.

Вон там ещё котелок.

Нет... Этот человек слишком мал ростом...

Эмиль, как индеец, пробирався сквозь толпу.

Вон, вон ещё один!

Да, это он! Слава богу, это Грундайс. Он проходил как раз сквозь турникет и, судя по всему, торопился.

«Подожди, каналья,— пробормотал про себя Эмиль,— ты от меня не уйдёшь!»

Он сдал контролеру билет, взял чемодан, сунул букет под мышку и побежал за Грундайсом вниз по лестнице.

Теперь всё зависело от него самого.

Глава шестая

ТРАМВАЙ 177

Больше всего Эмилю хотелось подбежать к Грундайсу, стать перед ним, расставив ноги, и крикнуть: «Гони деньги!» Но трудно было предположить, что тот ответит: «Охотно, детка. Вот тебе вся сумма. И поверь, больше я этого делать не буду». Таким простым путём Эмиль ничего бы не добился. Пока что самым главным было не потерять этого типа из виду.

Эмиль прятался за спиной толстой дамы, которая шла перед ним, и лишь изредка выглядывал то справа, то слева, чтобы убедиться, что господин в котелке не пустился вдруг наутёк. А Грундайс тем временем дошёл до выхода, остановился на ступеньке, обернулся и принялся разглядывать идущих за ним людей, словно он кого-то искал. Эмиль прижался совсем вплотную к толстой даме и подходил всё ближе к вору. Что же будет? Через секунду Эмиль с ним поравняется, и тогда всё пропало. Может, эта женщина придёт ему на помощь? Но, скорее всего, она ему просто не поверит. А вор скажет: «Простите, сударыня, но что это вам взбрело в голову? Неужели я похож на человека, который грабит маленьких детей?» И сразу соберётся толпа, все уставятся на мальчика и будут возмущаться: «Дожили! Так клеветать на взрослых! Нет, что ни говори, современная молодёжь никуда не годится!» При одной мысли об этой сцене Эмиль застучал зубами.

Но, к счастью, Грундайс вдруг перестал рассматривать толпу и вышел на улицу. Эмиль мигом оказался у двери, поставил чемодан на пол и поглядел в зарешеченное стекло. У него так ныла рука!

Вор медленно перешёл на ту сторону улицы, ещё раз обернулся и, явно успокоившись, двинулся дальше. А слева, из-за угла, выехал трамвай. На нём красовался номер 177, и он затормозил на остановке.

Грундайс мгновение раздумывал, потом влез в первый вагон и сел у окна.

Эмиль снова схватил свой чемодан, прокрался, нагнувшись, мимо двери дальше по вестибюлю, нашёл другую дверь, выскочил через неё на улицу и добежал до прицепного вагона как раз в тот момент, когда трамвай тронулся. Он забросил чемодан на площадку, потом, уже на ходу, сам вскочил, протащил чемодан в угол, стал рядом и только тогда перевёл дух. Уф, с этим он, кажется, справился!

Но что будет дальше? Если Грундайс спрыгнет на ходу, деньги пропали. Потому что прыгать с чемоданом Эмиль не решится. Это слишком опасно.

Сколько машин! Они обгоняют трамвай, гудят, ревут, а на перекрёстках им наперерез мчатся другие потоки машин. Какой шум! А тротуар весь запружен людьми. Трамваи, двухэтажные автобусы, экипажи! На всех углах газетные киоски. Огромные витрины, от которых не оторвёшь глаз: цветы, фрукты, книги, золотые часы, готовое платье, шёлковое бельё. И высокие, высокие дома.

Вот он каков, Берлин.

Эмилю очень хотелось всё это поподробней разглядеть. Но ему было некогда: ведь в переднем вагоне сидел человек с его деньгами и мог каждую минуту выскочить и исчезнуть в толпе. И тогда — крышка. Потому что в этой толпе, среди всех этих машин, автобусов и людей, никого нельзя найти. Эмиль высунул голову в окно: а вдруг этот голубчик смылся? Может, он уже один едет в этом трамвае, не зная, куда и зачем, а бабушка тем временем ждёт его на вокзале Фридрихштрассе у цветочного

киоска, и ей невдомёк, что её внук катит по Берлину в трамвае 177 и что с ним стряслась такая беда. Хоть лопни с досады!

Трамвай остановился. Эмиль не сводил глаз с моторного вагона. Но никто не сошёл. Зато много народу вошло. На площадке, где стоял Эмиль, стало тесно. Какой-то дяденька начал ругать за то, что он высовывается.

— Ты что, не видишь, люди хотят сесты! — ворчал тот.

Кондуктор, продававший в вагоне билеты, дёрнул за шнур. Раздался звонок, и трамвай покатил дальше. Эмиль снова забился в свой угол, его толкали, кто-то наступил ему даже на ноги, а он думал с испугом: «У меня ведь нет денег! Если кондуктор выйдет на площадку, я должен взять билет. А если я не возьму билета, он меня высадит. И тогда всё пропало».

Эмиль оглядел стоящих рядом с ним людей. Может, тронуть кого-нибудь за рукав и тихо попросить: «Одолжите мне, пожалуйста, деньги на билет». Но у всех такие сосредоточенные лица! Какой-то дяденька читал газету. Двое других разговаривали об ограблении какого-то банка.

— Они сделали подкоп, — рассказывал один, — проникли в помещение и спокойно вскрыли все сейфы. Похитили ценностей на несколько миллионов, не меньше.

— Точно установить, что именно унесли из этих сейфов, будет крайне трудно. Ведь люди, снимающие сейфы, не обязаны сообщать банку, что они там держат.

— Конечно, любой съёмщик сейфа может теперь заявить, что у него там хранились бриллианты стоимостью в сотни тысяч марок, а на самом деле там лежала жалкая пачка малоценных бумаг или дюжина мельхиоровых ложек.

И оба засмеялись.

«Вот так точно будет и со мной, — печально подумал Эмиль. — Я скажу, что Грундайс украл у меня сто сорок марок. Но никто мне не поверит. А вор скажет, что это просто нахальство с моей стороны, что там было всего три марки пятьдесят пфеннигов. Влип же я в историю!»

Кондуктор тем временем всё приближался к площадке. Теперь он уже стоял в дверях и громко спрашивал:

— Кто ещё не взял билета? Кто ещё не взял билета?

Он отрывал от рулона большие белые листочки и особыми щипцами пробивал в них ряд дырочек.

Пассажиры, стоящие на площадке, давали ему мелочь и получали билеты.

— Ну, а ты? — обратился он к мальчику.

— Я потерял деньги, господин кондуктор, — ответил Эмиль. Потому что никто бы ему не поверил, если бы он сказал, что деньги у него украли.

— Потерял деньги? Ты мне сказки не рассказывай, мы такое уже слышали. А куда ты едешь?

— Этого... этого я ещё не знаю, — пробормотал Эмиль, запинаясь.

— Что ж, тогда сойди-ка на следующей остановке и сперва реши, куда тебе надо.

— Нет, я не могу сойти, мне обязательно надо ехать на этом трамвае. Пожалуйста, не высаживайте меня, господин кондуктор, прошу вас.

— Раз я велел тебе сойти, значит, сходи. Понятно?

— Дайте мальчику билет, — сказал дяденька, читавший газету.

И он протянул кондуктору деньги. Кондуктор оторвал Эмилю билет, но сказал с неодобрением:

— Если бы вы только знали, сколько мальчишек катаются каждый день на трамвае, и все они, как один, уверяют, что потеряли деньги, а потом смеются над нами!

— Этот не будет смеяться, — возразил дяденька с газетой.

Кондуктор снова вошёл в вагон.

— Большое, большое вам спасибо, — сказал Эмиль.

— Не за что, — ответил дяденька и снова уткнулся в газету.

Трамвай опять остановился. Эмиль поспешно высунул голову, чтобы поглядеть, не сходит ли Грундайс. Но котелка на улице не обнаружил.

— Не дадите ли вы мне ваш адрес? — спросил Эмиль у человека, читавшего газету.

— А зачем тебе?

— Чтобы я мог вернуть вам деньги. Я пробуду в Берлине, наверное, неделю, и я зашёл бы к вам как-нибудь. Моя фамилия Тышбайн. Эмиль Тышбайн из Нейштадта.

— Нет, эти деньги я тебе, конечно, подарил, тут и говорить не о чем. Может, дать тебе ещё немного?

— Ни в коем случае,— твёрдо сказал Эмиль.— Я не возьму больше ни пфеннига.

— Как хочешь.— И господин с газетой снова углубился в чтение.

Трамвай ехал, останавливался, снова ехал. Эмиль прочёл название одной широкой, красивой улицы: Кайзераллее. Он ехал и не знал, куда он едет. В переднем вагоне сидел вор. А может быть, в этом трамвае сидели или стояли ещё и другие воры. И никому здесь не было дела до Эмиля. Правда, чужой дяденька подарил ему деньги на проезд. Но потом он снова уткнулся в газету.

Город был таким огромным! А Эмиль — таким маленьким! И никто даже не поинтересовался, почему у него нет денег и почему он не знает, где ему надо сходить. В Берлине живёт четыре миллиона человек. Но никому из них нет дела до Эмиля Тышбайна. Никто не хочет вникать в чужие заботы. У каждого хватает своих забот и своих радостей. И когда здесь кто-нибудь говорит: «О, я вам от души сочувствую», то чаще всего это надо понимать как: «Старик, отвяжись от меня!»

Что же будет? Эмиль тяжело вздохнул. И он почувствовал себя очень, очень одиноким.

Глава седьмая

НА ШУМАНШТРАССЕ ВОЛНЕНИЕ

Пока Эмиль, стоя на площадке трамвая 177, ехал по Кайзераллее и не имел ни малейшего понятия о том, куда он направляется, его ждали бабушка и Пони-Шапочка, его двоюродная сестра, как было условлено, на вокзале Фридрихштрассе у цветочного киоска, и всё время смотрели на часы. Мимо про-

ходила толпа людей с чемоданами, ящиками, коробками, кожаными сумками и букетами цветов. Но Эмиля среди них не было.

— Он, наверное, очень вырос, да? — спросила Пони-Шапочка, катая взад-вперёд свой маленький никелированный велосипед.

Конечно, его незачем было брать с собой на вокзал. Но она так долго канючила, что бабушка в конце концов сдалась: «Ну уж ладно, бери, своевольница». И теперь своевольница была в прекрасном настроении и заранее радовалась восхищённым взглядам Эмиля. «Он наверняка скажет, что это мировой велик», — сообщила она бабушке тоном знатока.

А бабушка начинала беспокоиться:

— Я что-то ничего не понимаю. Уже двадцать минут седьмого. Поезд давным-давно должен был прийти.

Они подождали ещё несколько минут, а потом бабушка послала девочку спросить, пришёл ли поезд.

Пони-Шапочка и тут, конечно, не рассталась с велосипедом.

— Вы не можете мне сказать, почему опаздывает поезд из Нейштадта? — спросила она у контролёра, проверявшего билеты у выхода на перрон.

Он стоял у турникета и пробивал на каждом билете дырочки особыми шипцами.

— Нейштадт? Нейштадт? — Он на мгновение задумался, а потом сказал: — Ах, да, 18. 17. Поезд давным-давно прибыл.

— Неужели? А мы вот стоим у цветочного киоска и ждём моего кузена Эмиля.

— Очень рад, очень рад.

— А почему это вы так радуетесь? — с любопытством спросила Пони и звякнула велосипедным звонком.

Контролёр ничего не ответил и отвернулся.

— Какой вы невоспитанный дядя! — обиженно сказала девочка. — До свиданья!

Стоящие рядом люди засмеялись. Контролёр с досады прикусил губу. А Пони-Шапочка вернулась к киоску.

— Поезд уже давным-давно прибыл, бабушка.

— Что же могло случиться? — недоумевала бабушка. —

Если бы он почему-либо не выехал, мать послала бы телеграмму. Неужели он вышел не на той остановке? Но ведь мы всё так точно описали.

— Ничего не понимаю,— сказала с важным видом Пони.— Скорее всего, он вылез не там, где надо. Мальчишки вообще такие бестолковые. Готова держать пари! Вот увидишь, что я права.

Им ничего не оставалось, как ждать. И они ждали. Прошло пять минут.

Потом прошло ещё пять минут.

— Больше ждать явно нет никакого смысла,— сказала Пони бабушке.— Мы можем здесь простоять ещё год. Нет ли где другого цветочного киоска?

— Пойди посмотри. Но только не задерживайся!

Шапочка снова отправилась в путь вместе со своим велосипедом и обошла весь вокзал. Другого киоска нигде не оказалось. Потом она навела какие-то справки у двух железнодорожников и вернулась с гордым видом.

— Так вот, киоска больше нет,— заявила она.— Да это было бы смешно — два цветочных киоска! Что я ещё хотела сказать? Ах да, следующий поезд из Нейштадта приходит в 20.33, то есть чуть позже половины девятого. Поэтому мы с тобой сейчас отправимся домой. А ровно в восемь я снова приеду сюда на велосипеде. Если и тогда его не окажется, я напишу ему такое письмо, что будь здоров!

— Пони, как ты выражаешься!

— Такое письмо, что закачаешься,— так тоже говорят. Это тебя устраивает?

Бабушка нахмурила брови и покачала головой.

— Что-то мне всё это не нравится. Что-то мне всё это не нравится,— проговорила она. Когда она волновалась, она всегда всё повторяла два раза.

Они медленно пошли домой. Когда они подходили к мосту Вейдендаммер, Пони-Шапочка спросила:

— Бабушка, хочешь, я тебя прокачу?

— Да что ты несёшь!

— А что? Ты уж никак не тяжелее Артура Циклера, а мы часто ездим с ним вместе.

— Имей в виду, если это ещё раз повторится, отец отберёт у тебя велосипед.

— Тебе нельзя ничего рассказывать,— огрызнулась Пони.

Когда они пришли домой — они жили на Шуманштрассе, 15,— родители Пони Хеймбольд ужасно разволновались.

Отец предложил дать матери Эмиля телеграмму.

— Ни в коем случае!— воскликнула его жена, мама Пони.— Она умрёт от страха. Мы к восьми часам ещё раз пойдём на вокзал. Может, он придет следующим поездом.

— Будем надеяться, будем надеяться,— бормотала бабушка.— Но скажу вам прямо: что-то мне всё это не нравится, что-то мне всё это не нравится.

— И мне тоже это не нравится,— сказала Пони-Шапочка и задумчиво покачала своей маленькой головкой.

Глава восьмая

ПОЯВЛЯЕТСЯ МАЛЬЧИК С КЛАКСОНОМ

Господин в чёрном котелке сошёл с трамвая на Трауменауштрассе, угол Кайзераллее. Эмиль это увидел, схватил чемодан, букет, ещё раз сказал дяденьке с газетой: «Большое, большое вам спасибо» — и тоже вылез.

Вор обошёл передний вагон, пересек трамвайные рельсы и перешёл на другую сторону улицы. Трамвай поехал дальше, и тогда Эмиль снова увидел Грундайса, который сперва постоял в нерешительности на тротуаре, а потом поднялся по ступенькам на террасу кафе.

Теперь снова надо было действовать очень осторожно, чтобы не привлечь внимание вора. Эмиль быстро сориентировался: увидев на углу газетный киоск, он метнулся туда и скрылся за ним. Лучшего места, чтобы спрятаться, и придумать нельзя было: рядом стояла тумба для афиш, и вот в этот узкий проход между киоском и тумбой он поставил свой чемодан, сел на него, снял фуражку, перевёл дух и тогда только огляделся.

Тип в котелке сел тем временем за столик на террасе кафе, у перил. Он покуривал сигаретку и был, видно, в отличном настроении. Эмилю казалось ужасным, что вор вообще может быть в таком отличном настроении, а тот, кого обокрали, должен страдать и чувствовать себя бессильным.

Собственно говоря, что толку прятаться за киоском, словно вор — он, а не тот тип там, на террасе. Что толку знать: вор сидит в кафе «Жюсти» на Кайзераллее, пьёт светлое пиво и курит сигареты? Если вору вздумается вдруг встать, придётся продолжать погоню. А если он будет сидеть на этой террасе, то Эмиль простоит за киоском, пока у него не вырастет борода. Но хватало ещё только, чтобы подошёл полицейский и сказал: «Ты здесь что-то подозрительно долго торчишь, малый. А ну, пошлика со мной по-хорошему, а не то надену наручники».

И как раз в этот момент за спиной Эмиля раздался гудок. Эмиль испуганно отскочил в сторону, обернулся и увидел мальчишку, который стоял и хохотал над ним.

— Держись за воздух, а то загремишь, — насмешливо бросил мальчишка.

— А кто это гудел за моей спиной? — спросил Эмиль.

— Как — кто? Ясное дело, я. Ты, видать, не здешний, а то знал бы, что у меня в кармане клаксон. Меня здесь все знают.

— Я из Нейштадта. А сейчас — прямо с вокзала.

— Вот оно что, из Нейштадта. Поэтому на тебе такой дурацкий костюм.

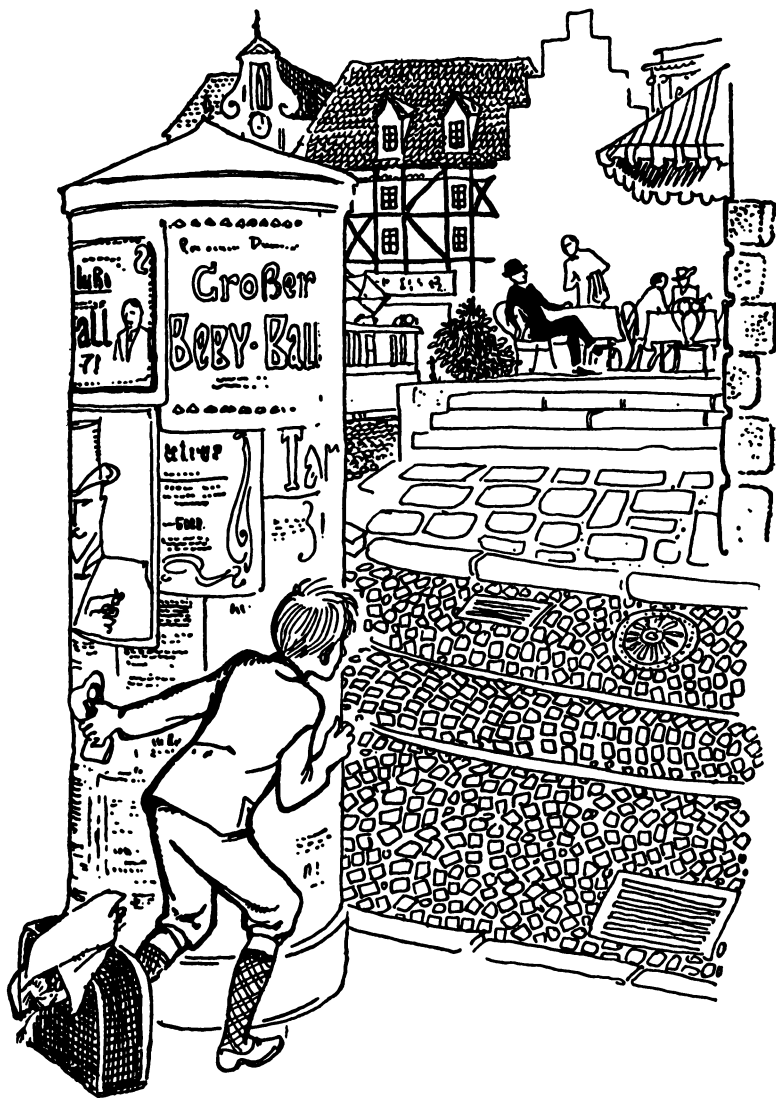
— Полегче на поворотах. А то я тебе так врежу, что будь здоров.

— Ты что, рассердился? — спросил добродушно мальчишка. — Что ж, погода для бокса подходящая. Начнём, что ли?

— Давай отложим на потом, сейчас мне некогда, — объяснил Эмиль и поглядел на террасу, сидит ли там ещё Грундайс.

— А я думал, у тебя времени хоть отбавляй. Торчишь с чемоданом и букетом за газетным киоском, сам с собой в прятки играешь! Для таких забав надо иметь тьму свободного времени.

— Нет, — сказал Эмиль, — я слежу за воров.

Эмиль быстро спрятался за тумбу для афиш.

— За кем? Я что-то, верно, не расслышал. Ты вроде «вор» сказал. Кого же он обокрал?

— Меня! — сказал Эмиль с явной гордостью. — В вагоне. Пока я спал. Взял сто сорок марок. Я вёз их бабушке, которая живёт здесь, в Берлине. Он перебрался в другое купе и сошёл на остановке «Зоопарк». Я, сам понимаешь, за ним. Он — на трамвай, я — тоже. А вот теперь он сидит там, на террасе кафе, — вон, видишь, в котелке, да ещё у него прекрасное настроение.

— Ой, старик, да это же колоссально! — восторженно завопил мальчишка с клаксоном. — Это же как в кино! Что ты собираешься делать?

— Понятия не имею. Буду идти за ним по пятам. А что дальше — ещё не знаю.

— А ты скажи полицейскому: он твоего вора живо схватит.

— Не буду. В Нейштадте был у меня один случай... короче, в полиции ко мне могут отнестись с подозрением. И если я...

— Всё понятно.

— А на вокзале Фридрихштрассе меня ждёт бабушка.

Мальчик подумал, а потом сказал:

— Классно это у тебя с воровом получилось! Мировецкая история, честно! Если ты не против, я тебе помогу.

— Вот было бы здорово! Я тебе так благодарен!

— Какая чушь! Разве я могу в таком не участвовать? Меня зовут Густав.

— А меня — Эмиль.

Они пожали друг другу руки и очень друг другу понравились.

— А теперь за дело! — заявил Густав. — Если мы будем здесь просто так стоять, то добыча уйдёт у нас прямо из-под носа. У тебя есть ещё деньги?

— Ни пфеннига.

Густав тихо погудел, чтобы придумать, как быть, но это не помогло: ему ничего не пришло в голову.

— А может, — нерешительно начал Эмиль, — ты позовёшь ещё ребят...

— Отличная мысль! — завопил Густав в восторге. — Точно, так и сделаем. Стоит мне обежать несколько дворов и погудеть, ребят налетит, хоть отбавляй.

— Вали беги, но возвращайся поскорее, — сказал Эмиль. — А то вдруг этот тип вздумает идти дальше. Тогда мне, конечно, придётся кинуться за ним. Представляешь, ты заявишься со своей подмогой, а нас и след простыл!

— Ясно! Я тут же вернусь. Можешь на меня положиться. А этому типу принесли там, в кафе, омлет и ещё что-то. Пока он всё это не слопает, он не двинется с места. До скорого, Эмиль! Вот мировая история, прямо с ума сойти! А что ещё будет — закачаешься!

И его словно ветром сдуло.

Эмиль почувствовал огромное облегчение. Беда остаётся бедой во всех случаях. Но если у тебя при этом есть друзья, которые действуют вместе с тобой, то на душе всё же становится куда легче.

Эмиль не спускал глаз с вора, который уплетал будь здоров, наверное, на те деньги, что сэкономила мама. Теперь бояться надо было только одного: вдруг этот негодяй встанет и уйдёт? Тогда ни Густав со своим клаксоном, ни все остальные ребята Эмилю уже не помогут.

Но господин Грундайс был настолько любезен, что не торопился. Конечно, если бы он подозревал о заговоре ребят, о западне, в которой он вот-вот окажется, он попросил бы подать ему не омлет, а по меньшей мере самолёт, чтобы убраться отсюда поскорее. Но откуда ему было знать, что над ним сгустились такие тучи?

Не прошло и десяти минут, как Эмиль снова услышал гудок. Он обернулся и увидел, что не меньше двадцати ребят под предводительством Густава шагают к нему по Траутенайштрассе.

— Стоп! — скомандовал Густав и с сияющим лицом спросил Эмиля: — Ну, что ты на это скажешь?

— Я потрясён, — ответил Эмиль и от наплыва чувств толкнул Густава в бок.

— Итак, господа, разрешите вам представить Эмиля из

Нейштадта. Всё остальное я вам уже рассказал. Вон там, на террасе, у перил, справа, сидит эта свинья в котелке. Если мы его упустим, то мы после этого последние кретины.

— Да что ты, Густав, мы его возьмём тёпленьким,— сказал мальчик в роговых очках.

— Это — Профессор,— представил его Густав.

И Эмиль пожал Профессору руку. Потом Эмилю по очереди назвали всех остальных ребят.

— А теперь,— сказал Профессор,— нажмём-ка на газ. Итак, начали. Прежде всего валите деньги.

Каждый дал всё, что у него было. Монетки так и сыпались Эмилю в фуражку. Среди них оказалась даже целая марка. Её бросил маленький мальчик, которого все звали Вторник. Он даже запрыгал от радости, что оказался таким богатым, и в награду ему поручили сосчитать деньги.

— Наш капитал,— сообщил он наконец ребятам, которые просто лопались от нетерпения,— пять марок и семьдесят пфеннигов. По-моему, эти деньги надо разделить между тремя ребятами, на случай, если нам придётся разойтись.

— Правильно,— одобрил Профессор.

Он и Эмиль получили каждый по две марки. Густаву дали марку и семьдесят пфеннигов.

— Спасибо вам, ребята,— сказал Эмиль.— Если мы его поймаем, я верну вам деньги. Что мы теперь будем делать? Прежде всего надо бы куда-нибудь деть этот чемодан и цветы. Когда начнётся погоня, это барахло будет мне здорово мешать.

— Давай-ка сюда твой багаж,— сказал Густав.— Я снесу все это сейчас в кафе «Жости» и оставлю у буфетчика. Кстати, разгляжу нашего голубчика получше.

— Но смотри, будь осторожен! — крикнул ему вдогонку Профессор.— Этому негодяю совсем не обязательно знать, что сыщики напали на его след.

— За кого ты меня принимаешь! — отрезал Густав и умчался. Вернувшись, он сказал:

— Ну и рожка у этого господина! Так и просится на фотографию!.. Вещи твои я отдал, потом мы зайдём за ними.

— Надо бы устроить военный совет,— сказал Эмиль.— Но только не здесь: нам нельзя привлекать к себе внимание.

— Мы пойдём на площадь Никольсбург,— заявил Профессор.— Двое останутся тут караулить дичь. Пять или шесть ребят будут стоять на эстафете, чтобы мы сразу узнали, если он уйдёт. И мы тут же прибежим.

— Этим я сам займусь! — крикнул Густав и тут же принялся организовывать связь.— Я останусь здесь, на форпосте,— сказал он Эмилю,— так что не волнуйся. Мы его не пропустим. Решайте только всё побыстрее. Уже восьмой час. А теперь отваливайте.

Густав расставил посты, а остальные ребята во главе с Эмилем и Профессором отправились на площадь Никольсбург.

Глава десятая

СЫЩИКИ СОВЕЩАЮТСЯ

Ребята расселись — кто на две белые скамейки, стоящие друг против друга, кто на железную ограду скверика — и с серьёзными лицами стали слушать Профессора. А мальчик, которого звали Профессором, казалось, всю жизнь ждал этого дня. Вертя в руках роговые очки, точь-в-точь как его отец, советник юстиции, он излагал план действий.

— Вполне вероятно,— начал он,— что нам вскоре придётся разделиться. Поэтому прежде всего необходимо установить телефонную связь. У кого из вас есть телефон?

Двенадцать мальчиков подняли руки.

— А у кого из вас самые сознательные родители?

— Наверняка у меня! — закричал Вторник.

— Ваш номер?

— Бавария ноль пять семьдесят девять.

— Вот бумага и карандаш. Кру́мбигель, заготовь быстренько двадцать листочков бумаги и напиши на каждом номер Вторника. Только смотри, чтобы было разборчиво! Каждому дашь такой листочек. Диспетчерский пункт всегда будет знать, где

находятся сыщики и что вообще происходит. Кому надо навести справку, позвонит Вторнику.

— Но ведь меня нет дома,— возразил Вторник.

— Нет, ты будешь дома,— заявил Профессор.— Как только кончится наш совет, ты отправишься домой, чтобы дежурить у телефона.

— А мне хочется быть с вами, я тоже хочу увидеть, как поймают вора. Не глядите, что я маленький, я смогу вам здорово пригодиться.

— Ты пойдёшь домой и будешь сидеть у телефона. Это очень ответственное поручение.

— Ладно, раз надо так надо.

А Крумбигель тем временем уже раздавал всем записочки с номером телефона. Ребята тщательно прятали их в карманы, а кто постарательнее, тут же учил номер наизусть.

— Хорошо бы организовать ещё резервный отряд,— предложил Эмиль.

— Это само собой,— сказал Профессор.— Те, кто не будут выслеживать вора, останутся здесь, на площади Никольсбург. Все вы по очереди сбегаете домой и предупредите, что вернётесь сегодня поздно, а кто может, попросит разрешения остаться ночевать у товарища, чтобы было подкрепление, если придётся охотиться до утра. Густав, Крумбигель, Арнольд Миттенцвей, его брат и я позвоним домой из автомата и скажем, что ночевать не придём... Да, Трауготт пойдёт на диспетчерский пункт Вторника как связной и будет бегать за ребятами на площадь, если нам кто-нибудь понадобится. Таким образом, у нас есть сыщики, резервный отряд, диспетчер и связной. Вот и всё для начала...

— Подожди, мы ведь захотим есть,— перебил его Эмиль,— надо сделать запас продовольствия. Может быть, кто-нибудь сбегает домой и принесёт бутерброды?

— Кто живёт ближе всех? — спросил Профессор.— Миттенцвей, Герольд, Фридрих Первый, Бруноти, Церлётт, бегом за едой, марш!

Мальчишки умчались.

— Эй вы, лбы,— вдруг возмутился Трауготт,— всё болтаете

про еду, про телефон, про резервы, а как поймать этого типа — об этом вы и не думаете. Тоже мне... учёные...

Худшего ругательства он придумать не мог.

— А может, надо найти где-нибудь аппарат, чтобы сделать отпечатки пальцев?—предложил Петцольд.— Впрочем, возможно, он работал в резиновых перчатках, тогда вообще ничего не удастся доказать.

Петцольд видел уже двадцать два детективных фильма, но, заметьте, умней он от этого не стал.

— Ты что, совсем обалдел! — взревел Трауготт.— Мы просто выберем подходящий момент и выкрадем у него деньги Эмиля.

— Бред! — крикнул Профессор.— Если мы украдём у него деньги, мы будем такими же ворами, как и он.

— Ну, это ты свистишь! — крикнул в ответ Трауготт.— Если у меня кто-нибудь что-нибудь украдёт, а я выкраду эту вещь назад, то я не стану вором!

— Нет, станешь! — не сдавался Профессор.

— Нет, не стану!

— Профессор прав,— сказал Эмиль.— Если я что-нибудь потихоньку возьму — значит, я вор. И неважно, его ли эта вещь или моя.

— Точно! — подхватил Профессор.— Кончайте трепаться. От этих разговоров толку как от козла молока. В общем так: охота началась, а как нам удастся поймать этого гада, никто пока ещё сказать не может. Поживём — увидим! Ясно только одно: надо его заставить отдать эти деньги добровольно. Выкрадывать их у него — просто идиотство.

— Нет, я всё-таки этого не понимаю,— сказал Вторник.— Как я могу украсть то, что мне принадлежит? Что моё — то моё, даже если оно лежит в чужом кармане.

— Тут есть разница, которую трудно объяснить,— сказал Профессор таким тоном, словно он читал лекцию.— С моей точки зрения, ты имеешь право так поступать. Но суд тебя всё равно осудит. Этого даже многие взрослые не понимают, но это так. Ясно?

— Неясно,— пробурчал Трауготт и пожал плечами.

— Будьте осторожны! Вы умеете незаметно красться вдоль домов? — спросил Петцольд.— А то он вдруг обернётся и вас увидит. И тогда всё пропало.

— Да, красться надо уметь,— подтвердил маленький Вторник,— поэтому я и считал, что вам пригожусь. Знаете, до чего я ловко крадусь! Мне как полицейской ищейке цены бы не было. И лаять я тоже могу.

— Попробуй-ка покрадись по Берлину, будто полицейская ищейка! — разволновался Эмиль.— Увидишь, как тебя никто не заметит! Вот если хочешь, чтобы все на тебя обратили внимание, тогда крадись!

— Но уж без револьвера-то нам никак не обойтись! — воскликнул Петцольд.

Как видите, умный Петцольд сделал ещё одно ценное предложение.

— Точно, без револьвера никак нельзя,— поддержали его два-три мальчика.

— Нет! — отрезал Профессор.

— А у жулика наверняка есть револьвер.

Трауготт готов был спорить, на что хочешь.

— Конечно, мы идём на опасное дело,— сказал Эмиль,— а кто трусит, пусть отправляется домой.

— Уж не хочешь ли ты сказать, что я трус? — спросил Трауготт и двинулся вперёд, как боксёр на ринге.

— Кончай, слышишь! — крикнул Профессор.— Драться будете завтра. Нашли время, ведёте себя как... дети.

— А мы и есть дети,— сказал маленький Вторник.

И все засмеялись.

— По-настоящему мне надо было бы написать хоть несколько слов бабушке. Ведь мои родные понятия не имеют, куда я пропал. Ещё, чего доброго, заявят в полицию. Ребята, может, кто-нибудь отнесёт записку? Они живут на Шуманштрассе, дом пятнадцать.

— Валяй пиши,— сказал мальчик, которого звали Блёуер,— но только быстрее, чтобы я поспел домой, пока не запрут па-

радное. Пожалуй, мне лучше доехать на метро до Ораниенбургских ворот. У кого есть мелочь?

Профессор протянул ему двадцать пфеннигов на дорогу в оба конца, а Эмиль, взяв карандаш, написал на листке:

«Дорогая бабушка!

Вы все, наверное, волнуетесь, куда я пропал. Я в Берлине, но, к сожалению, не могу ещё прийти к вам, потому что у меня есть одно дело. Не спрашивайте какое. Очень важное. Только не пугайтесь. Когда всё уладится, я приду. Заранее радуюсь. Мальчик, который принесёт эту записку,— мой друг. Он знает, где я, но не имеет права рассказать. Это — тайна. Передай привет дяде, тёте и Пони-Шапочке.

Твой преданный внук Эмиль.

Да, мама шлёт вам всем большой привет и букет цветов, который я принесу, когда приду».

Эмиль сложил бумажку, написал адрес и сказал:

— Смотри только не проболтайся, где я, и про деньги ни слова, а то мне здорово влетит.

— Ладно, не бойся. Давай сюда твою телеграмму. Когда я вернусь, я позвоню диспетчеру, чтобы узнать, как дела. Считайте меня в резерве.

И он убежал.

Тем временем вернулись ребята с бутербродами, а Герольд даже приволок целую колбасу. Он сказал, что её дала мама. Допустим.

Все пять мальчишек предупредили дома, что вернутся поздно. Эмиль раздал бутерброды, и каждый сунул себе в карман по одному про запас. Колбасу же отдали Эмилю, как НЗ. Потом домой побежали другие пять мальчиков, чтобы отпроситься ещё на некоторое время. Двое из них не вернулись — видимо, родители не разрешили.

Профессор объявил пароль, чтобы сразу было ясно, что тот, кто звонит, звонит по делу: пароль — «Эмиль». Очень легко запомнить.

Потом, пожелав сыщикам ни пуха ни пера, ушли Вторник и его связной, вечно чем-то недовольный Трауготт. Профессор

крикнул им вдогонку, чтобы Вторник позвонил ему домой и сказал отцу, что у него неотложное дело.

— Тогда он не будет беспокоиться, и мне не попадёт.

— Чёрт возьми, — воскликнул Эмиль, — мировецкие родители у вас тут в Берлине!

— Не думай только, что все такие шёлковые, — проворчал Крумбигель и почесал затылок.

— Да нет, жаловаться не приходится. В общем, с ними можно иметь дело, — возразил Профессор. — Они ведут себя разумно: так, по крайней мере, им не врут. Я обещал своему старику «не предпринимать ничего плохого или опасного». И пока я держу слово, мне разрешают делать всё, что я хочу. Мировой мужик у меня отец!

— Да, родители что надо! — повторил Эмиль. — Но послушай, ведь сегодня может быть опасно.

— Ну что ж, тогда я потеряю право делать, что хочу, — объяснил Профессор и пожал плечами. — Отец сказал, что я должен всякий раз прикинуть, как бы я себя вёл, будь он со мной. Так вот, совесть у меня чиста. Ну, а теперь нам пора...

Профессор стал перед мальчишками и крикнул:

— Сыщикам нужна ваша помощь. Действуйте! У нас есть телефонная станция. Деньги я вам оставлю. Вот у меня марка пятьдесят пфеннигов. Возьми, Герольд, и пересчитай! Запас продовольствия у нас есть. Деньги тоже... Каждый знает номер телефона. Да, и ещё одно: кому надо домой, пусть идёт. Но не меньше пяти человек должны быть здесь всё время. Докажите, что вы настоящие мужчины! А мы тоже будем стараться изо всех сил. Если понадобится подмена, Вторник пришлёт к вам Трауготта. Вопросы есть? Всё ясно? Пароль — «Эмиль».

— Пароль — «Эмиль»! — закричали в ответ мальчишки, да так громко, что вся площадь сотряслась, а у прохожих глаза на лоб полезли от удивления.

В эту минуту Эмиль был, пожалуй, счастлив, что у него украли деньги.

И тут как раз вдали показались три мальчика, из тех, что обслуживали эстафетную связь. Они бежали что было духу и махали руками.

— Помчались,— скомандовал Профессор и кинулся по Кайзераллее, а за ним следом рванулись Эмиль, братья Миттенцвей и Крумбигель.

Ребята так неслись, что казалось, они намерены установить мировой рекорд. Но последние десять метров до киоска они перешли на шаг, потому что Густав подал им какой-то знак.

— Опоздали? — испуганно прошептал Эмиль.

— Ты что, обалдел, старик? — шёпотом ответил Густав.— Со мной такого не бывает.

Вор стоял на той стороне улицы, перед кафе «Жости», и оглядывал местность, словно находился в Швейцарии. Потом он купил у газетчика вечернюю газету и углубился в чтение.

— Если он вздумает перейти улицу, он окажется рядом с нами. Ну и положеньице!

Ребята притаились за киоском и, дрожа от волнения, по очереди выглядывали из-за угла. Но вор этого явно не принимал во внимание: он с невозмутимым хладнокровием листал газету.

— Небось, глядит из-за листов, не следят ли за ним,— прошептал Миттенцвей-старший.

— Он часто смотрел в вашу сторону? — спросил Профессор.

— Да ни разу, старик. Уплетал так, словно неделю не жрал.

— Внимание! — скомандовал Эмиль.

Господин в котелке снова сложил газету, оглядел прохожих и вдруг, совершенно неожиданно, остановил проходящее мимо такси. Машина затормозила, вор сел, и они тронулись.

Но мальчишки уже сидели в другой машине, и Густав сказал шофёру:

— Видите вот то такси, что сворачивает на Пражскую площадь? Поезжайте, пожалуйста, за ним, но осторожно, чтобы в той машине не заметили.

Такси с мальчишками пересекло Кайзераллее и поехало на некотором расстоянии за первым такси.

— А что случилось? — поинтересовался шофёр.

— Тут один дядька нарубил дров, и мы его должны держать на приколе, — объяснил Густав. — Но это тайна, ясно?

— Как молодым людям будет угодно, — ответил шофёр, а потом всё же спросил: — А деньги-то у вас есть?

— За кого вы нас принимаете! — с упрёком кинул Профессор.

— Ладно, ладно, — буркнул шофёр.

— Его номер «ИА тридцать семь тридцать три» — заметил Эмиль.

— Это очень важно, — сказал Профессор и записал цифру.

— Не надо подъезжать так близко, — предупредил Крумбигель.

— Хорошо, — пробормотал шофёр.

Они ехали теперь по Мётптрассе. Несколько прохожих остановились на тротуаре и с улыбкой глядели вслед такси с такой странной компанией.

— Нагибайтесь, — скомандовал вдруг Густав: мальчишки тут же кинулись на пол машины, словно играли в кучу малу, и разобраться, где чья нога, а где чья рука, было уже невозможно.

— А в чём дело? — спросил Профессор.

— Да там впереди красный свет! Нам придётся остановиться, но и то такси не успеет проскочить.

И действительно, обе машины стояли гуськом друг за дружкой, ожидая, пока снова не загорится зелёный свет. Однако никто не видел, что во втором такси сидят пассажиры. Оно казалось свободным, так ловко ребята разместились на полу. Шофёр обернулся и не смог не рассмеяться. И только когда проехали светофор, ребята осторожно снова выползли на сиденье.

— Скорее бы он приехал, — сказал Профессор и посмотрел с неодобрением на счётчик. — Это удовольствие стоит уже восемьдесят пфеннигов.

Не успел он это сказать, как первое такси, уже выехавшее

на площадь Ноллендорф, вдруг остановилось перед гостиницей «Крейд». Второе также успело вовремя затормозить и теперь выжидало, что же будет дальше.

Господин в котелке вылез, заплатил и исчез в дверях гостиницы.

— Густав, скорее за ним! — взволнованно крикнул Профессор. — Если в гостинице есть чёрный ход, он улизнёт от нас.

Густав тут же ринулся за ним следом. А потом из машины вышли и остальные ребята. Счётчик выбил марку. Эмиль заплатил, и тогда Профессор быстро повёл свою команду через ворота в большой двор, расположенный за кинотеатром. Первым делом он отправил Крумбигеля для связи с Густавом.

— Если наш тип решил поселиться здесь, в гостинице, нам здорово повезло, — сказал Эмиль. — Этот двор — идеальный штаб для сыщиков.

— Да, со всеми современными удобствами, — подтвердил Профессор. — Метро — напротив, зелёные насаждения — чтобы прятаться, телефонные будки — чтобы держать связь. Лучшего места не найти.

— Надеюсь, Густав не даст маху, — сказал Эмиль.

— На него можно положиться, — ответил Миттенцвей-старший, — он куда более ловкий, чем кажется.

— Что-то он долго не идёт. Скорее бы! — воскликнул Профессор и сел на стул, который почему-то стоял посреди двора. Он был похож на Наполеона во время битвы под Лейпцигом.

И вот тут появился наконец Густав.

— Птичка попалась, — заявил он, потирая руки. — Он остановился в гостинице. Я видел, как он сел в лифт, и мальчишка-лифтьёр повёз его наверх. Другого выхода в помещении нет — я там всё разнюхал. Если он не убежит по крыше, он попался в ловушку.

— Крумбигель караулит? — спросил Профессор.

— Ещё бы!

Миттенцвею-старшему выдали монетку, он побежал к автомату и позвонил Вторнику:

— Алло, это ты, Вторник?

— Да, Вторник слушает,— пробасил маленький Вторник в трубку.

— Пароль «Эмиль»! Говорит старший Миттенцвей. Господи в котелке поселился в гостинице «Крейд» на площади Ноллендорф. Наша штаб-квартира расположена во дворе кинотеатра, ворота слева.

Малыш Вторник всё тщательно записывал, потом прочёл свою запись вслух и спросил:

— Вам нужно подкрепление?

— Нет.

— Было трудно?

— Да нет, не особенно. Этот тип схватил такси, мы — другое и за ним, представляешь? А потом он здесь вышел. Взял номер и пока находится там. Небось осматривает его — не спрятался ли кто под кроватью — и сам с собой играет в очко.

— В каком он номере?

— Пока ещё не знаем. Но наверняка скоро выясним.

— Как мне хочется быть с вами! Вот после каникул нам дадут сочинение на свободную тему, тогда я опишу эту историю.

— Кто-нибудь уже звонил?

— Нет, сдохнуть можно от скуки.

— Ну, будь, малыш.

— Желаю удачи, господа. Что я ещё хотел сказать?.. Пароль «Эмиль»!

— Пароль «Эмиль»! — ответил Миттенцвей и побежал назад во двор.

Было уже восемь вечера. Профессор пошёл в гостиницу проверить караульный пост.

— Сегодня мы его уж, видно, не поймаем,— с досадой сказал Густав.

— И всё же для нас самое лучшее, чтобы он поскорее лёг спать,— возразил Эмиль.— Потому что если он вздумает ещё кататься в такси, шататься по ресторанам, отправиться на танцы или в театр, а может, чего доброго, проделать всё это подряд, то где же нам взять деньги? Прикажете сделать заём у дружественной страны?

Профессор вернулся, послал братьев Миттенцвей на площадь как связных и долго молчал, не участвуя в общем разговоре.

— Надо выдумать какой-то хитрый способ, чтобы за ним получше следить, — сказал он наконец. — Думайте все, думайте!

Все долгое время сидели молча и думали.

Вдруг раздалось тренканье велосипедного звоночка, и во двор вкатился маленький никелированный велосипед. Педали крутила девочка, а на багажнике примостился Блеуер.

— Ура! — завопили оба.

Эмиль вскочил, помог им слезть с велосипеда, восторженно потряс девочке руки и объяснил остальным:

— Это моя кузина Пони-Шапочка.

Профессор вежливо предложил Пони свой стул, и она села.

— Ну и силён же ты, Эмиль! — сказала она. — Приехал в Берлин, и всё у тебя завертелось, как в кино. Мы как раз собирались уже идти на вокзал Фридрихштрассе встречать следующий поезд из Нейштадта, но тут в дверь позвонил твой друг Блеуер и принёс записку. Славный парень, кстати. Поздравляю.

Блеуер стоял, выпятив грудь, и был красный как рак.

— Ну, родители и бабушка никуда, конечно, не пошли, — рассказывала дальше Пони, — сидят себе дома и теряются в догадках, что с тобой случилось. Им мы, само собой, ничего не рассказали. Но я вышла вместе с Блеуером, сказала — провожу его до угла. И удрала сюда. Но мне тут же надо вернуться, не то они всю полицию поставят на ноги. Представляете, в тот же день исчезает и второй ребёнок — нет, этого их нервы не выдержат!

— Вот десять пфеннигов, которые вы мне дали на обратный путь, — гордо сказал Блеуер. — Мы их сэкономили.

Профессор спрятал деньги.

— Они злились? — спросил Эмиль.

— Нисколько, — заверила его Пони. — Бабушка бегала по комнате и столько раз повторяла: «Мой внук Эмиль просто решил сперва заглянуть по дороге к президенту Гинденбургу», что мои родители в конце концов успокоились. Но завтра, надеюсь, вы эту птичку поймаете? А кто у вас Шерлок Холмс?

— Вот он,— сказал Эмиль,— это Профессор.

— Очень приятно, господин Профессор, наконец-то я познакомилась с настоящим сыщиком,— сказала Пони.

Профессор смущённо улыбнулся и пробормотал что-то невнятное.

— Вот вам мои карманные деньги,— продолжала Пони,— пятьдесят пять пфеннигов. Купите себе две сигары.

Эмиль взял мелочь. Она сидела на стуле, как королева красоты, а мальчишки окружали её, как судьи на конкурсе.

— Теперь я смоюсь,— объявила Пони,— а завтра прикачу к вам с самого утра. Где вы будете спать? Как бы мне хотелось остаться здесь с вами! Я сварила бы вам кофе. Но что поделаешь! Девочке почему-то не полагается шататься по ночам. Вот так. До свиданья, господа! Спокойной ночи, Эмиль!

Пони хлопала Эмиля по плечу, вскочила на свой велосипед, звякнула и укатила.

Мальчишки долго стояли, не в силах вымолвить ни слова.

Первым обрёл дар речи Профессор.

— Колоссально! — выдавил он с трудом.

Все остальные с ним согласились.

Глава одиннадцатая

В ГОСТИНИЦУ ПРОКРАДЫВАЕТСЯ ШПИОН

Время тянулось медленно.

Эмиль обошёл все три поста и хотел было сменить кого-нибудь, но и Крумбигель и оба брата Миттенцвей отказались. Тогда Эмиль отважился добраться, крадучись, до гостиницы и даже заглянуть в холл. Во двор он вернулся в сильном волнении.

— У меня такое чувство, что у нас всё провалится,— сказал он.— Точно провалится, если ночью у нас не будет в гостинице своего человека. Правда, Крумбигель стоит на посту. Но стоит ему на мгновение отвернуть голову, и Грундайс тю-тю.

— Легко тебе говорить! — крикнул Густав.— Не можем же мы подойти к портье и сказать: «Нам делать нечего, мы хотим

посидеть немного у вас на лестнице». А тебе туда и близко подходить нельзя. Если этот негодяй вдруг почему-либо приоткроет дверь своего номера и увидит тебя, то всё зря, нам крышка.

— Я предлагаю совсем не то,— сказал Эмиль.

— А что же? — спросил Профессор.

— В гостинице я видел мальчика. Он у них, видно, лифтёр. А может, посыльный. Кто-нибудь из нас должен к нему пойти и рассказать, в чём дело. Ведь он наверняка знает в гостинице все ходы и выходы, он нам поможет.

— Что ж, хорошо,— сказал Профессор.— Очень хорошо.

У него была смешная привычка всё оценивать: он словно расставлял всем отметки. За это его и прозвали Профессор.

— Ай да Эмиль! Ещё одна такая штука придёт тебе в голову, и мы дадим тебе звание академика. Хитёр, будто в Берлине родился! — воскликнул Густав.

— Уж не воображаешь ли ты, что хитрые рождаются только в Берлине? — возмутился Эмиль. Он был явно уязвлён в своём пейштадтском патриотизме.— Нам вообще ещё надо подраться.

— Это ещё почему? — спросил Профессор.

— Он ужасно оскорбил мой выходной костюм.

— Ваш матч мы отложим на завтра,— решил Профессор.— А может, и вообще отменим.

— Знаешь, твой костюм не такой уж дурацкий,— примирительным тоном сказал Густав.— Я к нему привык. А подраться я всегда готов. Но учти: я здешний чемпион. Так что берегись!

— Я у нас в школе тоже абсолютный чемпион. Почти,— заявил Эмиль.

— Петухи настоящие,— сказал Профессор.— Собственно, я сам хотел пойти в гостиницу, но вас и минуту нельзя оставить вдвоём: вы тут же кидаетесь друг на друга.

— Давай тогда я пойду,— предложил Густав.

— Хорошо, иди ты! — сказал Профессор.— Поговори с лифтёром. Но будь осторожен! Может, тебе что-нибудь и удастся. Главное, постарайся выяснить, в каком номере живёт этот тип. Через час ты вернёшься и нам всё доложишь.

Густав убежал.

Профессор и Эмиль стояли у ворот и рассказывали друг другу о своих учителях. Потом Профессор объяснил Эмилю, как разбираться в иностранных машинах, которые проезжали мимо, и Эмиль быстро начал осваивать это дело. Потом они вместе съели бутерброд.

Тем временем стало темно. Повсюду зажглись световые лампы. Громыхало метро, гудели машины, дребезжали трамваи, ревели автобусы, позвякивали велосипедисты,— все эти звуки сливались в безумную мелодию ночного города. Из кафе доносилась танцевальная музыка. В кино начинался последний сеанс, и люди теснились у входа.

— Такое большое дерево, как вон то, у метро, выглядит здесь странно,— сказал Эмиль.— Кажется, оно заблудилось.

Мальчик был так захвачен видом ночного Берлина, что на минуту забыл, почему он здесь, забыл, что у него украли сто сорок марок.

— Мировой город! Кажется, что смотришь кино. Но не знаю, хотел бы я здесь жить всегда. В Нейштадте есть Верхний рынок и Нижний рынок, Вокзальная площадь, стадион у реки и площадка для игр в Азельском парке. Вот и все наши достопримечательности. Но знаешь, Профессор, мне этого хватает. Всегда этот праздничный шум по ночам... Тысячи улиц и площадей!.. Я заблудился бы... Представь себе, если бы вас не было и я стоял бы здесь совсем один. Прямо мороз по коже...

— Ко всему привыкаешь,— сказал Профессор.— Я, наверно, не мог бы жить в Нейштадте, где всего три площади и Азельский парк...

— Ко всему привыкаешь,— повторил Эмиль.— Но Берлин красив, спору нет. Здорово красив.

— А твоя мама очень строгая? — спросил берлинский мальчик.

— Моя мама? Строгая? — переспросил Эмиль.— Да что ты! Она мне всё разрешает. Но я не делаю ничего такого. Ясно?

— Нет,— честно признался Профессор,— мне это не ясно.

— Не ясно? Ну, так послушай. У вас много денег?

— Не знаю. Дома у нас о деньгах не говорят.

— Думаю, если дома не говорят о деньгах, значит, их столько, что не надо считать.

Профессор на минуту задумался, потом сказал:

— Возможно.

— Вот видишь. А мы с мамой часто говорим о деньгах. У нас их мало. Маме приходится всё время подрабатывать, и всё равно она не может свести концы с концами. Но когда мы идём всем классом на экскурсию, мама мне всегда даёт не меньше денег, чем дают другим ребятам. А иногда даже больше.

— Как же она может?

— Не знаю, но она это делает. И я всегда приношу половину назад.

— Она хочет, чтобы ты принёс назад деньги?

— Глупости! Но я хочу.

— Понятно,— сказал Профессор.— Значит, вот как у вас обстоит дело.

— Да. Именно так. И даже когда она мне разрешает пойти с Претшом за город — он живёт в нашем доме на первом этаже — и гулять до девяти часов вечера, я возвращаюсь к семи. Потому что не хочу, чтобы она одна ужинала на кухне. А мама даже настаивает, чтобы я гулял со всеми допоздна. И знаешь, я как-то попробовал остаться подольше. Но оказалось, что удовольствие мне уже не доставляет удовольствия. И я вижу, что она всё же рада, когда я рано прихожу домой.

— Нет,— сказал Профессор,— у нас всё совсем по-другому. Если я когда-нибудь приду домой вовремя, то наперёд могу держать пари, что папы с мамой нет — они в гостях или в театре. Мы тоже недурно друг к другу относимся. Это точно. Но почти никогда не проводим время вместе.

— А для нас это единственное удовольствие, которое нам по карману! Но я вовсе не маменькин сынок. А если кто так думает, то я живо докажу обратное своими кулаками. Понять это, кажется, не мудрено.

— Я уже понял.

Мальчики постояли ещё немного молча у ворот. Ночь спу-

стилась на город. Мерцали звёзды. Месяц косил одним глазом над железнодорожным полотном.

Профессор откашлялся и спросил, не глядя на товарища:

— Вы, наверно, очень друг друга любите?

— Очень,— ответил Эмиль.

Глава двенадцатая

МАЛЬЧИШКА-ЛИФТЁР В ЗЕЛЁНОЙ ЛИВРЕЕ

Около десяти вечера во двор кинотеатра вступило подразделение резервного отряда, чтобы доставить провиант (бутербродов было столько, что ими можно было бы накормить голодающие народы) и получить новые распоряжения. Профессор был возмущён их появлением и заявил, что им здесь нечего делать: их задача — дежурить на Никельбургской площади и ждать связного Трауготта.

— Не будь таким вредным,— сказал Петцольд.— Мы просто умираем от любопытства: мы ведь не знаем, что здесь у вас происходит.

— Мы вообще думали, с вами случилась беда, потому что Трауготт к нам ни разу не прибежал,— добавил Герольд извиняющимся тоном.

— Сколько народу осталось на площади? — спросил Эмиль.

— Четверо или трое,— ответил Фридрих Первый.

— Возможно, только двое,— уточнил Герольд.

— Больше не расспрашивай,— завопил в бешенстве Профессор,— а то ещё выяснится, что там вообще никого не осталось.

— Пожалуйста, не ори,— сказал Петцольд,— ты чего так раскомандовался?

— Я предлагаю немедленно прогнать Петцольда и запретить ему ловить с нами вора! — крикнул Профессор и топнул ногой.

— Мис жаль, что вы ссоритесь из-за меня,— сказал Эмиль.— Давайте решим этот спор, как в рейхстаге,— голосованием. Я предлагаю сделать Петцольду предупреждение. Нельзя, чтобы каждый делал всё, что вздумается.

— Кончайте задаваться, гады! Я и так уйду, больно пужно

мне с вами канителиться...— заявил Петцольд, потом добавил ещё какое-то неприличное слово и убежал.

— Это он нас подбил сбегать сюда, а то мы бы ни с места,— рассказывал Герольд.— А Церлетт остался дежурить там, на площади.

— Не говорите больше о Петцольде! Ни слова о нём! — приказал Профессор и тут же успокоился: он прекрасно владел собой.— С этим вопросом всё!

— А нам что делать? — спросил Фридрих Первый.

— Пожалуй, уж подождите, пока Густав вернётся из гостиницы и доложит ситуацию,— предложил Эмиль.

— Хорошо,— согласился Профессор.— А кто это там идёт? Кажется, мальчишка-лифтёр.

— Да, он,— подтвердил Эмиль.

В воротах стоял мальчик в зелёной ливрее и точно таком же кепи, надетом набекрень. Он кивнул ребятам и медленно двинулся к ним.

— Какая мировецкая униформа, чёрт побери! — не без зависти воскликнул Герольд.

— Тебя к нам послал наш шпион Густав? — крикнул ему Профессор.

Лифтёр был уже совсем близко; он кивнул и сказал:

— Да.

— Ну так валяй говори, что-там?! — не выдержав, крикнул Эмиль.

И тут вдруг загудел клаксон! И зелёный лифтёр запрыгал как сумасшедший по двору и захохотал.

— Эмиль, старик,— завопил он,— ты идиот!

Потому что это был не лифтёр, а Густав собственной персоной.

— Эй ты, зеленявка,— в шутку подразнил его Эмиль.

И все захохотали так громко, что кто-то распахнул окно и закричал: «Не мешайте спать!»

— Здрóрово! — восхитился Профессор.— Но прошу вас потише, господа. Густав, сядь-ка и валяй дуй всё по порядку.

— Ребята, прямо кино! Со смеху умрёшь. Послушайте толь-

ко! Я прокрался в гостиницу, увидел лифтёра и подманил его пальцем. Он тут же подошёл ко мне. Ну, и я ему выложил всё, от начала до конца. Про Эмиля. И про вас. И про вора. И что он живёт у них в гостинице. И что нельзя терять его из виду, чтобы мы смогли завтра вернуть Эмилю эти деньги. «Что ж, отлично,— сказал мне лифтёр.— У меня здесь есть ещё одна ливрея: ты её наденешь и будешь вторым лифтёром». — «А что скажет на это портье: он ведь не может меня не заметить?» — спросил я. «Он ничего не скажет, он разрешит,— сказал мальчик,— потому что портье — мой отец». Что уж он там наговорил своему предку, не знаю. Но так или иначе, я получил вот эту ливрею, и мне разрешено провести ночь в дежурке, которая, на счастье, оказалась пустой, и мне даже можно прихватить с собой ещё кого-нибудь. Ну, что вы на всё это скажете?

— В каком номере живёт вор? — спросил Профессор.

— Тебя ничем не удивишь! — обиженно проворчал Густав.— Работать мне, естественно, не надо. Велели только не путаться под ногами. Лифтёр сказал мне, что вор живёт, кажется, в номере шестьдесят один, но уверен он не был. Я тут же рванул на третий этаж. Крадусь, как шпион,— никто не заметит. То из-за угла выгляну, то за перилами спрячусь. Наверно, с полчаса так сидел, вдруг дверь шестьдесят первого номера как раскроется! Как он выйдет! И точно. Наш вор! Ему надо было... ну, сами догадываетесь куда... Я его там, в кафе, как следует разглядел. Маленькие чёрные усики, ушки такие тонкие, насквозь просвечивают, и рожа кирпича просит. Когда он вернулся... ну, сами знаете откуда... я к нему раз... «Вы чего-нибудь ищите? — спрашиваю.— Может, вам чего-нибудь нужно?» — «Ничего мне не надо,— говорит.— Хотя постой! Скажи портье, чтобы меня разбудили завтра ровно в восемь. Номер шестьдесят один. Смотри не забудь!» — «Не забуду, будьте уверены,— говорю.— Ровно в восемь у вас зазвонит телефон». И наш вор спокойно потопал к себе в номер.

— Вот это да! — Профессор был просто в восторге, ну, а остальные и подавно.— К восьми мы будем его торжественно встречать у дверей гостиницы. А потом поймать его будет легко.

— Можно считать, что он готов! — воскликнул Герольд.

— Торжественная встреча с цветами! — сказал Густав. — Мне пора идти. Я должен ещё опустить в ящик письмо для номера двенадцать. Я уже получил чаевые — пятьдесят пфеннигов. Доходная профессия. Лифтёр иногда зарабатывает до десяти марок чаевыми. Он рассказал мне. Часов в семь я встану и позабочусь о том, чтобы нашего негодяя разбудили вовремя. А потом я снова здесь появлюсь.

— Дорогой Густав, как я тебе благодарен! — сказал Эмиль почти торжественно. — Теперь уже ничего не может случиться. Завтра мы его схватим. А сейчас все могут спокойно идти спать, верно, Профессор?

— Да, все отправляются домой, чтобы как следует выспаться. А завтра утром, ровно в восемь, мы все собираемся здесь. Хорошо бы раздобыть ещё хоть немного денег. Кто сможет, пусть принесёт. Я позвоню сейчас Вторнику. Всех, кто ему завтра утром позвонит, он направит в наш резерв. Может, придётся оцепить весь квартал.

— Я пойду с Густавом ночевать в гостиницу, — сказал Эмиль.

— Пошли, тебе там здорово понравится. Мировая конура!

— Я сейчас позвоню, а потом тоже пойду домой, а дорогой отпущу Церлетта, — объяснил Профессор. — А не то он до утра просидит на Никельсбургской площади, он такой. Всё ясно?

— Так точно, господин президент полиции, — пошутил Густав.

— Завтра утром встречаемся здесь во дворе ровно в восемь, — повторил Герольд.

— Принеси, если удастся, немного денег, — напомнил Фридрих Первый.

Стали прощаться. Все пожимали друг другу руки, как мужчины. Ребята разошлись по домам. Густав и Эмиль отправились в гостиницу. Профессор пересек Ноллендорфскую площадь, чтобы позвонить из кафе Вторнику.

Час спустя они все уже спали. Большинство в своих постелях. А двое в дежурке на четвёртом этаже гостиницы «Крейд».

А один из них — у телефона, в кресле отца. Это был малыш Вторник. Он не покинул своего поста. Трауготт отправился домой. А Вторник не решился отойти от аппарата. Он спал, прикрывшись на подлокотнике, и ему приснились четыре миллиона телефонных разговоров.

В полночь его родители вернулись из театра. Они очень удивились, обнаружив, что сын их спит в кресле.

Мать взяла его на руки и отнесла в постель. Он вздрогнул и пробормотал во сне: «Пароль «Эмиль».

Глава тринадцатая

ГОСПОДИНА ГРУНДАЙСА СОПРОВОЖДАЕТ ПОЧЁТНЫЙ ЭСКОРТ

Окна номера 61 выходили на Ноллендорфскую площадь. И когда на следующее утро господин Грундайс, причёсываясь перед зеркалом, случайно бросил взгляд в окно, он обратил внимание на то, что там играет очень много детей. Не меньше двух дюжин мальчишек гоняли мяч в сквере. На углу соседней улицы тоже столпились ребята, и большая группа детей шаталась без видимого дела у входа в метро.

— Наверное, у них каникулы, — с досадой пробурчал он и завязал галстук.

А тем временем Профессор проводил во дворе кинотеатра собрание руководителей; он разносил их в пух и прах.

— Мы день и ночь ломаем себе голову, как изловить этого гада! Как его не спугнуть! А вы, ослы, собираете здесь ребят со всего Берлина! Нам что, зрители нужны? Может, у нас съёмки? Если наш вор уйдёт от нас, то вы будете в этом виноваты, болтуны несчастные!

Ребята стояли кружком и терпеливо выслушивали эту ругань, однако, судя по их виду, никак нельзя было сказать, что они страдают от угрызений совести.

— Не волнуйся, Профессор, — сказал наконец Герольд, которому, видно, всё же было неловко, — вора мы так и так поймем, это точно.

*Казалось, что в этот день во дворе и на площади
собрались ребята со всего Берлина.*

— Мотайте отсюда, болваны! Распорядитесь хотя бы, чтобы ваши войска глаза не мозолили, а главное, не смотрели бы в сторону гостиницы. Ясно? Валяйте действуйте!

Ребята разошлись. Сыщики остались одни во дворе.

— Портье одолжил мне десять марок,— докладывал Эмиль.— Если наш тип снова вздумает кататься на такси, у нас хватит теперь денег ехать за ним следом.

— Вели всем ребятам просто разойтись по домам,— предложил Крумбигель.

— Ты что, всерьёз думаешь, что они меня послушаются? Даже землетрясение не заставило бы их сдвинуться с места,— сказал Профессор.

— Тогда остаётся только один выход,— решил Эмиль.— Нам придётся изменить наш план. Сыщикам теперь уже нет никакого смысла тайно выслеживать Грундайса. Придётся пойти на него в открытую. Чтобы он заметил, что окружён со всех сторон, что везде ребята.

— Я об этом тоже уже думал,— сказал Профессор.— Мы изменим тактику, загоним его в самую гущу, чтобы он сам в конце концов сдался.

— Вот здорово! — закричал Герольд.

— Он, наверно, предпочтёт выложить деньги, чем часами ходить с эскортом из сотни орущих ребят, пока не сбежится весь город и его не задержит полиция,— объяснил Эмиль.

Ребята согласно кивали. Тут в воротах зазвенел велосипедный звоночек, и Пони-Шапочка вкатила во двор.

— Привет, мальчишки! — крикнула она ещё на ходу, потом соскочила с седла, поздоровалась с кузеном Эмилем, с Профессором и с остальными и отцепила от багажника маленькую корзиночку.— Я привезла вам кофе и булочки! Даже чашку раздобыла. Ой, у неё отбилась ручка! Как не повезло!

Правда, все ребята уже завтракали. Даже Эмиль — в гостинице «Крейд». Но никому не хотелось портить девочке настроение. И все по очереди пили из чапки с отбитой ручкой кофе и уплетали булочки с таким аппетитом, словно у них месяц во рту маковой росинки не было.

— До чего вкусно! — воскликнул Крумбигель.

— Какая свежая булочка! — невнятно пробурчал Профессор, потому что у него был полон рот.

— Так-то! Всё же без женщины в доме плохо! — радостно сказала Пони.

— Во дворе, — поправил Герольд.

— Что дома? — поинтересовался Эмиль.

— Спасибо, всё в порядке. Бабушка передаёт тебе особый привет. И велит поскорее прийти, а то в наказание тебя каждый день будут кормить рыбой.

— Фу, гадость! — закричал Эмиль и скорчил гримасу.

— Почему гадость? — спросил Миттенцвей-младший. — Рыба — это очень вкусно.

Все с удивлением на него поглядели, потому что он всегда молчал. А он, красный как рак, спрятался за спину старшего брата.

— Эмиль не ест рыбы. А если проглотит хоть кусочек, ему тут же делается плохо, — объяснила Пони.

Они болтали о чём попало, и настроение у всех было превосходное. Профессор держал велосипед Пони. Крумбигель пошёл к колонке сполоснуть термос и чашку. Миттенцвей-старший аккуратно складывал бумагу из-под булочек. Эмиль снова прикрутил корзинку к багажнику. Герольд ощупывал шины — надо ли их подкачать. А Пони-Шапочка скакала по двору, то напевая про себя песенку, то болтая всякую всячину.

— Стоп! — крикнула она вдруг и застыла на месте. — Я совсем забыла спросить: почему собралось такое дикое количество детей на Ноллендорфской площади? Это похоже на школьную экскурсию.

— Всё это любопытные, которые прослышали, что мы ловим вора. Они тоже хотят в этом участвовать, — объяснил Профессор.

В это мгновение в ворота влетел Густав, загудел и заорал не своим голосом:

— Бегом, он вышел!

Все было кинулись за Густавом, но Профессор крикнул:

— Стойте! Слушайте внимательно! Мы его, как решили, окружим со всех сторон. Спереди — дети, сзади — дети, справа — дети, слева — дети! Ясно? Дальнейшие приказы в пути. Теперь помчались!

Спотыкаясь и толкая друг друга, они выбежали за ворота. Пони-Шапочка, несколько обиженная, осталась одна во дворе. Она вскочила на свой маленький никелированный велосипед и пробормотала, как бабушка:

— Мне это что-то не по душе, мне это что-то не по душе.

А потом поехала за мальчишками.

Господин в котелке выходил как раз из дверей гостиницы; он медленно спустился по ступенькам и повернул направо, к Клёйстштрассе. Профессор, Эмиль и Густав разослали посланцев во все концы площади, и три минуты спустя господин Грундайс оказался окружён со всех сторон.

Он оглянулся, ничего не понимая. Ребята разговаривали друг с другом, смеялись, пихали и тузили друг друга, но при этом все шли с ним в ногу. Некоторые рассматривали его с таким явным любопытством, что он терялся и отводил взгляд.

— Эй!

Мимо его головы пролетел мяч. Он вздрогнул и ускорил шаг. Но ребята не отставали — они тоже прибавили ходу. Он хотел было быстренько свернуть в боковую улочку, но и оттуда ему навстречу выбежала ватага детей.

— Гляди, у него такой вид, будто он сейчас чихнёт! — крикнул Густав.

— Прикрывай меня, — сказал ему Эмиль, — он ещё не должен меня видеть. Этот сюрприз его ждёт впереди.

Густав расправил плечи и пошёл впереди Эмиля, как боксёр-тяжеловес. Пони-Шапочка ехала рядом с ними вдоль тротуара и от радости всё время трезвонила.

Господин в котелке стал заметно нервничать. Он, видимо, смутно догадывался, что его ожидает, и всё убыстрял и убыстрял шаг. Но тщетно. Уйти от врагов ему не удавалось.

Вдруг он остановился как вкопанный, а потом резко повернул и побежал назад, вниз по улице, по которой только что

Ребята окружили господина в котелке со всех сторон.

подымался. Дети тоже разом повернули, и всё шествие двинулось в обратном направлении.

Один мальчишка — это был Крумбигель — так неожиданно перебежал ему дорогу, что господин споткнулся и чуть не упал.

— Как ты смеешь, негодяй, — заорал вор, — я сейчас позову полицейского!

— Прошу вас, позовите, да поскорей: мы только этого и ждём. Ну, чего же вы не зовёте?

Но господин Грундайс и не думал звать полицейского. Наоборот, ему явно становилось всё больше не по себе. Он не на шутку испугался и не знал, куда ему податься. Изю всех окон уже высовывались любопытные. Продавщицы и покупатели выбегали из магазинов, чтобы узнать, что происходит. Появился теперь полицейский, всё было бы в порядке.

И тут вор нашёл блестящий выход. Он увидел отделение Коммерческого банка, прорвался сквозь цепь детей, распахнул дверь и исчез.

Профессор рванулся следом, но у двери остановился и крикнул:

— Мы с Густавом пойдём за ним, а Эмиль пусть пока остаётся здесь ему ещё рано объявляться. Когда Густав подаст знак клаксоном, Эмиль с десятью мальчишками прибегут к нам на помощь. Отбери пока свою команду, Эмиль. Операция будет не из лёгких.

И Профессор с Густавом захлопнули за собой тяжёлую банковскую дверь.

У Эмиля так колотилось сердце, что даже в ушах гудело. Сейчас всё решится! Он вызвал из толпы Крумбигеля, Герольда, братьев Миттенцвей и ещё нескольких мальчишек, а остальным приказал разойтись.

Ребята отошли от банка на несколько шагов, но не дальше. Ни при каких обстоятельствах они не могли пропустить финала этой истории.

Пони-Шапочка дала какому-то мальчику подержать свой велосипед и подошла к Эмилю.

— Я здесь,— сказала она.— Смотри держись. Сейчас начнётся главное. Ой, я, кажется, лопну от нетерпения! Лопну, как воздушный шарик.

— А я, думаешь, нет? — спросил Эмиль.

Глава четырнадцатая

БУЛАВКИ ТОЖЕ ПРИНОСЯТ ПОЛЬЗУ

Когда Густав и Профессор вошли в банк, господин в котелке стоял у окошечка, над которым было написано: «Приём и выдача вкладов», и с нетерпением ждал, чтобы им занялись. Кассир говорил по телефону.

Профессор стал рядом с вором и, как ищейка, следил за каждым его движением; Густав стоял за вором, а в руке, засунутой в карман, держал наготове клаксон.

Кассир, закончив разговор, подошёл к окошечку и спросил Профессора, что ему угодно.

— Займитесь, пожалуйста, сперва этим господином,— сказал Профессор.— Я за ним.

— Что вам угодно? — повторил свой вопрос кассир, обращаясь на этот раз к господину Грундайсу.

— Я попрошу вас разменять ассигнацию в сто марок на две по пятьдесят и дать мне серебра на сорок марок,— сказал вор, вынув из кармана и протягивая кассиру одну купюру в сто марок и две по двадцать.

Кассир взял все три протянутые ему купюры и подошёл с ними к несгораемому шкафу.

— Минутку! — громко крикнул Профессор.— Эти деньги краденые!

— Что-о-о! — испуганно переспросил кассир и повернулся к окошечку.

Другие кассиры и служащие, сидевшие в соседних окошечках и что-то подсчитывавшие, бросили работу и повскакали со своих мест, словно их укусила змея.

— Деньги, которые у вас в руках, не принадлежат этому господину. Он украл их у моего друга, а сейчас хочет раз-

менять, чтобы мы ничего не смогли доказать,— объяснял Профессор.

— Что за неслыханная дерзость! В жизни такого не видел! — возмутился господин Грундайс.— Извините меня, пожалуйста,— обернулся он к кассиру и влепил Профессору звонкую пощёчину.

— От этого ты не перестанешь быть вором,— сказал Профессор и так двинул Грундайса головой в живот, что тот чуть не упал.

И вот тут Густав трижды ужасно громко загудел. Теперь уже все банковские служащие повскакали с мест и сгрудились у окошечек, а управляющий пулей вылетел из своего кабинета.

И тут, в довершение всего, в зал вбежали десять мальчишек с Эмилем во главе и окружили кольцом господина в котелке.

— Что случилось, чёрт побери? Эти мальчишки как с цепи сорвались! — закричал управляющий.

— Эти хулиганы утверждают, будто я украл у одного из них те деньги, которые хотел только что разменять у вашего кассира,— объяснил господин Грундайс, дрожа от злости.

— Да, так оно и есть! — крикнул Эмиль и подскочил к окошечку.— Он украл у меня одну стомарковую ассигнацию и две по двадцать марок. Это случилось вчера, после обеда. В поезде, который ехал из Нейштадта в Берлин! Пока я спал.

— А ты можешь это доказать? — строго спросил кассир.

— Я в Берлине уже целую неделю, а вчера весь день, с утра до вечера, провёл в городе,— заявил вор и вежливо улыбнулся.

— Как вам не стыдно так лгать! — завопил Эмиль, чуть не плача от бешенства.

— А как ты докажешь, что этот господин тот самый, который ехал с тобой в поезде? — спросил управляющий.

— Да никак, конечно,— презрительно буркнул вор.

— Раз ты был с ним вдвоём в купе, значит, у тебя нет свидетелей,— объяснил один из служащих.

У друзей Эмиля сразу вытянулись лица.

— Есть,— закричал Эмиль,— у меня есть свидетель! Это фрау Якоб из Гросс-Грюнау. Она сидела вместе с нами в купе.

А потом сошла. И ещё велела мне передать от неё сердечный привет господину Курцхальцу у нас, в Нейштадте.

— Похоже, что вам без алиби не обойтись,— сказал управляющий вору.— А у вас есть алиби?

— Само собой разумеется,— заявил вор.— Я живу здесь неподалёку, в гостинице «Крейд».

— Со вчерашнего вечера,— уточнил Густав.— Я всю ночь проторчал в гостинице, переодетый в посыльного, так что бросьте заливать.

Служащие улыбнулись; их интерес к мальчикам заметно возрос.

— Пожалуй, нам придётся до выяснения оставить эти деньги здесь, господин...— сказал управляющий и вырвал из блокнота листок бумаги, чтобы записать имя и адрес вора.

— Его фамилия Грундайс,— сказал Эмиль.

Господин в котелке громко расхохотался.

— Вот видите,— сказал он,— здесь явно какое-то недоразумение. Моя фамилия Мюллер.

— Ой, как он подло врёт! В поезде он сказал, что его фамилия Грундайс! — в бешенстве закричал Эмиль.

— У вас есть документы? — спросил кассир.

— К сожалению, я их не захватил с собой,— ответил вор.— Но если вы подождёте, я тут же сбегая за ними в гостиницу.

— Он врёт, врёт! Это мои деньги, и он должен мне их вернуть! — кричал Эмиль.

— Допустим, что ты и прав, мой мальчик, но так просто такие вещи не решаются,— объяснил кассир.— Как ты докажешь, что это твои деньги? Может быть, ты помнишь номера?

— Конечно, нет,— сказал Эмиль.— Разве придёт в голову, что тебя могут обокрасть? Мне их дала мама для бабушки, которая живёт здесь, в Берлине, Шуманштрассе, дом пятнадцать.

— Может, на одной из бумажек был оторван уголок или ты запомнил ещё какую-нибудь другую приметку?

— Нет, я ничего такого не заметил.

— Господа, даю вам честное слово, это мои деньги. Не стану же я грабить детей! — воскликнул вор.

— Стой! — вдруг завопил Эмиль и даже подпрыгнул, так ему сразу стало легко.— Стой! В поезде я булавкой приколот конверт с деньгами к подкладке кармана. Значит, все три бу-мажки должны быть проколоты!

Кассир поднял ассигнации против света. Все затаили ды-хание. Вор отступил на шаг. Управляющий нервно барабанил пальцами по столу.

— Мальчик прав! — воскликнул кассир, побледнев от волне-ния.— Ассигнации в самом деле проколоты!

— А вот и булавка, которой это сделано,— сказал Эмиль и гордо положил булавку на стол.— Я даже палец себе уколол.

Тут вор вдруг с быстротой молнии сорвался с места, рас-толкал детей, да так энергично, что они повалились на пол, про-мчался через зал, рванул дверь и был таков.

— Догнать его! — крикнул управляющий.

Все кинулись к дверям.

Но когда служащие выскочили на улицу, вора уже окружили не меньше двадцати мальчишек. Они держали его за ноги, повисли на нём, вцепились в его пиджак. Он размахивал рука-ми как сумасшедший, пытаясь вырваться. Но мальчишки не вы-пускали его.

А по улице к ним уже бежал постовой, за которым Пони сгоняла на своём велосипеде. И управляющий потребовал, чтобы полицейский задержал этого человека, который называет себя то Грундайсом, то Мюллером. Потому что он, по всей вероят-ности, железнодорожный вор.

Кассир сходил за проколотыми деньгами и булавкой и от-правился вместе с ними. Это было удивительное шествие! Вме-реди шагали постовой и кассир, между ними — вор, а сзади — человек сто детей, не меньше! Так и шли они всю дорогу до долицейского участка.

А Пони-Шапочка ехала рядом на своём маленьком никели-рованном велосипеде. Вдруг она кивнула счастливому Эмилю и крикнула:

— Эмиль, послушай! Я сейчас мотану домой и расскажу про весь этот цирк!

Эмиль кивнул в ответ и тоже крикнул:

— Передай всем привет. Скажи, что я буду к обеду!

— Знаешь, на что всё это похоже? — снова крикнула По-
ни.— На школьную экскурсию. В зоопарк.

Она завернула за угол и, трезвоня, исчезла.

Глава пятнадцатая

ЭМИЛЯ ВЫЗЫВАЮТ В ГЛАВНОЕ УПРАВЛЕНИЕ ПОЛИЦИИ

Шествие остановилось у ближайшего полицейского участка. Постовой тут же доложил дежурному о случившемся. Эмиль дополнил рассказ несколькими подробностями. Потом у него спросили, где и когда он родился, как его имя и фамилия и где он проживает. И всё это дежурный записал чернилами в толстую книгу.

— А вас как зовут? — спросил он вора.

— Герберт Кислинг, — ответил тот.

Тут трое мальчишек — Эмиль, Густав и Профессор — громко расхохотались. И кассир, который передал дежурному сто сорок марок и булавку, тоже не смог удержаться от смеха.

— Во даёт! — воскликнул Густав.— Сперва его звали Грундайс. Потом Мюллер. А теперь, оказывается, Кислинг! Интересно бы узнать, как его зовут на самом деле!

— Потихе, — пробурчал дежурный.— Мы его выведем на чистую воду.

Господин Грундайс — Мюллер — Кислинг назвал тем временем свой нынешний адрес — гостиницу «Крейд». Потом — год и место рождения. Документов у него не было.

— А где вы проживали до вчерашнего дня? — спросил дежурный.

— В Гросс-Грюнау, — ответил вор.

— Наверно, опять погибает! — крикнул Профессор.

— Потихе! — снова пробурчал дежурный.— Это мы тоже выясним.

Кассир спросил, можно ли ему идти. Прежде чем его отпу-

стить, дежурный также записал и все его данные. Кассир дружески похлопал Эмиля по плечу и удалился.

— Кислинг, украли ли вы вчера вечером в поезде, идущем от Нейштадта в Берлин, сто сорок марок у ученика реального училища Эмиля Тышбайна? — спросил дежурный.

— Так точно, — мрачно подтвердил вор. — Не знаю, право, как это со мной случилось. На меня что-то нашло. Мальчишка примостился в уголке и заснул. И вдруг из его кармана выпал конверт. Я поднял его и хотел просто посмотреть, что в нём. А так как у меня как раз совсем не было денег...

— Он всё врёт! — не вытерпел Эмиль. — Я ведь приколот деньги к подкладке. Конверт не мог выпасть.

— Точно, врёт, — подтвердил Профессор. — Если бы деньги ему были позарез нужны, он бы давным-давно их разменял. Ведь он на наших глазах платил за такси, и ел в кафе яичницу, и пил пиво.

— Потише! — пробурчал дежурный. — Не волнуйтесь, мы п это выясним.

И он записал всё, что ему рассказали.

— А вы не могли бы меня пока отпустить, господин дежурный? — спросил вор и расплылся в такой вежливой улыбке, что даже глаза зажмурил. — Я ведь не отрицаю, что украл эти деньги. Где я остановился, вы тоже знаете. У меня в Берлине кое-какие дела, и мне хотелось бы ими заняться.

— Ну и шутник же вы! — воскликнул дежурный и позвонил в Управление полиции, чтобы прислали машину, так как задержан железнодорожный вор.

— А когда мне вернут мои деньги? — озабоченно спросил Эмиль.

— Ты их получишь в Управлении полиции, — ответил дежурный. — Сейчас вас туда отвезут. И там во всём разберутся.

— Эмиль, — прошептал Густав, — тебя повезут на машине с мигалкой на Александрплатц.

— Чушь! — буркнул дежурный. — Тышбайн, у тебя есть деньги на метро?

— Да, ребята вчера собрали,— сказал Эмиль.— А портье гостиницы «Крейд» дал мне займы десять марок.

— Настоящие сыщики, ничего не скажешь! Ну и ребята, чёрт побери! — пробурчал дежурный, но вполне добродушно.— Значит, так, Тышбайн; ты доедешь на метро до Александер-платц, а там, в Управлении, найдёшь следователя Лурье. Что будет дальше, сам увидишь. А деньги тебе вернут.

— Можно мне сперва отдать портье его десять марок? — спросил Эмиль.

— Конечно.

Вскоре приехала полицейская машина, и господину Грундайсу — Мюллеру — Кислингу пришлось в неё сесть. Дежурный вручил сопровождающему полицейскому протокол, который он написал, и сто сорок марок. Булавку он ему тоже передал. И машина уехала. Дети, всё ещё толпившиеся перед участком, проводили её громкими криками. Но вор даже не оглянулся. Видно, он очень гордился тем, что едет в машине.

Дежурный пожал Эмилю руку, и Эмиль поблагодарил его. Потом Профессор объявил ребятам у подъезда, что деньги Эмиль получит в Управлении полиции и что операция закончена. И ребята группами разошлись по домам. Только те, с кем Эмиль за эти сутки подружился, проводили его сперва до гостиницы, а потом до станции метро Ноллендорф. Он попросил их позвонить Вторнику, чтобы диспетчер тоже был в курсе всего. А потом он сказал, что прежде чем вернётся в Нейштадт, надеется с ними со всеми ещё встретиться. Но всё же он сейчас хочет поблагодарить их за помощь. И деньги он им тоже отдаст.

— Если ты вздумаешь отдавать нам деньги, я тебя просто избыю! — закричал Густав.— И вообще нам ещё надо подраться. Помнишь, из-за твоего дурацкого костюма?

— Да ладно,— сказал Эмиль и взял Густава и Профессора за руки,— у меня сейчас такое хорошее настроение, что драться неохота. Я не переживу, если положу тебя на обе лопатки.

— Это тебе всё равно не удалось бы, даже если бы у тебя было плохое настроение, болван! — крикнул Густав.

Потом они втроем поехали на Александерплатц, в Управле-

вие полиции; там они долго блуждали по коридорам, прошли мимо множества дверей, пока, наконец, не попали к следователю Лурье. Он как раз завтракал. Эмиль назвал себя.

— Явился! — воскликнул господин Лурье, не прекращая жевать. — Эмиль Штүльбайн, Юный сыщик-любитель. Мне уже докладывали о тебе по телефону. Комиссар ждёт тебя. Хочет сам с тобой побеседовать. Пошли.

— Моя фамилия Тышбайн, — поправил его Эмиль.

— Какая разница! — сказал господин Лурье и снова принялся за бутерброд с колбасой.

— Мы тебя здесь подождём, — сказал Профессор.

А Густав крикнул Эмилю вдогонку:

— Не задерживайся! Когда при мне едят, я тут же начинаю умирать с голоду.

Господин Лурье повёл Эмиля по коридорам; сперва они свернули налево, потом направо, потом снова налево. Наконец он постучал в какую-то дверь. До них донёсся голос:

— Войдите!

Лурье приоткрыл дверь и, всё ещё продолжая жевать, сказал:

— Я привёл своего юного коллегу, господин комиссар. Эмиль Фйшбайн, вы о нём уже слышали.

— Моя фамилия Тышбайн, — поправил его Эмиль.

— Что ж, тоже красиво, — сказал господин Лурье и так толкнул Эмиля, что тот, как мячик, влетел в комнату.

Комиссар оказался милым человеком. Он усадил Эмиля в удобное кресло и велел ему снова рассказать всю историю с начала до конца. Затем комиссар сказал торжественно:

— Ну, а теперь ты получишь свои деньги.

— Ура!

Эмиль облегчённо вздохнул и спрятал деньги в карман. Очень тщательно.

— Смотри, чтобы их снова у тебя не украли.

— Нет уж, этого не будет! Я сейчас же отнесу их бабушке.

— Ах да, чуть не забыл. Дай мне твой берлинский адрес. Ты пробудешь здесь ещё несколько дней?

— Надеюсь,— сказал Эмиль.— Я живу на Шуманштрассе, дом пятнадцать. У Хеймбольдов. Это фамилия моего дяди. Ну, и тётки, конечно.

— Вы, мальчишки, молодцы,— сказал комиссар и закурил толстую сигару.

— Верно, ребята действовали толково,— восторженно подхватил Эмиль.— И Густав со своим клаксоном, и Профессор, и малыш Вторник, и Крумбигель, и братья Миттенцвей — словом, все. Знаете, как с ними было здорово, особенно с Профессором. Сила!

— Ты тоже кое-что стобишь,— заметил комиссар и задымил сигарой.

— Да, я ещё хотел вас спросить, господин комиссар: что теперь будет с Грундайсом или как его там зовут? В общем, с вором?

— Им сейчас занимаются. Надо опознать его личность. Его фотографируют, снимают отпечатки пальцев. А потом всё это будут сверять с данными нашей картотеки.

— А это что такое?

— Всех преступников, которых нам удаётся поймать, мы фотографируем, берём у них отпечатки пальцев. У нас даже есть данные на тех, кого мы ещё не задержали, а только ищем. Ведь вполне вероятно, что твой вор, прежде чем тебя обокрал, совершил и другие кражи, верно?

— Верно. А мне это даже в голову не пришло...

— Минуточку,— оборвал комиссар Эмиля, потому что на столе зазвонил телефон.— Да, да... интересный для вас случай... Зайдите-ка все ко мне...— сказал он в трубку, потом положил её и добавил, обращаясь к Эмилю.— Сюда сейчас придут несколько репортёров: они будут брать у тебя интервью.

— А что это такое? — спросил Эмиль.

— Брать интервью — это значит задавать вопросы.

— Ну да! — воскликнул Эмиль.— Обо мне напишут в газете?

— Наверно,— сказал комиссар.— Когда ученику реального училища удаётся задержать вора, он становится знаменитым.

В дверь постучали, и в кабинет вошли четыре репортёра. Комиссар пожал им руки и вкратце рассказал о приключениях Эмиля. А все четверо усердно записывали то, что говорил комиссар.

— Просто великолепно! — сказал один из репортёров. — Мальчик из провинции выступает как сыщик!

— Может, возьмёте его себе на службу? — посоветовал другой и засмеялся.

— А почему ты не подошёл сразу к полицейскому и не рассказал ему всё? — спросил третий.

Эмиль вдруг испугался. Он вспомнил сержанта Йешке из Нейштадта и свой сон. Неужели он теперь сам попался?

— Ну, ну, — подбодрил его комиссар.

Эмиль пожал плечами и сказал:

— Эх, пусть будет что будет! Я не подошёл к полицейскому потому, что в Нейштадте я раскрасил памятник великому герцогу Карлу — сделал ему красный нос и чёрные усы. Можете меня арестовать, господин комиссар!

Но, судя по лицам присутствующих, никто из них не был возмущён, напротив, все дружно рассмеялись. А комиссар сказал:

— Ну что ты, Эмиль! Разве мы можем посадить в тюрьму нашего лучшего сыщика!

— Правда? Ой, как я рад! — с облегчением воскликнул Эмиль. А потом он подошёл поближе к одному из репортёров и спросил его: — Разве вы меня не узнали?

— Нет, — ответил тот.

— Ведь это вы купили мне вчера в трамвае билет, когда кондуктор хотел меня высадить.

— Было дело! — воскликнул репортёр. — Теперь я тебя вспомнил. Ты ещё спрашивал мой адрес, чтобы вернуть мне мелочь за билет.

— Можно, я вам сейчас отдам? — спросил Эмиль и вынул из кармана десять пфеннигов.

— Да что ты, и не думай! — сказал репортёр. — А ты ведь мне даже тогда представился.

— Конечно,— объяснил мальчик,— человек должен знать, с кем он говорит. Но вы наверно забыли: меня зовут Эмиль Тышбайн.

— А меня — Кестнер,— сказал репортёр, и они пожали друг другу руки.

— Великолечно! — воскликнул комиссар.— Оказывается, вы старые знакомые.

— Послушай, Эмиль,— сказал господин Кестнер,— не пойдёшь ли ты со мной в редакцию? А до этого мы где-нибудь съедем по пирожному со взбитыми сливками.

— Вы разрешите мне вас пригласить? — спросил Эмиль.

— Ну и парень!

Все снова рассмеялись, и вид у всех был очень довольный.

— Нет уж, платить буду я,— твёрдо сказал господин Кестнер.

— Что ж, спасибо, я с радостью приму ваше приглашение, но меня ждут в коридоре Профессор и Густав.

— Ну, мы их, само собой, тоже прихватим,— сказал господин Кестнер.

У других репортёров были ещё вопросы. Эмиль охотно на всё отвечал. Репортёры записывали.

— Вор этот — новичок? — спросил один из них.

— Не думаю,— ответил комиссар.— Может, нас ещё ждёт какой-нибудь сюрприз. Во всяком случае, позвоните мне, пожалуйста, через полчаса.

Потом все встали и распрощались. А Эмиль пошёл вместе с господином Кестнером к следователю Лурье. Тот жевал теперь бутерброд с сыром.

— А, вот и сам Цвёрбайн! — воскликнул он, увидев Эмиля.

— Тышбайн,— невозмутимо поправил Эмиль.

Потом господин Кестнер усадил Эмиля, Густава и Профессора в машину и повёз их прежде всего в кондитерскую. Дорогой Густав вдруг как гуднёт своим клаксоном. Ребята рассмеялись, увидев, что господин Кестнер испугался. В кондитерской они все очень веселились. Уплетали вишнёвый пирог со взбитыми сливками и болтали о чём попало: о военном совете, который они

держали на площади Никельсбург, о том, как они гнались за такси, о ночи в гостинице, о Густаве в роли посыльного, о скандале в банке. И господин Кестнер сказал в конце разговора:

— Вы все трое действительно отличные ребята!

Они очень возгордились от этой похвалы и даже съели ещё по кусочку вишнёвого пирога.

Потом Густав и Профессор побежали на автобус, а Эмиль, пообещав позвонить после обеда Вторнику, поехал вместе с господином Кестнером в редакцию.

Здание, где делают газету, оказалось огромным. Почти таким же, как Управление полиции на Александерплатц. А в коридорах был такой шум и сутолока, словно там проводили состязания по бегу с препятствиями.

Они вошли в комнату, в которой за столом работала красивая белокурая девушка. И господин Кестнер принялся ходить взад-вперёд по комнате и диктовать этой девушке всё то, что ему рассказал Эмиль, а она быстро-быстро стучала на машинке. Иногда он останавливался и спрашивал Эмиля:

— Всё верно?

И диктовал дальше только после того, как Эмиль кивал головой.

Потом господин Кестнер снова позвонил комиссару полиции.

— Что вы говорите? — изумился он. — Просто невероятно!.. Ему пока не рассказывать?.. Ну да?.. И это тоже он?.. Я так рад!.. Огромное вам спасибо... Вот будет сенсация!..

Господин Кестнер повесил трубку, поглядел на мальчика так, словно видел его впервые, и сказал:

— Эмиль, пошли скорее наверх. Нам надо тебя сфотографировать.

— Да что вы! — с удивлением пробормотал Эмиль, но покорно пошёл за господином Кестнером, поднялся с ним ещё на три этажа и очутился в светлой комнате.

Там он причесался, и его сфотографировали.

Потом господин Кестнер повёл Эмиля в типографию — ну и грохот же там стоял: казалось, что стучат сразу на тысяче пишущих машинок! — отдал какому-то дяденьке странички, ко-

торые напечатала красивая белокурая девушка, и сказал, что он тут же вернётся, потому что это очень срочный материал, ему надо только прежде отправить мальчика к бабушке.

Потом они на лифте спустились на первый этаж и вышли на улицу. Господин Кестнер остановил такси, усадил в него Эмиля, дал шофёру деньги, хотя мальчик и запротестовал, и сказал:

— Отвезите, пожалуйста, моего юного друга на Шуманштрассе, дом пятнадцать.

Они крепко пожали друг другу руки, и господин Кестнер сказал на прощание:

— Когда приедешь домой, передай от меня привет твоей маме. Она, видно, очень милая женщина.

— Ещё бы! — воскликнул Эмиль.

— Да, и последнее! — крикнул вдогонку господин Кестнер, когда машина уже тронулась. — Обязательно прочти сегодняшней вечерний выпуск нашей газеты. Ты будешь удивлён!

Эмиль обернулся, чтобы помахать господину Кестнеру. И господин Кестнер ему тоже помахал.

Потом машина скрылась за углом.

Глава шестнадцатая

КОМИССАР ПОЛИЦИИ ПЕРЕДАЁТ ПРИВЕТ

Такси ехало уже по Унтер-ден-Линден, когда Эмиль сказал вдруг шофёру:

— Мы, наверно, скоро приедем?

— Так точно.

— Извините, пожалуйста, но я забыл, мне вначале надо попасть на Кайзераллее, в кафе «Жюсти». Там я оставил букет цветов для тёти и свой чемодан. Не будете ли вы так любезны заехать сперва туда?

— Что значит «любезен»? У тебя есть деньги на случай, если не хватит тех, которые я уже получил?

— Да, деньги у меня есть. А я не могу прийти к тёте без цветов.

— Ну что ж, ладно, — сказал шофёр и свернул налево.

Они проехали через Бранденбургские ворота, потом мимо зелёного тенистого Тиргартена и Ноллендорфской площади. Теперь, когда всё хорошо кончилось, Берлин казался Эмилю куда приветливей и уютней. Но всё же он на всякий случай оцупал свой верхний карман. Деньги были на месте.

Получив свои вещи в целости и сохранности, Эмиль поблагодарил девушку за стойкой, снова сел в такси и сказал шофёру:

— Ну, а теперь к бабушке!

Они развернулись, проделали весь этот длинный путь в обратном направлении, пересекли реку Шпрее и покатали по узким старым улочкам с серыми домами. Эмилю хотелось глядеть в окно, но, как назло, ему всё время что-то мешало: то он возился с чемоданом, который без конца падал с сиденья, то воевал с ветром, который вырывал у него букет из рук.

Шофёр затормозил. Машина остановилась у дома пятнадцать на Шуманштрассе.

— Ну вот мы как будто и приехали, — сказал Эмиль и вылез из такси. — Сколько я вам должен добавить?

— Нисколько, наоборот, я тебе ещё верну тридцать пфеннигов.

— Что вы! — воскликнул Эмиль. — Купите себе на них несколько сигар.

— Спасибо, малыш, я не курю, а жую табак, — сказал шофёр и поехал дальше.

Эмиль поднялся на третий этаж и позвонил в дверь, на которой была табличка «Хеймбольд». До него донеслись громкие возгласы, потом дверь распахнулась, и он увидел бабушку. Она схватила Эмиля за шиворот, поцеловала его в левую щёку и одновременно шлёпнула по правой, потом втащила за волосы в квартиру и закричала:

— Ах ты, негодник, ах ты, негодник!

— Хорошенькие вещи узнаёшь о тебе, — сказала тётя Марта дружелюбно и подала ему руку.

А Пони-Шапочка — на ней был мамин передник — сунула ему локоть, пропищав:

— Осторожно! У меня руки мокрые. Мою посуду. Бедные мы, женщины!

Потом они все прошли в комнату, Эмиля усадили на кушетку, и бабушка с тётёй Мартой стали его так рассматривать, словно он очень ценная картина Тициана.

— Деньги принёс? — спросила Пони.

— А ты думала! — воскликнул Эмиль, вынул из кармана три бумажки, протянул сто двадцать марок бабушке и сказал: — Вот, бабушка, возьми. И мама передаёт сердечный привет. И просит тебя не сердиться, что ничего не послала в прошлый месяц. Но было мало работы. Зато в этот раз она посылает больше обычного.

— Спасибо, мой милый мальчик, — ответила бабушка, протянула ему назад ассигнацию в двадцать марок и сказала: — Это тебе. За то, что ты такой отличный сыщик.

— Нет, я не возьму этих денег. У меня ведь есть двадцать марок, которые мне дала мама.

— Эмиль, бабушку надо слушаться. Спрячь скорее деньги!

— Нет, я их не возьму.

— Ну и болван! — воскликнула Пони-Шалочка. — Я не заставила бы себя просить!

— Нет, бабушка, мне не хочется.

— Возьми, говорят, не то у меня от бешенства разыграется ревматизм, — пригрозила бабушка.

— Ну, скорее убери эти деньги, — сказала тётя Марта и сама сунула ему бумажку в карман.

— Что ж, если вы уж так настаиваете... — простонал Эмиль. — Спасибо, бабушка.

— Это я должна благодарить тебя, это я должна благодарить тебя, — ответила бабушка и погладила Эмиля по голове.

Потом Эмиль подал тётёе букет. Торжественно развернули бумагу, и все растерялись — то ли плакать, то ли смеяться.

— Сушёные овощи! — заявила Пони.

— Ну конечно, они с вечера лежат без воды, — печально объяснил Эмиль. — Тут нечему удивляться. Когда мы их вчера утром купили у Штáмницева, они были совсем свежие.

— Не сомневаюсь, не сомневаюсь,— сказала бабушка и поставила завядшие цветы в воду.

— Может, ещё отойдут,— утешила его тётя Марта.— Ну, а теперь давайте обедать. Дядя придёт домой поздно. Пони, накрой на стол!

— Сейчас! — ответила девочка.— Эмиль, а что у нас на обед?

— Понятия не имею.

— А что ты больше всего любишь?

— Макароны с ветчиной.

— Ну, значит, ты уже знаешь, что у нас на обед.

Собственно говоря, накануне Эмиль уже ел макароны с ветчиной. Но, во-первых, любимое блюдо можно есть хоть каждый день, а во-вторых, Эмилю казалось, что с последнего обеда в Нейштадте у мамы прошло не меньше недели. И он накинул на макароны, словно он был господином Грундайсом — Мюллером — Кислингом.

После обеда Эмиль и Пони вышли на улицу, потому что Эмилю не терпелось опробовать маленький никелированный велосипед Пони. Бабушка прилегла на кушетке. А тётя Марта пекла яблочный пирог. Она славилась в семье своими яблочными пирогами.

Эмиль мчался по Шуманштрассе, а Пони бежала за ним и держалась за седло, уверяя, что это необходимо, не то её кузеп упадёт. Потом ему пришлось слезть, потому что Пони захотела продемонстрировать, как она делает восьмёрки и тройки.

И тут к ним подошёл полицейский с портфелем под мышкой и спросил:

— Скажите, дети, в доме пятнадцать живут Хеймбольды?

— Да,— сказала Пони.— Это мы. Одну минуту, господин майор.

Она поставила велосипед в подвал и заперла его.

— Что-нибудь плохое? — спросил Эмиль, который всё ещё беспокоился из-за проклятого Йешке.

— Совсем наоборот. Это ты ученик Эмиль Тышбайн?

— Да, я.

— Ну, тогда я могу тебя от души поздравить!

— У кого это день рождения? — поинтересовалась Пони, которая, вернувшись из подвала, услышала только последние слова.

Но полицейский ничего больше не сказал; он молча поднялся по лестнице. Тётя Марта ввела его в комнату. Бабушка проснулась и села на кушетке. Её явно разбирало любопытство. Эмиль и Шапочка стояли у стола, сгорая от нетерпения.

— Дело вот в чём, — начал полицейский, раскрывая портфель. — Вор, которого сегодня утром помог задержать ученик реального училища Эмиль Тышбайн, оказался не кем иным, как грабителем банка в Ганновере, которого разыскивают вот уже месяц. Он похитил большую сумму денег. Нашим специалистам удалось установить его личность. И он уже во всём признался. Почти все деньги нашлись — они были зашиты в подкладке его костюма. Ассигнации по тысяче марок.

— С ума сойти! — воскликнула Пони-Шапочка.

— Две недели назад, — продолжал полицейский, — банк назначил премию тому, кто поймает грабителя. И так как ты, — он обернулся к Эмилю, — задержал его, ты получишь эту премию. Господин комиссар полиции передаёт тебе привет, он рад, что ты вознаграждён за твоё мужество.

Эмиль поклонился.

И тут полицейский вынул из портфеля пачку денег и пересчитал их на столе, а тётя Марта, которая с вниманием следила за его жестами, прошептала:

— Тысяча марок!

— Вот это да! — воскликнула Пони.

Бабушка подписала квитанцию. И полицейский ушёл. Но перед этим тётя Марта угостила его стаканом наливки из дядино-го шкафа.

Эмиль сел рядом с бабушкой; он был не в силах произнести ни слова. Бабушка обняла его и сказала, покачивая головой:

— Прямо трудно поверить. Прямо трудно поверить.

Шапочка вскочила на стул и, дирижируя, словно в комнате находился хор, пропела:

— А вот теперь, а вот теперь мы всех мальчишек пригласим на чашку кофе.

— Да,— сказал Эмиль.— Это мы тоже сделаем. Но прежде всего... ведь теперь, собственно говоря, мама... как вы считаете?.. Мама может приехать в Берлин?..

Глава семнадцатая

ФРАУ ТЫШБАЙН ВОЛНУЕТСЯ

На следующее утро жена булочника фрау Вирт из Нейштадта позвонила в дверь парикмахерши фрау Тышбайн.

— Доброе утро, фрау Тышбайн,— сказала она, войдя в квартиру.— Как поживаете?

— Доброе утро, фрау Вирт. Я так волнуюсь! До сих пор не получила ни строчки от сына. Как звонят в дверь, бегу, думаю, почтальон. Вас завить?

— Нет. Я зашла к вам, чтобы... короче, потому что мне надо вам кое-что сообщить.

— Я вас слушаю.

— Эмиль передаёт вам привет и...

— Бога ради, что с ним случилось?.. Где он? Что вам известно? — закричала фрау Тышбайн. Она ужасно разволновалась и в страхе всплеснула руками.

— Да с ним всё в порядке, дорогая. В полном порядке! Он поймал вора. Представляете! И полиция прислала ему в награду тысячу марок. Ну, что вы скажете? И все просят вас поехать в Берлин двенадцатичасовым поездом.

— А откуда вы всё это узнали?

— Ваша сестра только что позвонила из Берлина к нам в магазин. Эмиль тоже сказал несколько слов. Просил, чтобы вы приехали. Теперь, когда у вас столько денег, это ведь можно себе позволить.

— Вот оно что, вот оно что... да, конечно,— рассеянно бормотала фрау Тышбайн.— Тысяча марок? За то, что он поймал вора? Как это только ему взбрело в голову ловить вора? Всегда одни только глупости у него на уме!

— Ну, как сказать! Тысяча марок — деньги немалые.

— Не говорите мне об этой тысяче марок!

— Конечно, бывают и бóльшие несчастья. Так вы поедете?

— Ещё бы! У меня не будет ни минуты покоя, пока я не увижу Эмиля.

— Тогда пожелаю вам доброго пути. Надеюсь, эта поездка доставит вам удовольствие.

— Большое спасибо, фрау Вирт, — сказала парикмахерша и закрыла за гостьей дверь, всё ещё недоуменно качая головой.

Уже в берлинском поезде фрау Тышбайн пережила ещё одно потрясение. Против неё какой-то господин читал газету. Фрау Тышбайн очень нервничала, взгляд её рассеянно блуждал по купе. Она глядела в окно, считала телеграфные столбы, чтобы хоть как-то скоротать время, и больше всего ей хотелось бежать за поездом, чтобы подтолкнуть его сзади, — ей казалось, он ползёт как черепаха. Она вертелась во все стороны, не находя себе места, и вдруг её взгляд случайно упал на газету, которую читал её сосед.

— Боже праведный! — воскликнула она и вырвала газету у него из рук.

Господин решил, что она внезапно сошла с ума, и не на шутку испугался.

— Вот, вот, — бормотала она. — Это мой сын. — И она ткнула пальцем в фотографию на первой странице.

— Да что вы говорите! — обрадовался господин. — Вы мать этого Эмиля Тышбайна? Отчаянный парень! Поздравляю вас, фрау Тышбайн, я восхищён!

— Восхищаться тут нечего, — сказала парикмахерша и стала читать статью. На первой странице стояло огромными буквами:

МАЛЕНЬКИЙ МАЛЬЧИК В РОЛИ СЫЩИКА.

СОТНЯ БЕРЛИНСКИХ РЕБЯТ ПРЕСЛЕДУЕТ ПРЕСТУПНИКА.

А под заголовком шёл захватывающий рассказ о приключениях Эмиля, начиная с вокзала в Нейштадте и кончая Управлением полиции в Берлине. Фрау Тышбайн стала бледной как полотно. И газета в её руках так и прыгала, словно её трепал

ветер. А ведь окно в купе было закрыто. Господину не терпелось, чтобы она скорее дочитала статью. Но статья была очень длинной — она занимала почти всю первую страницу. И в середине была фотография Эмиля.

Наконец она отложила газету в сторону, поглядела на своего соседа и сказала:

— Вот остался один — и тут же выкидывает такие номера! Я ему так наказывала быть осторожным, беречь эти сто сорок марок! Как он только мог поступить так неосмотрительно! Разве он не знает, что у нас нет лишних денег для воров!

— Видно, он устал. Может, даже вор его загипнотизировал. Такие вещи, говорят, бывают, — сказал господин с газетой. — Но разве вас не восхищает, что мальчишка сумел выпутаться из такого положения? Это же гениально! Просто великолепно! Нет, в самом деле, просто великолепно!

— Да, конечно, — согласилась польщённая фрау Тышбайн. — Он у меня умница, мой мальчик. Первый ученик в классе. И к тому же такой прилежный. Но подумайте, если бы с ним что-нибудь случилось! У меня от этой истории волосы становятся дыбом, хотя всё уже позади. Нет, больше я его никуда не пущу одного. А то я просто умру от страха.

— Он похоже вышел на фотографии?

Фрау Тышбайн снова взглянула на газету и сказала:

— Да. Очень. Он вам нравится?

— Необычайно! — воскликнул господин с газетой. — Сразу видно, парень что надо. Из него выйдет толк.

— Вот только сесть ему надо было аккуратней. А то пиджачок весь в складках, — придиралась мать. — Я ему всегда говорю: надо расстегнуть пуговицы, прежде чем сесть. Но он забывает!

— Если у него нет других недостатков... — рассмеялся господин.

— Да, недостатков у моего Эмиля, собственно говоря, нет, — призналась фрау Тышбайн и даже высморкалась от умиления.

Потом господин сошёл. Он оставил ей газету, и она всё читала и перечитывала приключения Эмиля, пока поезд не оста-

новился на вокзале Фридрихштрассе. Она успела прочитать эту статью ровно одиннадцать раз.

Когда поезд остановился, она увидела на перроне Эмиля; на нём был, в честь мамы, выходной костюм. Эмиль бросился ей на шею с криком:

— Ну, что ты на это скажешь?

— Только не задавайся, хвостун!

— Ах, фрау Тышбайн, как я рад, что ты приехала! — сказал Эмиль и взял её под руку.

— От всей этой беготни твой костюм не стал лучше, — заметила мама. Но она не сердилась, это было ясно.

— Если ты захочешь, у меня будет новый костюм.

— Каким образом?

— Один магазин намерен подарить мне, Профессору и Густаву новые костюмы, а потом сообщить в газете, что мы, юные сыщики, покупаем себе костюмы только у них. Одним словом, реклама. Понимаешь?

— Да, понимаю.

— Но мы, скорее всего, откажемся, хотя могли бы вместо скучных костюмов получить каждый по новому футбольному мячу, — рассказывал Эмиль. — Потому что, знаешь, мы считаем, что вся эта шумиха, которую вокруг нас подняли, просто глупа. Пусть взрослые этим занимаются, они ведь часто бывают такими чудными. Но для детей это не подходит.

— Bravo! — воскликнула мама.

— Деньги дядя спрятал. Тысяча марок! Здорово, правда? Прежде всего мы купим электрическую сушилку для волос. И тебе шубу на меху. А мне что? Это я ещё обдумую. Может, всё же футбольный мяч. А может, фотоаппарат. Посмотрим.

— Я думаю, лучше деньги эти сберечь, положить в банк. Потом они могут тебе очень пригодиться.

— Нет, мы обязательно купим тебе сушилку и шубу. То, что останется, можно отнести в банк, если хочешь.

— Это мы ещё обсудим, — сказала мама и сжала его локоть.

— Ты знаешь, во всех газетах помещены мои фотографии, и повсюду напечатаны обо мне длинные статьи.

— Одну я уже прочла в поезде. Я сперва очень волновалась, Эмиль! С тобой ничего плохого не случилось?

— Да что ты, мама! Наоборот, это было так здорово! Я тебе потом всё по порядку расскажу. Но сперва ты должна познакомиться с моими друзьями.

— А где они?

— На Шуманштрассе. У тётки Марты. Она вчера тут же стала печь яблочный пирог. И мы пригласили всю компанию. Они сидят сейчас там и веселятся.

И в самом деле, у Хеймбольдов было полным-полно гостей. Пришли и Густав, и Профессор, и Крумбигель, и братья Миттенцвей, и Вторник, и Герольд... Ну и все остальные. Стульев не хватало.

Пони-Шапочка бегала с огромным кофейником от одного к другому и разливала какао. А яблочный пирог тётки Марты был такой вкусный, что ни в сказке сказать, ни пером описать! Бабушка сидела на кушетке и смеялась. Она помолодела на десять лет.

Когда появились Эмиль с мамой, началась длинная церемония приветствий. Фрау Тышбайн подала каждому мальчику руку и поблагодарила всех за то, что они так хорошо помогли её Эмилю.

— Значит, договорились? — сказал Эмиль ребятам. — Мы откажемся от костюмов и от мячей. Мы не позволим, чтобы нас использовали для рекламы. Так, что ли?

— Точно! — крикнул Густав и загудел так громко, что все цветочные горшки тётки Марты задрезжали.

Потом бабушка постучала ложкой о свою чашку с золотым ободком, встала и сказала:

— Слушайте внимательно, молодцы. Я хочу сказать речь. Пожалуйста, не воображайте, я не собираюсь вас хвалить. Вас и без меня до того захвалили, что у вас, наверно, голова пошла кругом. От меня этого не ждите. Нет, не ждите!

Дети совсем притихли, даже жевать перестали.

— Выслеживать вора, — продолжала бабушка, — гнаться за ним по пятам и в конце концов окружить его, когда вас сто че-

ловец, — невелика заслуга. Может, вам это неприятно слушать, но это так. Но среди вас сидит мальчик, который тоже хотел бы ловить господина Грундайса, хотел бы нарядиться, как Густав, в зелёную ливрею и всё разузнать в гостинице. Но он остался дома, потому что взялся дежурить у телефона. Да, только потому, что он за это взялся.

Все посмотрели на Вторника. Он сидел красный как рак от смущения.

— Совершенно верно. Я имею в виду маленького Вторника. Совершенно верно! — сказала бабушка. — Он два дня не отходил от телефона. Он знал, в чём заключается его долг. И он его выполнил, хотя ему это дело было не по душе. Вот это замечательно! Понятно? Вот это замечательно! Пусть он вам послужит примером! А теперь давайте все встанем и крикнем: «Да здравствует маленький Вторник!»

Мальчишки вскочили, Пони-Шапочка сложила руки растрёмом. Тётя Марта и мама Эмиля пришли из кухни. И все закричали:

— Да здравствует Вторник! Ура! Ура! Ура!

Потом все снова сели. И маленький Вторник набрал воздуха и сказал:

— Спасибо. Но это вы зря. Любой из вас поступил бы точно так же. Ясно?! Настоящий мальчишка всегда делает то, что надо. И всё!

Пони-Шапочка высоко подняла огромный кофейник и крикнула:

— Эй, люди, кому ещё налить? Давайте теперь выпьем за Эмиля!

Глава восемнадцатая

КАКОЙ УРОК ИЗ ЭТОГО МОЖНО ИЗВЛЕЧЬ?

К вечеру ребята простились. И Эмиль торжественно обещал, что придёт завтра после обеда вместе с Пони-Шапочкой к Профессору. Потом домой пришёл дядя Хеймбольд и сели ужинать. А после ужина дядя передал ф́рау Тышбайн тысячу марок и посоветовал положить их в банк.

— Я так и собиралась,— сказала парикмахерша.

— Нет! — воскликнул Эмиль.— Тогда мне это не доставит никакой радости. Мама должна купить себе электросушилку и шубу. В конце концов, это ведь мои деньги. Я могу потратить их как хочу. Так или не так?

— Ты вовсе не можешь сделать с ними, что хочешь,— объяснил дядя Хеймбольд.— Ты ещё ребёнок. И поэтому решать, что делать с деньгами, может только твоя мама.

Эмиль встал из-за стола и отошёл к окну.

— До чего же ты не чуткий, Хеймбольд! — сказала Пони-Шапочка своему отцу.— Да разве ты не видел, как Эмиль радовался, что может сделать маме подарок? Вы, взрослые, иногда до того недогадливы, что просто диву даёшься!

— Конечно, надо купить сушилку и шубу,— сказала бабушка.— Но то, что останется, вы отнесёте в банк, ведь верно, мой мальчик?

— Да,— ответил Эмиль.— Ты согласна, мамочка?

— Если ты так настаиваешь...

— Завтра утром отправимся за покупками. Ты, Пони, пойдёшь с нами? — спросил Эмиль, и было видно, что он очень доволен.

— А ты, верно, думал, что я буду в это время считать мух на потолке, так, что ли? — ответила кузина.— Но ты тоже должен себе что-нибудь купить. Если тётя Тышбайн получит эту сушилку, то ты себе должен купить велик, понятно? Чтобы не ломать велосипед своей кузины.

— Эмиль,— встревоженно спросила фрау Тышбайн,— ты что, сломал велосипед Пони?

— Да что ты, мама, я просто чуть-чуть опустил седло — оно у неё всегда поднято слишком высоко, чтобы мчаться, как гонщик. Фасонит, и всё!

— Сам ты фасоня! — крикнула Шапочка.— Если ты ещё раз опустишь седло, мы поссоримся.

— Если бы ты не была девчонкой, я бы тебя сейчас отлупил, деточка. А кроме того, я не хочу сегодня портить себе настроение, но учти: не тебе решать, что я куплю, а что — нет.

И Эмиль упрямо засунул руки в карманы.

— Не ссорьтесь и не деритесь. Лучше уж сразу выпарапайте друг другу глаза,— миролюбиво посоветовала бабушка.

Попозже вечером дядя Хеймбольд вышел погулять с собакой. Собственно говоря, у Хеймбольдов не было никакой собаки, но, когда отец по вечерам выходил выпить кружку пива, Пони всегда говорила: «Пошёл погулять с собакой».

Бабушка, обе мамы, Пони-Шапочка и Эмиль сидели вместе в комнате и обсуждали события двух последних дней, которые принесли столько волнений.

— А может, вся эта история чему-нибудь нас научит?

— Конечно,— сказал Эмиль.— Меня, например, тому, что людям нельзя доверять.

— Глупости,— проворчала бабушка.— Всё как раз наоборот. Всё как раз наоборот.

— Глупости, глупости, глупости,— пропела Пони-Шапочка и проскакала на стуле по комнате.

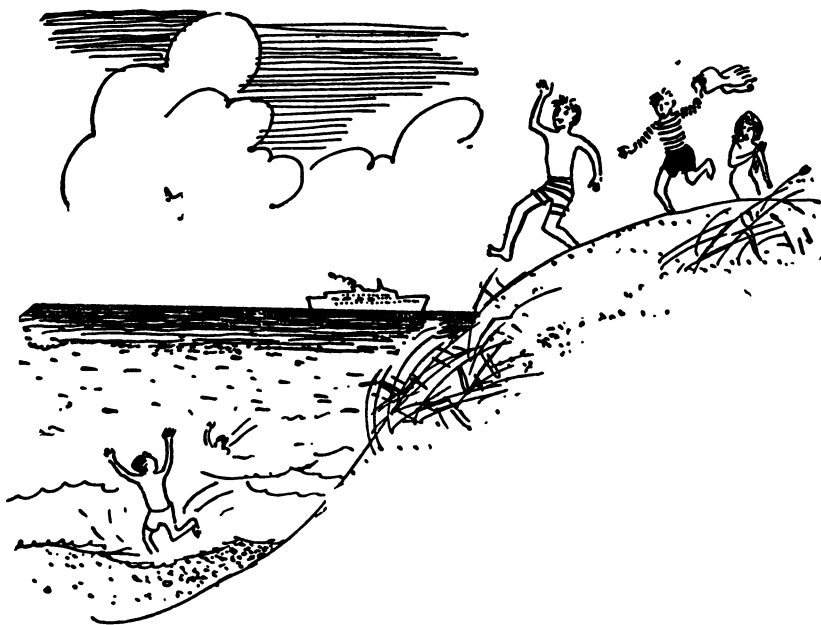
— Так ты считаешь, что из всего этого нельзя извлечь ничего полезного? — спросила тётя Марта.

— Почему? Можно,— сказала бабушка.

— Что же? — спросили все в один голос.

— Деньги надо посылать только по почте! — И бабушка захихикала мелодично, как музыкальный ящик.

— Ура! — закричала Пони-Шапочка и проскакала на стуле в свою комнату. Пора было ложиться спать.

ПРЕДИСЛОВИЕ

Ровно через два года после той истории, которая случилась у Эмиля с господином Грундайсом, со мной произошёл на Кайзераллее удивительный случай.

Собственно говоря, я собирался сесть в трамвай 177, чтобы поехать в Штэглиц. Правда, никаких особых дел у меня там не было, но я люблю гулять в таких районах города, которые не знаю и где меня не знают. Там мне легко вообразить, что я нахожусь где-то на чужбине. А когда я чувствую себя совсем одиноким и потерянным, я быстро еду домой, уютно располагаюсь у себя и пью кофе.

Ничего не поделаешь, уж такой я человек. Но моё кругосветное путешествие в Штэглиц в тот день так и не состоялось. Потому что когда подошёл трамвай и я уже занёс ногу, чтобы

опустить её на ступеньку первого вагона, я вдруг увидел, что с передней площадки сходит странного вида человек в чёрном котелке. Он опасливо огляделся по сторонам, словно совесть его была нечиста, потом торопливо обогнул вагон, пересек улицу и поднялся на террасу кафе «Жости».

Я задумчиво проводил его взглядом.

— Вы что, садитесь? — спросил у меня кондуктор.

— Как видите, — ответил я.

— Тогда поторопитесь, — строго сказал он.

Но я не поторопился, а, наоборот, застыл на месте от изумления, не в силах оторвать взгляда от прицепа вагона.

Дело в том, что с прицепа слез мальчишка с чемоданом в одной руке и с букетом цветов, завёрнутым в папиросную бумагу, в другой. Он тоже всё оглядывался, потом потащил свой чемодан к газетному киоску на углу, спрятался за ним, поставил чемодан на тротуар, а букет положил на чемодан и посмотрел вокруг.

Кондуктор всё ещё ждал меня.

— Всё, у меня лопнуло терпение! — крикнул он в конце концов. — Не хотите ехать — не надо, не силком же вас тащить! — Он дёрнул за шнур, и трамвай 177 поехал без меня в Штеглиц.

Господин в котелке сел на террасе за столик и подозвал официанта. Мальчик, притаившись за киоском, наблюдал за ним, не спуская с него взгляда.

Я всё ещё стоял у остановки как истукан. (Кто-нибудь из вас знает, как выглядят истуканы? Я лично понятия не имею.)

Ну и ну! Я просто глазам своим не верил. Ведь два года назад господин Грундайс и Эмиль Тышбайн сошли с трамвая на этом самом углу! И теперь всё это снова повторяется? Здесь что-то не то.

Я потёр глаза и снова бросил взгляд на террасу кафе «Жости». Господин в котелке сидел там по-прежнему! А мальчик за газетным киоском устало присел на чемодан; вид у него был очень огорчённый.

Я подумал: правильной всего будет подойти к мальчику и

спросить его, что всё это означает. И если он мне ещё скажет, что у него украли сто сорок марок, я залезу на ближайшее дерево.

Так вот, направился к мальчику, сидящему на чемодане, и сказал ему:

— Добрый день. Что у тебя случилось?

А он сидел как пень и молчал, словно не слышал моего вопроса, и по-прежнему не спускал глаз с террасы кафе.

— Скажи, не украли ли у тебя, случаем, сто сорок марок? — спросил я тогда.

Тут он наконец поглядел на меня, утвердительно кивнул и сказал:

— Да, украли. Вот тот негодяй, который сидит там, на террасе кафе.

Я не только не успел залезть на ближайшее дерево, как собирался, но даже головой покачать не успел, потому что за спиной загудел клаксон. Мы испуганно обернулись, но увидели не машину, а мальчишку, который над нами смеялся.

— Что тебе надо? — спросил я.

Он снова загудел и заявил:

— Меня зовут Густав.

У меня в горле пересохло. Просто с ума можно сойти! А может, мне всё это снится?

А по Траутенауштрассе к нам тем временем бежал какой-то человек и возмущённо махал руками. Он остановился прямо передо мной и заорал:

— Чего вы здесь торчите! Суёте свой нос в чужие дела! Вы же нам съёмки срывааете.

— Какие такие съёмки? — спросил я с любопытством.

— Вы что-то туго соображаете! — взорвался разгневанный господин.

— Это у меня с рождения, — невозмутимо ответил я.

Мальчички рассмеялись. А Густав с клаксоном объяснил мне:

— Мы ведь снимаем фильм.

— Ну да, — подхватил мальчик с чемоданом. — Фильм про Эмиля. И я играю Эмиля.

— Да пройдите же наконец! — взмолился ассистент.—
Плѣнка стóбит дорого.

— Извините, что помешал,— сказал я и пошѣл своей дорогой.

А ассистент побежал назад к грузовичку, в который была вмонтирована кинокамера, и оператор снова приступил к съѣмкам.

Я дошѣл, прогуливаясь, до сквера на площади Никольсбург и сел на скамейку. Я просидел так довольно долго, рассеянно глядя перед собой. Правда, я уже где-то слышал краем уха, что снимают фильм про Эмиля, но потом это совсем выпало у меня из головы. Ну, а если вдруг становишься свидетелем того, как история, происшедшая два года назад, снова точь-в-точь повторяется — и чемодан, и букет цветов, и клаксон, и котелок, — то у тебя, естественно, глаза на лоб полезут от удивления!

Немного погодя ко мне подсел высокий худощавый господин. Он был постарше меня, носил пенсне и глядел на меня посмеиваясь... Наконец он сказал:

— С ума можно сойти, верно? Думаешь, что то, что происходит вокруг тебя, — это живая жизнь, а потом оказывается, что это лишь воспроизведение давным-давно случившихся событий.

Он сказал ещё что-то вроде того, что искусство — это всегда обман. Впрочем, ничего дурного он этим сказать не хотел. Мы с ним поговорили немного на эту тему, а когда оказалось, что мы её истерпали, мой собеседник заметил:

— На этой сугубо штатской скамье сыщики скоро будут держать военный совет.

— Откуда вы знаете? Вы что, тоже из съѣмочной группы?

Он рассмеялся:

— Нет, что вы! Я просто жду здесь своего сына. Он хочет быть на съѣмках. Потому что он был тогда одним из сыщиков.

Тут я немного взбодрился, внимательно посмотрел на моего соседа и сказал:

— Разрешите, я попробую догадаться, кто вы такой?

— Прошу вас,— ответил он весело; его всё это явно забавляло.

— Вы — советник юстиции Хáберланд, отец Профессора!

— Догадались! — воскликнул он. — Но откуда же вы это знаете? Вы что, читали книгу «Эмиль и сыщики»?

— Нет, я её написал.

Это сообщение почему-то чрезвычайно обрадовало советника юстиции. И через несколько минут мы уже разговаривали друг с другом, как друзья детства, и даже не заметили, что к скамейке подошёл мальчик. Он снял гимназическую фуражку и поклонился.

— Ах, вот и ты! — воскликнул советник юстиции Хаберланд.

Я узнал Профессора с первого взгляда. Правда, он вырос с тех пор, как я его видел. Не очень, но всё же вырос. Я протянул ему руку.

— Вы — господин Кестнер, — сказал он.

— Так точно! — воскликнул я. — Тебе нравится, как они снимают фильм про вашу историю?

Профессор поправил очки.

— Они стараются, этого я не отрицаю. Но такой фильм должны были бы сочинить и снимать сами ребята. Взрослые во всём этом ничего не смыслят.

Советник юстиции засмеялся.

— Его всё ещё зовут Профессор, — сказал он. — Но его уже давно пора бы звать Тайный советник.

Ну, а потом Профессор сел на скамейку между нами и рассказал мне о своих друзьях. О Густаве с клаксоном, который недавно получил в подарок к клаксону мопед. И о Вторнике. За это время его родители переехали в Дáлем, но он часто бывает в Берлине, потому что скучает по своим старым товарищам. И о Блеуре, и о братьях Митгенцвей, и о Трауготте, и о Церлетте. Я узнал много новостей. Ну, а Петцольд всё такой же противный парень, как два года назад. Он со всеми вечно ругается.

— Да, что вы на это скажете? — вдруг перебил сам себя Профессор. — Я ведь стал домовладельцем.

Он выпрямился и с гордостью поглядел на меня.

— Я в три раза старше тебя, — сказал я, — но всё ещё не стал домовладельцем. Как же это у тебя так быстро получилось?

— Это наследство от его умершей двоюродной бабушки,— объяснил советник юстиции.

— Дом стоит на берегу Балтийского моря,— рассказывал мне Профессор, сияя от счастья.— И я приглашу к себе на летние каникулы Эмиля и всех сыщиков.— Он сделал небольшую паузу.— Конечно, если родители разрешат.

Советник юстиции искоса кинул взгляд на сына. Смешно было смотреть, как они сквозь очки уставились друг на друга.

— Насколько я знаю твоих родителей,— сказал советник юстиции,— они возражать не будут. Дом принадлежит тебе, а я являюсь в данном случае лишь твоим опекуном.

— Договорились! — сказал Профессор.— А если я когда-нибудь женюсь и у меня появятся дети, я буду вести себя с ними, как ты со мной.

— При условии, что у тебя будут такие же образцовые дети, как у твоего отца,— уточнил советник юстиции Хаберланд.

Мальчик придвинулся поближе к отцу и тихо сказал:

— Спасибо.

На том разговор окончился. Мы встали и втроём пошли по Кайзераллее. На террасе кафе «Жости» стоял артист, играющий роль господина Грундайса. Он снял с головы котелок и вытер вспотевший лоб. Рядом с ним стояли режиссёр, оператор и тот самый человек, что накричал на меня у газетного киоска.

— Нет, так дело не пойдёт! — раздражённо кричал актёр.— Вы что, хотите, чтобы у меня был заворот кишок? Я должен съесть одну яичницу из двух яиц. Так и написано в сценарии: из двух яиц. А я съел уже восемь, но вам всё мало.

— Ничего не попишешь, старик,— сказал режиссёр.— Придётся снять ещё дубль.

Актёр напялил котелок, с мучкой воздел глаза, подозвал кельнера и печально сказал:

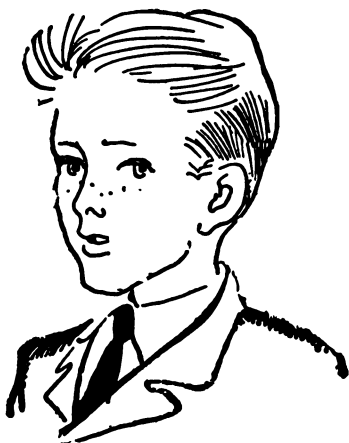
— Ну что ж, валяйте — несите мне ещё одну яичницу!

Кельнер принял заказ, покачал головой и воскликнул:

— Какой дорогой фильм!

И ушёл на кухню.

А ТЕПЕРЬ ПРЕДОСТАВИМ СЛОВО КАРТИНКАМ. ИХ ДЕСЯТЬ.

Вот он и снова появился! С тех пор как мы его видели в последний раз, прошло больше двух лет. За это время он вырос. И у него новый выходной костюм. Тоже синий. И, конечно, уже с длинными брюками! Но если он будет и дальше расти так же быстро, то на следующий год ему придётся носить этот костюм с короткими штанишками. А в остальном он мало изменился. Он остался тем же образцовым мальчиком, каким был. И маму свою он любит ничуть не меньше, чем прежде. И часто, когда они бывают вместе, он говорит с нетерпением: «Надеюсь, скоро я смогу зарабатывать много денег. И тогда ты не будешь больше мыть и завивать чужие головы». А мама всегда смеётся и отвечает: «Вот и отлично. Тогда я буду мух ловить».

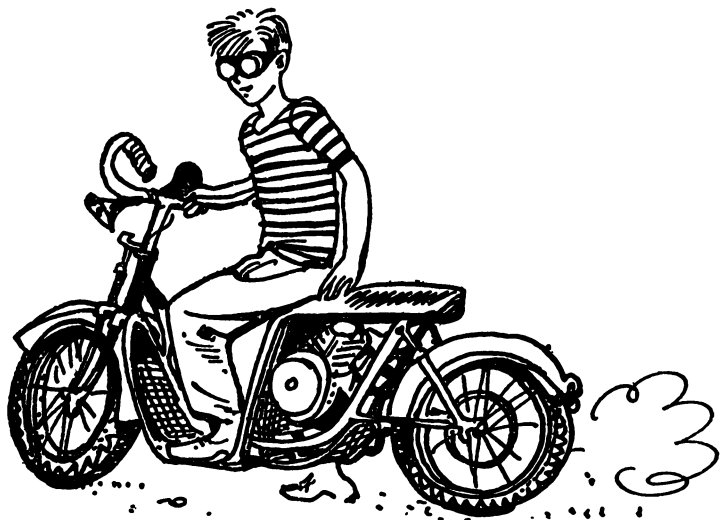

Подпись правильная. Сержант Йешке из Нейштадта успел за это время стать старшиной. Случай с памятником давно забыт. И иногда даже старшина Йешке после дежурства приходит к Тышбайнам пить кофе. А перед этим он всякий раз покупает у булочника Вирта большой пирог. И ффрау Вирт, которая всегда укладывает волосы у парикмахерши ффрау Тышбайн, сказала на днях своему мужу, булочнику Вирту: «Ты смекнул, Оскар, к чему дело идёт?» И когда булочник отрицательно покачал головой, жена воскликнула: «Что-что, а уж пороха ты не изобретёшь!»

Вот дом, который Профессор получил в наследство от своей двоюродной бабушки. Он находится в Корлсбюттеле, на берегу Балтики. Умершая бабушка была при жизни страстной садовницей. И сад, окружающий старый двухэтажный дом, — настоящее чудо. А пляж совсем рядом. Туда можно побежать прямо в плавках через ольховую рощу. Три минуты в зелёном сумраке — и ты уже в дюнах, а у твоих ног плещется море. А деревянный мол, к которому пристают местные пароходы, уходит к самому горизонту.

В-ЧЕТВЁРТЫХ, ГУСТАВ С КЛАКСОНОМ.

Знаете ли вы историю про человека, который нашёл пуговицу, а уже к ней заказал себе костюм? Что-то в этом роде случилось и с Густавом. Сперва у него был только клаксон. А потом он так долго канючил, что в конце концов отец подарил ему к этому клаксону мопед. Конечно, это не мотоцикл, и, чтобы ездить на нём, прав не надо. Но жителям соседних домов вполне хватает того трёска, который подымает Густав, когда заводит свой мопед или с рёвом заворачивает за угол. Глядя, как он в спортивном костюме лихо вскакивает на мопед, все думают: вон едет немецкий чемпион. Занятия в школе, правда, стали хромать, но Густав не унывает. «Из класса в класс кое-как переползаю, и порядок. Что ещё надо?»

Когда мальчишке четырнадцать лет, он всё ещё мальчишка, часто даже сопливый мальчишка. Но едва девчонке стукнет четырнадцать, как она уже чувствует себя барышней. И только не вздумайте над ней посмеяться! Или сказать: «Ты чего так задаёшься?» Кто на это решится, тому не поздоровится. Конечно, полной идиоткой Пони-Шапочка за эти два года не стала. Для этого у неё слишком сильное чувство юмора. Но если прежде она была настоящим сорванцом, то теперь она стала подростком. И бабушка не устаёт ей повторять: «Не торопись так, деточка, не торопись так, деточка! Старой перечницей ты всегда стать успеешь».

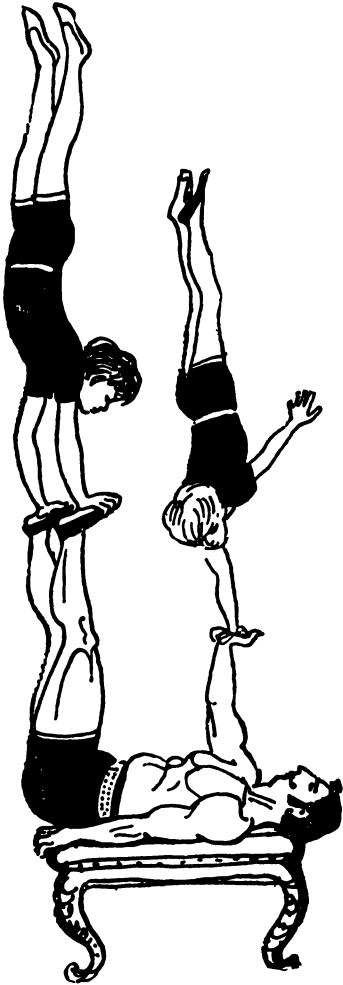
В-ШЕСТЫХ, ПАРОМ ДЛЯ ПОЕЗДОВ.

Вам довелось хоть раз видеть такую переправу? Вот в Штрáльзунде, например, есть такие вот удивительные пароходы: они подходят к особому причалу с рельсами, и весь состав, целиком, переезжает на палубу. И пароход этот отваливает и плывёт себе по морю, плывёт прямо в Данию, или на остров Рюген, или в Швецию. Там он снова причаливает к берегу, и поезд преспокойно едет дальше как ни в чём не бывало. Здрóрово, верно? Хорошо ехать в поезде, и на пароходе — тоже. Но как, наверное, прекрасно ехать в поезде на пароходе!

В-СЕДЬМЫХ, „ТРИ-БАЙРОНА-ТРИ!“

«Три-Байрона-три!» играют немаловажную роль в нашей истории. Они артисты и выступают в цирке или на эстраде. Один из Байронов — отец, а двое остальных — сыновья. Зовут их Макки и Джекки, и они близнецы, хотя Джекки больше Макки. Папу Байрона это бесит, но Джекки ничего не может поделать: он растёт. Другие ребята радуются, что растут. А Джекки Байрон приходит от этого в отчаяние.

В-ВОСЬМЫХ, СТАРЫЙ ЗНАКОМЫЙ.

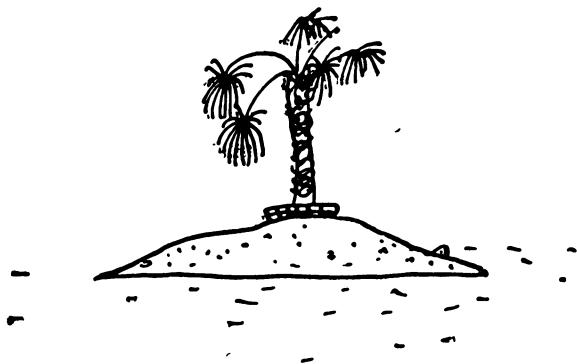

Перед вами — ученик официанта. Он работает в ресторане приморской гостиницы и станет когда-нибудь настоящим официантом, а может, и старшим официантом, или даже метрдотелем, а пока он помогает накрывать на стол и носить тарелки. И представьте — дел у него невпроворот: целый день крутится как белка в колесе. И всё же иногда ему удаётся урвать часок-другой, быстро сбегать на пляж и доплыть до песчаной косы. Или сесть верхом на огромный надутый зелёный туб — рекламу зубной пасты. И тут может случиться, что он встретит старых знакомых из Берлина и вспомнит события, происшедшие два года назад.

То, что перед вами старый морской волк, видно за версту. Он капитан торгового судна, которое плавает по Балтийскому морю. Иногда оно возит древесину. Иногда — уголь. Иногда — шведскую сталь. А иногда — ром. Слишком много рома. А от морского ветра, говорят, очень-очень хочется пить. В Корлсбюттеле у капитана Шмáуха есть домик, а в гавани там стоит отличная парусная яхта: она тоже принадлежит капитану. Да, чуть не забыл: мальчишка, который учится на официанта, — его племянник. На свете вообще куда больше родственников, чем думаешь.

В-ДЕСЯТЫХ, ОСТРОВ С ПАЛЬМОЙ.

В Балтийском море, недалеко от берега, есть крошечный островок. Как-то давно один рыбак шутки ради отвёз на этот остров пальму в кадке и высадил её в песок. И представьте себе, в северном песке растёт теперь африканская пальма, хотя вид у неё довольно жалкий. Просто курам на смех, но, к счастью, кур на островке нет — он необитаем. Во-первых, потому что он весь песчаный, а во-вторых, потому что слишком маленький, чтобы на нём жить. Если бы на нём кто-нибудь упал во сне с кровати, то угодил бы прямо в море.

А ТЕПЕРЬ ПОРА НАЧИНАТЬ НАШУ ИСТОРИЮ.

СТАРШИНА ЙЕШКЕ ОБРАЩАЕТСЯ С ПРОСЬБОЙ

В тот день старшина Йешке был после обеда свободен и явился к Тышбайнам с огромным яблочным пирогом. Мама Эмиля сварила кофе. И вот теперь они сидели втроем за круглым столом в столовой и налегали на пирог. Большое блюдо пустело медленно, но верно. Эмиль уже наелся до отвала. А господин Йешке тем временем рассказывал, что бургомистр Нейштадта решил заменить старую конку настоящим электрическим трамваем. Теперь всё дело упиралось только в деньги.

— А почему бы уж сразу не построить метро? — насмешливо спросил Эмиль. — Без нашей конки Нейштадт потеряет половину интереса. Трамвай ведь есть везде.

Но мама успокоила Эмиля:

— Если это вопрос денег, то можно не волноваться: конка будет ездить по Нейштадту до скончания века.

Утешившись, Эмиль взял с блюда последний кусок яблочного пирога и, исполненный сознанием своего долга, принялся его уплетать.

Старшина вежливо спросил, можно ли ему закурить.

— Конечно, господин Йешке! — воскликнула ффрау Тышбайн. Гость вынул из кожаного портсигара огромную чёрную сигару, прикурил и пустил густое голубое облако дыма.

Тут ффрау Тышбайн встала, составила чашки и тарелочки, унесла всю посуду на кухню и сказала, вернувшись, что ей надо выйти купить шампунь, потому что через час придёт ффрау Хомбург мыть голову.

Эмиль вскочил, чтобы сбежать в лавку вместо мамы, но она его остановила:

— Нет, мальчик, я пойду сама.

Эмиль с изумлением посмотрел на мать.

Господин Йешке кинул взгляд на ффрау Тышбайн, поперхнулся дымом и закашлялся. Откашлявшись, он сказал:

— Эмиль, мне надо с тобой поговорить. Так сказать, как мужчина с мужчипой.

Внизу хлопнула входная дверь — фрау Тышбайн ушла.

— Ну что ж, давайте говорите, — сказал наконец Эмиль. — Но я что-то не понимаю, почему это моя мама вдруг сорвалась и убежала. Ведь покупать — это моя обязанность.

Старшина положил сигару на край пепельницы, перекинул ногу на ногу и провёл рукой по мундиру, как бы стряхивая пепел, хотя никакого пепла на нём не было.

— Твоя мама ушла, наверно, для того, чтобы мы могли спокойно поговорить, — сказал Йешке и растерянно уставился в потолок.

Эмиль тоже поднял глаза. Но ничего интересного там не обнаружил.

Старшина снова взял в руку сигару и спросил без обиняков:

— Скажи-ка, парень, я тебе очень несимпатичен?

Эмиль чуть не упал со стула.

— Почему вы так думаете? Что за странный вопрос, господин Йешке? — Он помолчал, потом добавил: — Раньше я, правда, вас здорово боялся.

Старшина рассмеялся:

— Из-за той истории с памятником, да?

Мальчик кивнул.

— Мы тоже делали такие глупости, когда были школьниками.

Эмиль ахнул:

— Вы тоже? Лично вы?

— Да, я, собственной персоной, — ответил полицейский.

— В таком случае вы мне очень симпатичны, — заявил Эмиль.

Господин Йешке этому явно обрадовался.

— Я должен тебя спросить об одной очень важной вещи, — сказал он. — С твоей мамой я уже говорил об этом. В то воскресенье. Но она сказала, что всё зависит от тебя. Если ты будешь против, ничего не выйдет.

— Что, что? — переспросил Эмиль. Некоторое время он молчал, что-то обдумывая, а потом признался: — Вы на меня не обижайтесь, только я ни слова не понял из того, что вы сказали.

Старшина внимательно рассматривал свою сигару. Она успела потухнуть, и он тщетно пытался её снова раскурить. Наконец он сказал:

— Трудно говорить об этих вещах с таким большим парнем. Ты помнишь своего отца?

— Почти нет. Мне было пять лет, когда он умер.

Старшина кивнул. Потом разом выпалил:

— Я хотел бы жениться на твоей матери.— Он довольно долго кашлял, а когда немного успокоился, добавил: — Меня обещали перевести работать в участок. А потом я стану инспектором. Экзамен я выдержу, это точно. Я, правда, не ходил в реальное училище, но всё же я не дурак. А инспектор неплохо зарабатывает. И ты сможешь даже получить высшее образование, если у тебя будет охота.

Эмиль стряхнул крошки с цветной скатерти. Старшина добавил:

— Если ты будешь против, она за меня не выйдет.

Мальчик встал и подошёл к окну. Некоторое время он глядел на улицу. Потом обернулся и тихо сказал:

— Мне надо как-то свыкнуться с этой мыслью, господин Йешке.

— Понятно,— ответил тот.

Эмиль снова стал смотреть в окно. «Собственно, я представлял себе нашу жизнь иначе,— думал он, провожая глазами грузовик.— Я сам хотел начать зарабатывать деньги. Много денег. Чтобы ей не надо было больше работать. И хотел жить с ней всю жизнь, никогда не разлучаться. Только вдвоём. И больше никого. А тут неожиданно-негаданно приходит этот старшина и хочет стать её мужем!» Эмиль вдруг увидел мать: она появилась из-за угла и быстро перешла улицу. Эмиль спрятался за занавеску. «Мне надо немедленно принять решение. И думать я должен прежде всего не о себе. Это было бы подло с моей стороны. Она всегда думала только обо мне. Он ей нравится. Я обязан скрыть, что мне грустно. Мне просто необходимо быть весёлым, не то я испорчу ей всю радость...»

Эмиль набрал воздуха, обернулся и громко проговорил:

— Я согласен, господин Йешке.

Старшина встал, подошёл к нему и пожал ему руку. И тут как раз открылась дверь. Мать вошла в комнату и пытливо поглядела на своего мальчика. У него в голове ещё раз пронеслось с быстротой молнии: «Быть весёлым!» И Эмиль взял Йешке под руку, засмеялся и сказал маме:

— Ну, что ты на это скажешь! Господин старшина только что попросил у меня твою руку!

Когда пришла фрау Хомбург, чтобы вымыть голову, счастливый жених удалился. Вечером он снова появился и принёс цветы. И полфунта дорогой колбасы. И бутылку сладкого вина.

— Чтобы чокнуться,— сказал он.

Они поужинали, а потом чокнулись. И Эмиль произнёс торжественную речь, а господин Йешке долго смеялся. Фрау Тышбайн сидела на диване, гладила руку Эмиля, и вид у неё был довольный.

— Мой дорогой мальчик,— сказал господин Йешке,— я благодарю тебя за то, что ты нам желаешь счастья. Я невероятно рад всему, что случилось, и у меня есть к тебе только ещё одна просьба. Я не хочу, чтобы ты звал меня «отец». Это казалось бы мне странным. Конечно, я буду тебе как бы отцом. Это само собой разумеется. Но называть меня так не надо.

Втайне Эмиль был очень рад этим словам. Но он сказал:

— Слушаюсь, господин старшина! Но как мне к вам обращаться? «Добрый день, господин Йешке» — это постепенно станет звучать комично, вы не находите?

Жених встал.

— Прежде всего мы выпьем с тобой на брудершафт. Я, правда, и так говорю тебе «ты». Но теперь и ты должен мне говорить «ты».

И они выпили на брудершафт.

— А на случай, если у тебя появится потребность как-то меня называть,— сказал Йешке,— мне хочется тебе напомнить, что меня зовут Генрих. Ясно?

— Слушаюсь, Генрих! — воскликнул Эмиль.

А когда его мама засмеялась, он был на седьмом небе от счастья.

Наконец Генрих Йешке ушёл домой, а мама и сын легли спать. Как всегда, они сказали друг другу «спокойной ночи» и поцеловались. Потом каждый лёг в свою постель. И хотя они делали вид, что спят, оба ещё долго не могли сомкнуть глаз.

Эмиль думал: «Она ничего не заметила. Она думает, мне не грустно. Теперь она может спокойно выйти замуж за господина Йешке и быть счастливой, как я ей того желаю. Он и в самом деле неплохой дядька».

А мама Эмиля думала: «Ах, как я рада, что мой мальчик ничего не заметил! Он не должен знать, что больше всего я хотела бы остаться с ним вдвоём, только вдвоём! Но мне нельзя думать о себе. Мне надо думать о моём мальчике. О его будущем. Кто знает, долго ли мне ещё удастся зарабатывать нам на жизнь. А господин Йешке и в самом деле хороший человек».

Глава вторая

ПИСЬМО ИЗ БЕРЛИНА И ПИСЬМО В БЕРЛИН

Когда Эмиль на следующий день пришёл из школы, мама дала ему письмо и сказала:

— Тебе письмо из Берлина.

— От Пони-Шапочки?

— Нет. Почерк незнакомый.

— А что там написано?

— Эмиль! — с изумлением воскликнула ффрау Тышбайн.— Неужели ты думаешь, что я вскрываю твои письма?

Он рассмеялся.

— Ну, мама, с каких это пор у нас друг от друга секреты?

Он отнёс свой портфель в соседнюю комнату. И мысленно сам себе ответил: «Со вчера. С прихода господина Йешке». Вернувшись, сел на диван, распечатал письмо и прочёл:

Мой дорогой Эмиль!

Мы что-то давно ничего друг о друге не слышали, верно? Но всё же я надеюсь, что ты живёшь хорошо. Мне тоже не на что жаловаться. Правда, у меня несколько недель назад умерла двоюродная бабушка. Но я её почти не знал. Поэтому особенно и не грустил. Но именно это событие и заставило меня сегодня тебе написать. Дело в том, что бабушка оставила мне в наследство свой дом. Он расположен на самом берегу Балтийского моря, в Корлсбюттеле. Может, слышал? Это курорт. Вокруг дома — довольно большой и красивый сад. Ты уже догадался, в чём дело? Нет? Так слушай! Летние каникулы уже не за горами, как принято говорить, и вот мне как домовладельцу пришла в голову блестящая мысль: я хочу пригласить тебя и всех сыщиков провести лето на берегу моря, в моём собственном доме. Мои папа с мамой разрешили и будут даже очень рады. В самом деле — очень. Правда, они тоже будут там жить. Но нам это не помешает. Ты ведь знаешь по тому случаю, что с моими стариками ладить легко. Кроме того, дом двухэтажный. Чего можно ещё желать?

Густав уже согласился. И родители ему позволили. И знаешь, придет не только он, но и — держись, а то со ступа свалишься — твоя кузина Пони Хеймбольд, по прозвищу Шапочка! И твоя бабушка, которая нам всем так понравилась. Все они придут, если ты согласишься. Может, ещё и малыш Вторник. Если его маму не пошлют лечиться в Наухейм. У неё что-то с сердцем.

Видишь, какой представляется случай? С ума сойти! Сам себя толкни в бок и поскорей скажи «да». Надеюсь, старик, твоя мать не будет против, раз бабушка и Пони тоже туда едут. Ну, что ты про всё это думаешь? Мы встретим тебя в Берлине, чтобы ты снова не сошёл не там, где надо. А потом все вместе отправимся к морю. В мой дом! Да, пока не забыл: денег тебе, конечно, брать никаких не надо. С нами поедет тётя Клотильда. Она будет на всех готовить. Между прочим, очень вкусно. А то, что ей при-

дётся варить несколько лишних тарелок супа, не имеет никакого значения. Так говорит моя мама.

Ну, а деньги на дорогу тебе вышлет мой отец; он велел мне написать тебе об этом. Потому что бабушка оставила в наследство не только дом, но и деньги. Правда, деньги она завещала моему отцу, а не мне.

Значит, тебе остаётся только согласиться. Я так рад, что снова тебя увижу! И прости, что я пишу про деньги. Ты мне как-то сказал, что о деньгах не говорят, когда они есть. Я эти твои слова не забыл. Но в данном случае я всё же вынужден о них говорить, потому что иначе ты, возможно, не сможешь приехать. И тогда каникулы станут для меня неинтересными. И плевать я хотел на это море! Понятно?

Дорогой Эмиль! Я с огромным нетерпением жду твоего ответа. Привет тебе от моих и от меня.

Твой друг Теодор Хаберланд, он же Профессор.

Да! Несколько месяцев тому назад здесь у нас, в Берлине, снимали фильм про Эмиля и сыщиков. Я был на съёмках. Очень странно, когда историю из жизни превращают вдруг в кино. Вроде похоже, но всё получается совсем по-другому. Мой отец тоже так считает. Картина эта скоро выйdet. Я жду её с нетерпением. Ты тоже, да? Ещё раз привет тебе, и отвечай поскорее.

Твой Профессор.

Да, чтобы не забыть: п а р о л ь «Э м и л ь».

Прочтя письмо до конца, Эмиль дал его маме, а сам отправился в свою комнату. Там он сел за стол, раскрыл тетрадь по геометрии и сделал вид, что решает задачу. Но на самом деле он уставился в одну точку и думал.

И думал он примерно вот что: «Конечно, поехать к морю — это здорово. Но дома тоже хорошо... А вдруг я буду мешать теперь старшине Йешке? Хоть капельку. В конце концов, он со вчерашнего дня мамин жених. И ей он нравится. Как сын я должен с этим считаться!»

А фрау Тышбайн обрадовалась письму Профессора. «Какие замечательные каникулы будут у мальчика! Правда, я буду по нему ужасно скучать. Но это лучше от него скрыть», — подумала она и пошла к Эмилю.

— Мапочка,— сказал Эмиль,— как ты считаешь: мне согласиться?

— Ну конечно, согласишься,— ответила мать.— Такое хорошее письмо! Только ты должен мне обещать, что не будешь заплывать далеко. А то у меня не будет ни минуты покоя.

Он торжественно обещал далеко не плавать.

— Я только не хочу, чтобы советник юстиции высылал тебе деньги на дорогу. Мы возьмём на билет из сберкассы. Ладно? — И она потрепала за волосы сына, склонившегося над тетрадкой по геометрии.— А ты всё за уроками? Лучше погуляй до обеда.

— Хорошо,— сказал Эмиль.— Может, надо что-нибудь купить?

Мама шутливо подтолкнула его к двери:

— Иди гуляй, говорят! Когда обед будет готов, я тебя позову.

Эмиль пошёл во двор, сел на лестницу, ведущую в прачечную, и стал задумчиво выдёргивать травинки из щелей в кривых ступеньках.

Вдруг он вскочил, выбежал из ворот, помчался вниз по улице, свернул в переулок, потом в другой, выскочил на площадь Верхнего рынка и только тут остановился и огляделся, как бы ища чего-то.

Он обвёл взглядом палатки торговцев овощами и фруктами, батареи глиняных горшков перед лотками садоводов и прилавки мясников. Среди пёстрой и оживлённой рыночной толпы медленно, заложив руки за спину, с сознанием собственного достоинства расхаживал старшина Йешке. Он следил за порядком.

Потом старшина остановился перед лотком мелочной торговли. Она стала ему что-то объяснять, энергично жестикулируя. Он вынул из кармана мундира блокнот, записал несколько слов и степенно двинулся дальше по неровному булыжнику рыночной площади.

Мальчик пошёл навстречу Йешке.

— Хэлло! — крикнул ему старшина. — Уж не меня ли ты ищешь?

— Да, господин Йешке, то есть, я хотел сказать... да, Генрих, — запнулся Эмиль. — Мне надо у тебя спросить одну вещь. Дело вот в чём: один мой берлинский друг получил в наследство дом на берегу моря. И он пригласил меня на летние каникулы. И ещё бабушку и Пони-Шапочку тоже.

Господин Йешке похлопал Эмиля по плечу:

— Поздравляю. Это великолепно!

— Верно?

Старшина с любовью посмотрел на своего будущего пасынка.

— Разреши мне дать тебе деньги на билет?

Эмиль энергично покачал головой:

— Не надо. У меня есть.

— Жаль, что ты не хочешь. Я бы с радостью дал тебе на дорогу.

— Нет, Генрих. Я пришёл к тебе совсем из-за другого.

— Из-за чего же?

— Из-за мамы, понимаешь? Если бы ты вчера не... Я хочу сказать, если бы не это, я никогда не оставил бы её одну. И вообще я поеду только, если ты мне твёрдо обещаешь, что будешь каждый день приходить к ней хотя бы на час. Иначе она... Я ведь её очень хорошо знаю... Мне бы не хотелось, чтобы она чувствовала себя одинокой. — Эмиль помолчал. — Жизнь, оказывается, не такая лёгкая штука. Ты должен дать мне честное слово, что будешь о ней заботиться. Иначе я не уеду.

— Я тебе это обещаю. Могу дать тебе честное слово, могу не давать. Как скажешь, мой мальчик.

— В таком случае, всё в порядке, — заявил Эмиль. — Значит, мы договорились: каждый день. Так? Я, правда, буду писать очень часто. Но письмо — это не то. С ней всегда должен быть кто-то, кого она любит. Я не допущу, чтобы она была печальна!

— Я буду приходить ежедневно, — обещал господин Йешке. — И буду сидеть не меньше часа. А когда смогу — и дольше.

— Спасибо,— сказал Эмиль, повернулся и побежал домой. Во дворе он снова сел на ступеньки и снова стал выдёргивать травинки из щелей с таким видом, словно и с места не двинулся.

Не прошло и пяти минут, как ффрау Тышбайн выглянула в кухонное окно.

— Эй, молодой человек,— крикнула она.— Обед на столе! Он с улыбкой посмотрел наверх:

— Иду, мамочка!

Кухонное окно захлопнулось.

Тогда он медленно поднялся и пошёл домой.

После обеда он попросил у мамы почтовую бумагу, сел за стол и написал Теодору Хаберланду, проживающему в Берлине, в районе Вилмерсдорфа, следующее письмо:

Мой дорогой Профессор!

Огромное тебе спасибо за твоё письмо, которое доставило мне большую радость. То, что ты стал домовладельцем,— это просто фантастика! А к тому же ещё и дом твой на берегу моря. Поздравляю! Я в тех местах никогда не бывал. Но по географии мы недавно проходили Мекленбургское плато и восточное побережье. Поэтому я могу всё себе представить. И дюны, и большие пароходы, и кирпичные церкви, и гавани, и плетёные кресла с навесами на пляже, ну, и всё прочее. Я думаю, это очень хорошо!

А самое хорошее, что ты пригласил меня в гости. Я с благодарностью принимаю твоё приглашение, огромное спасибо тебе и твоим родителям. Я очень буду рад увидеть тебя, Густава и малыша Вторника. Потому что всех, кто мне тогда так помог, я очень люблю. А то, что ты пригласил Пони и бабушку,— это просто колоссально!

Если в доме не хватит места, мы поставим в саду палатку и будем там жить, как бедуины в пустыне. А простыни мы сможем использовать как бурнусы. И каждый будет по часу ходить в дозоре, чтобы остальные могли спокойно

спать. Но всё это мы ещё успеем обсудить. Бабушке и Поми я тоже сегодня ещё напишу письмо. А что вы хотите встретить меня на вокзале, очень мило с вашей стороны. Но теперь уж у меня деньги не украдут, можете не сомневаться: я их спрячу в ботинке!

Скажи своему отцу, что я благодарю его за предложение выслать мне деньги на дорогу. Но не надо. Ведь у меня ещё с тех пор лежат семьсот марок. А на триста я купил, как мы договорились, маме электросушилку и шубу. И, знаешь, эта шуба выглядит ещё совсем как новая. Мама очень бережно носит вещи. А ещё моя мама просит узнать у твоей мамы, надо ли мне взять с собой постельное бельё. И сколько полотенец? И ещё вот что: поедете ли вы тоже в бесплацкартном вагоне? А то мы окажемся не вместе. Ведь плацкартные места стоят куда дороже, хотя быстрее от этого всё равно не доедешь. Когда мы будем жить в твоём доме, ты мне подробно расскажешь про съёмки фильма о сыщиках. Надеюсь, что скоро мы его увидим на экране. Может, даже все вместе!

Сердечный привет от мамы и от меня тебе и твоим родителям, и ещё раз огромное спасибо!

Я так рад! Пароль «Эмиль».

Всегда твой

Эмиль Тышбайн.

Глава третья

ЭМИЛЬ ОТПРАВЛЯЕТСЯ В ПУТЬ

Тяжёлые дни и часы, если их ждёшь, приближаются с быстрой урагана, налетают как чёрные тучи, которые ветер гонит по небу.

А хорошие дни подойти не спешат. Слово год — это лабиринт, в котором они заблудились и пути к нам найти не могут.

И всё же в одно прекрасное утро начинаются летние каникулы. Просыпаешься рано, как обычно, и уже готов вскочить с постели, но тут вдруг вспоминаешь: каникулы! И не надо

идти в школу! Лениво поворачиваешься к стенке и снова закрываешь глаза.

Каникулы! Это звучит, как две порции мороженого со взбитыми сливками. А тут ещё летние каникулы!

Ты отрываешь голову от подушки, глядишь в окно и видишь: солнце сияет, небо голубое. Ореховое дерево перед домом не шелохнётся; оно будто стало на цыпочки, чтобы заглянуть к тебе. На душе у тебя весело и легко, и, если бы не лень, ты на радостях подпрыгнул бы до потолка.

И вдруг ты вскакиваешь как ужаленный. Ведь ты же уезжаешь! И чемодан ещё не уложен!

Босиком — не искать же тапочки! — вылетаешь в коридор и кричишь:

— Ма-а, который час?

И вот Эмиль уже идёт по перрону. Мать держит его за руку. Старшина Йешке, специально ради этого случая отпросившийся с дежурства, несёт его чемодан и пакет с бутербродами. Из деликатности он отстаёт на несколько шагов.

— Пиши мне через день! — сказала ффрау Тышбайн. — Не заплывать далеко ты мне уже обещал... Но всё же я буду волноваться. Столько мальчишек вместе! Разве предугадаешь, что может случиться!

— Всё будет в порядке! — сказал Эмиль. — Ты же знаешь, если я что-нибудь обещаю, я всегда держу слово. Но вот за тебя я буду беспокоиться. Как ты проведёшь это время без меня?

— Мне ведь надо работать. А если выйдет свободная минутка, пойду пройдусь. По воскресеньям мы с Йешке будем уезжать за город. Конечно, если только он будет не на дежурстве. А если он будет занят, я буду чинить бельё. Несколько пододеяльников уже совсем порвались. Или напишу тебе длинное-предлинное письмо. Идёт?

— Пиши почаще, прошу тебя, — сказал Эмиль и сдвинул мамину руку. — А если чего случится, ты тут же пошлешь мне телеграмму. И я сразу приеду.

— Да что может случиться? — спросила ффрау Тышбайн.

— Этого нельзя знать заранее. Но если я тебе понадобится,

я немедленно приеду. Поезда не будет—я пешком дойду. Я ведь уже не маленький. Ты этого не забывай. Я не хочу, чтобы ты от меня скрывала свои заботы...

Фрау Тышбайн с испугом посмотрела на Эмиля:

— Да что я от тебя скрываю?

Оба молчали и не сводили взгляда с блестящих рельсов.

— Да я это так, вообще,— сказал наконец мальчик.— Сегодня вечером, как только доедем до места, я напишу тебе открытку. Но ты её получишь, наверное, не раньше послезавтра. Кто знает, часто ли там, на побережье, вынимают почту из ящиков.

— А я тебе напишу, как только вернусь домой,— сказала мама.— Чтобы ты поскорее получил от меня весточку. Чтобы тебе не было одиноко.

Но вот показался берлинский поезд. Как только он остановился, старшина Йешке кинулся в купе, занял место у окна, бережно положил чемодан Эмиля на полку и подождал, пока мальчик не войдёт в вагон.

— Огромное спасибо,— сказал Эмиль.— Ты очень добр ко мне.

Йешке мотнул головой:

— Не о чем говорить, мой мальчик.

Потом он вытащил из кармана кошелёк, вынул две пятикрупные бумажки и сунул их Эмилю в руку.

— Вот тебе немного денег на карманные расходы. Пригодятся. Желаю тебе хорошо провести время. Погода будет тёплая. Так писали в газетах. Ну, а насчёт того, что я тебе обещал на Верхнем рынке, так ты не беспокойся: своё обещание я, конечно, выполню. Я ежедневно буду навещать твою маму. Хотя бы на часок.

Эмиль аккуратно спрятал деньги. Потом он пожал старшине руку.

— Большое спасибо, Генрих.

— Не за что, мой мальчик.

Йешке попытался продвинуть чемодан ещё глубже.

— А то, чего доброго, ещё упадёт тебе на голову при первом толчке. Ну, а теперь я пошёл.

Он вылез из вагона и стал за фрау Тышбайн.

Она подошла к окну, у которого стоял Эмиль, и велела ещё раз передать привет бабушке, Пони и всем остальным.

— Не купайся слишком долго! И не перегревайся. А то получишь солнечный удар.

— Если получишь удар, сразу давай сдачи,— пошутил Йешке и от смущения сам засмеялся.

— Не забудь съесть бутерброды! — сказала мама.

Дежурный по станции подал сигнал. Поезд вздрогнул.

— Не разлюбил меня,— сказал Эмиль, но так тихо, что мать не расслышала. Потом он был этому рад.

Поезд медленно тронулся.

— Смотри не размалёвывай памятники! — со смехом крикнул старшина Йешке.

Потом они могли уже только помахать друг другу.

На этот раз путешествие обошлось без снов и краж.

Эмиль взял с собой учебник по географии — 1-я часть, Германия — и ещё раз прочёл всё, что там написано о Любекской бухте, Мекленбургском прибрежном плато, острове Рюген и обо всём побережье. Словно готовился к экзамену.

Основательность и добросовестность стали его привычкой. (Бывают и худшие привычки.) Когда он дважды прочёл всё по учебнику, он захлопнул книгу и стал глядеть в окно, любясь мирным пейзажем, который пробежал у него перед глазами. И пока он смотрел на поля с высокими хлебами, всё прочитанное вертелось у него в голове, как жернова мельницы: меловые скалы острова Рюген, мекленбургское скотоводство, кирпичная готика, городок, где родился какой-то фельдмаршал,— всё это смешалось воедино, как в калейдоскопе, когда его крутят.

Чтобы успокоиться, Эмиль съел бутерброды. Все, до единого. Бумагу он выбросил в окошко. Она зашуршала, но в конце концов упала на тыквенную грядку возле домика путевого обходчика. Перед закрытым шлагбаумом ждала телега, рядом с возницей сидел мальчик и махал поезду. Эмиль помахал ему в ответ.

Люди садились. Люди выходили. Время от времени появлялся контролёр и чиркал толстым карандашом на оборотной стороне билета.

Так что дорогой всё время что-то происходило.

И куда, куда быстрее, чем тогда, два года назад, приближался поезд к столице немецкого государства.

Так всегда бывает. Небольшая ли это прогулка или путешествие по железной дороге — во второй раз путь всегда кажется гораздо короче, чем в первый. (Кстати, это верно и для тех расстояний, которые не измерить на метры и сантиметры.)

Бабушка Эмиля и Пони вбежали в зал ожидания вокзала Фридрихштрассе.

— Не несись как угорелая, — сказала бабушка. — Я старая женщина, а не экспресс.

— Поезд прибудет через минуту, — нетерпеливо ответила Пони. — Мы могли бы быть поточнее.

Бабушка энергично покачала головой в знак протеста, и шляпка её при этом ещё больше съехала набок.

— Нельзя быть точнее точного, — заявила она. — Прийти на полчаса раньше так же не точно, как на полчаса позже.

Пони хотела было поспорить. Но тут их увидел Профессор, подбежал к ним, снял кепку и сказал:

— Добрый день, уважаемые дамы!

Он взял у Пони оба чемодана и пошёл вперёд, прокладывая дорогу в толпе.

— Добрый день, домовладелец, — ответила бабушка.

Он засмеялся и повёл своих гостей к родителям. Советник юстиции поздоровался с бабушкой и Пони и познакомил их со своей женой фрау Хаберланд.

Мать Профессора, красивая, изящная дама, была одного роста со своим сыном и рядом со своим долговязым мужем выглядела девочкой.

Пони сделала несметное количество реверансов и передала все те приветы и слова благодарности, которые её родители ве-

лели ей передать родителям Профессора. А бабушка сказала, что ещё никогда не видела моря и ужасно рада этой поездке.

Потом все замолчали и стали ждать Эмиля. Поезд замедлил ход и наконец совсем остановился. Пассажиры выходили из вагонов.

— Наверно, он опять сошёл на вокзале «Зоопарк», — волновалась Пони.

Но как раз в этот момент он вылез из вагона, стащил с площадки чемодан, огляделся, увидел всю компанию, улыбнулся и побежал к ним. Поставив чемодан, он поцеловал бабушку, протянул руку родителям Профессора и сказал Пони:

— Бог ты мой, как ты выросла!

Последним он поздоровался с Профессором. Мальчики держались натянуто. Но так всегда бывает между мальчишками, если они долго не виделись. (Впрочем, это проходит через десять минут.)

— Густав выехал сегодня утром на своём мопеде, — объяснил Профессор.

— А-а, — сказал Эмиль.

— Он передаёт тебе привет.

— Большое спасибо.

— А Вторник ещё вчера вечером уехал.

— Здорово, — сказал Эмиль.

— Конечно, — сказал Профессор.

Наступило тягостное молчание. Положение спас советник юстиции. Он трижды постучал своей тростью о перрон.

— Внимание! Сейчас мы все поедem на другой вокзал. Мы возьмём два такси — в одно сядут все взрослые, в другое — все дети.

— А я? — спросила Пони-Шапочка.

Все рассмеялись. Конечно, кроме Пони. Она слегка обиделась и сказала:

— Я уже не маленькая. Но ещё не большая. Так кто же я?

— Дурочка, — сказала бабушка. — В наказание поедешь с большими. Чтобы поняла, что ты ещё маленькая.

Так Пони-Шапочка поплатилась за свой язык.

Они пообедали в ресторане на вокзале. А потом заблаговременно сели в поезд, отправляющийся к морю. Поэтому они нашли, несмотря на каникулярное время, свободное купе и заняли его целиком.

Весь поезд был до отказа набит детьми, ведрами, фляжками, мячами, лопатками, апельсиновыми корками, сложенными шезлонгами, пакетиками из-под вишен, воздушными шарами, смехом и плачем, и он бодро мчался по сосновым лесам. Это был весёлый поезд, — шум вырывался из открытых окон, не нарушая царящей вокруг тишины.

Сосны слегка раскачивались от мягкого ветерка и шептали друг другу: «Начались летние каникулы».

«Жаль», — ворчал старый бук.

Глава четвёртая

ВИЛЛА „МОРСКАЯ“

Корлсбюттель — малоизвестный курорт. Десять лет назад там даже не было железной дороги. Чтобы попасть в Корлсбюттель, надо было сойти на полустанке. И хорошо ещё, если там стояла старомодная, запряжённая чёрным мекленбургским жеребцом коляска, на которой отдыхающие могли добраться до Корлсбюттеля. Коляска тряслась по разъезженной песчаной дороге, а слева и справа тянулись леса и поляны, поросшие кустами можжевельника. Словно зелёные гномы, стояли кусты между столетними дубами и буками. Кругом ни души, лишь иногда промелькнёт косуля да поднимутся в небо голубые дымки от костров на лесных лужайках, которые жгут угольщики. Всё как в сказках братьев Гримм.

За последние десять лет многое изменилось. До Корлсбюттеля едешь теперь без пересадки, выходишь из вагона, даёшь свой чемодан носильщику, и через три минуты ты в гостинице, а через десять — в море. А прежде надо было преодолеть немалые трудности, чтобы добраться до моря. Не надо недооценивать значение трудностей, стоящих на пути к цели. В трудностях есть свой смысл.

...Каникулярный поезд встречала половина жителей Корлбюттеля. Вся вокзальная площадь была заставлена всевозможными тележками, тачками, повозками. Ждали много гостей и ещё больше багажа.

Клотильда Зеленвеленбиндер, старая кухарка Хаберландов, стояла, прислонившись к турникету. Увидев советника юстиции, она замахала обеими руками. Он был на голову выше толпы, хлынувшей из поезда.

— Я здесь! — кричала она. — Господин советник! Господин советник!

— Не кричите так ужасно, Клотильда, — сказал он, пожимая ей руку. — Давно не виделись?

Она рассмеялась.

— Всего лишь два дня.

— Всё в порядке?

— Ещё бы! Добрый день, ффрау Хаберланд. Как вы поживаете? Счастье, что я поехала вперёд. В таком доме полно работы. Здравствуй, Тео! Ты что-то очень бледный, мой мальчик. Уж не болен ли ты? А это, верно, твой друг Эмиль? Я угадала? Здравствуй, Эмиль. Я много о тебе слышала. Постели я постелила. На ужин будут бифштексы с овощами. Мясо здесь дешевле, чем в Берлине. Ах, а это, конечно, Пони-Шапочка, кухня Эмиля. Сразу видно. Поразительное сходство. Ты привезла свой велосипед? Неужели нет?

Бабушка Эмиля заткнула себе уши.

— Остановитесь хоть на минуту! — взмолилась она. — Прошу вас, хоть на минуту. Вы меня совсем заговорили... Я — бабушка Эмиля. Добрый день, дорогая.

— Нет, это сходство просто поразительно! — воскликнула Клотильда. Потом она поклонилась и представилась: — Клотильда Зеленвеленбиндер.

— Бедняжка! Какое длинное имя. Сходите к врачу, может, он вам пропишет другое, а может, предложит операцию.

— Вы мне это всерьёз советуете? — спросила Клотильда.

— Да нет, — успокоила её бабушка. — Не всерьёз: я почти никогда не говорю всерьёз — обычно игра не стоит свеч.

Потом чемоданы и сумки погрузили на тележку, и носильщик покатиł её по Блюхерштрассе, а Эмиль и Профессор подталкивали сзади. Взрослые и Пони-Шапочка двинулись следом.

Вдруг кто-то громко просигналил, и из боковой улицы на большой скорости выскочил мопед и тут же затормозил. Носильщик остановился и выругался, да так громко, что в соседних домах задребезжали стёкла.

— Чего раскричался? — огрызнулся мотоциклист. — Я не из пугливых!

Эмиль и Профессор выглянули из-за горы чемоданов, заорали в восторге: «Густав» — и кинулись навстречу старому другу.

От неожиданности Густав положил свой мопед прямо на мостовую, снял защитные очки и сказал:

— Только этого не хватало! Я мог бы раздавить своих лучших друзей! А мы собирались встретить вас на вокзале.

— Человек бессилен перед судьбой, — слышалось из канавы, идущей вдоль улицы.

Густав в испуге посмотрел на мопед.

— Ой, а где же Вторник? Он только что сидел за мной, на багажнике!

Они поглядели в канаву и увидели Вторника. С ним ничего не случилось — просто он упал, когда Густав так резко затормозил.

— Каникулы хорошо начались! — сказал Вторник и расхохотался. И потом он вскочил на ноги и крикнул: — Пароль «Эмиль»!

— Пароль «Эмиль», — подхватили все четверо, продолжая путь уже вместе.

Взрослые шли далеко позади. Они вообще ничего не заметили.

— Вот он, дом Тео, — сказала Клотильда и показала рукой куда-то вперёд.

Это был прекрасный старинный дом, окружённый заросшим садом с яркими клумбами. «Вилла «Морская» — стояло на дощечке.

— Слева, как видите, большая застеклённая терраса с раз-

двигающимися окнами,— продолжала Клотильда.— Над ней — балкон. Для солнечных ванн. Прилегающую к нему комнату я приготовила для господина советника и его супруги. Вам это по вкусу, фрау Хаберланд?

— Мне по вкусу всё, что вы делаете,— приветливо сказала мать Профессора.

Клотильда покраснела от удовольствия.

— В соседней комнате будут жить бабушка Эмиля и Пони-Шапочка. А мальчиков мы поместим на первом этаже. В комнате рядом с террасой. В соседней комнате тоже есть диванчик. На случай гостей можно будет ещё и раскладушку поставить. Есть будем на террасе. В хорошую погоду можно, конечно, и в саду, хотя на воздухе всё стынет быстрее. Правда, если супницу накрыть крышкой...— Вдруг она оглянулась.— А куда делись мальчишки? Они ведь должны были прийти раньше нас.

— Они легли спать,— сказала бабушка.— А если вы будете говорить ещё некоторое время, они успеют выспаться и снова встанут.

Клотильда с сомнением посмотрела на бабушку:

— С вами никогда не поймёшь, что всерьёз, а что в шутку.

— Вопрос тренировки,— объяснила Пони-Шапочка.— Мой отец говорит, что бабушка всегда всех разыгрывает.

Пони открыла калитку сада и побежала к дому. Взрослые медленно двинулись за ней, объяснив носильщику, куда отнести вещи.

Основная часть сада была расположена за домом. Там сейчас носились мальчишки, выискивая место для мопеда Густава.

Профессор сидел на скамейке, болтал ногами и рассуждал вслух:

— Собственно говоря, есть две возможности. Либо мы поставим мопед в теплицу, к помидорам, либо в сарай, где инструменты.

— В теплице слишком жарко,— заявил Вторник.

Эмиль подумал и сказал:

— А в сарае, наверное, лежат ножи и всякие там пилы, стамески. Они могут легко продырявить шины.

Густав побежал к сараю, заглянул в дверь и пожал плечами:

— Там всё битком набито — и самокат не поставишь, не то что мою тяжёлую машину!

Профессор засмеялся:

— И ты это называешь тяжёлой машиной?

Густав обиделся:

— Без прав на другой не поедешь. Но мне и этой хватает. И если бы я там, на повороте, так классно не затормозил бы, от вас бы и мокрого места не осталось.

— Мы отключим отопление в теплице, — предложил Вторник.

Профессор покачал головой:

— Тогда помидоры будут зелёные.

— Думаешь, им, помидорам, не всё равно, зелёные они или красные. Помидоры — это всё мур! — воскликнул Густав.

Тут появилась Пони. Эмиль подозвал её и спросил:

— Может, ты придумаешь, куда поставить мопед?

Она огляделась по сторонам, потом показала в глубь сада:

— А это что за штука?

— Это так называемый павильон.

— А на что он? — спросила девочка.

— Понятия не имею, — ответил Профессор.

И они все побежали к павильону; Густав толкал свой мопед.

Павильон оказался застеклённым маленьким домиком, в котором стояли лакированный столик и зелёная лейка.

— Отлично! — воскликнул Профессор. — Вот вам и гараж. Лучше не придумаешь!

— Что бы вы без меня делали, — заметила Пони-Шапочка и открыла дверь. Ключ торчал в замочной скважине.

Густав втащил мопед в павильон, запер дверь, вынул ключ и сунул себе в карман.

Мальчишки уже шли назад к дому. Они проголодались. Пони хотела их догнать, но Густав остановил её:

— А что ты скажешь про мою машину? Тебе нравится?

Она ещё раз подошла к павильону и сквозь стеклянную стену стала разглядывать мопед.

— Ну, что ты скажешь? — повторил свой вопрос Густав.

— Видала и лучше, — заявила она и величественно, словно королева, двинулась к дому.

Густав растерянно поглядел ей вслед. Потом он кивнул своему мопеду, обиженно проводил взглядом Пони и сказал самому себе:

— Это всё мура!

После ужина они посидели ещё некоторое время на террасе, любуясь садом, пестревшим цветами.

— Вкусно? — не выдержав, спросила Клотильда.

Само собой разумеется, все сошлись на том, что еда была великолепной. А когда бабушка заявила, что со дня своей серебряной свадьбы не ела такого бифштекса, Клотильда засияла от счастья.

Пока Пони убирала со стола, Эмиль написал маме открытку. Тогда и Густав решил написать домой, что благополучно прибыл и что передаёт всем привет. Они отдали открытку Вторнику, который уже торопился, чувствуя, что его заждались родители. Он обещал забежать по дороге на почту.

— Смотри не забудь их бросить в ящик! — сказал Эмиль.

Уже со всеми простившись, Вторник крикнул:

— Приходите пораньше на пляж! — и убежал.

Советник юстиции подошёл к двери террасы и посмотрел на небо.

— Солнце, правда, уже село, но всё же перед сном надо поздороваться с морем, — сказал он.

Все пошли к ольховой роще. Там уже сгущались сумерки. Сразу за рощей начинались дюны, а оттуда было видно море.

— Кто ещё ни разу не видел моря — шаг вперёд! —скомандовал советник юстиции.

Вперёд вышли Эмиль, Пони и бабушка.

— Идите первыми, а мы за вами, — распорядился он.

Бабушка взяла своих внуков под руку и стала подниматься на дюну. Справа от них находилась гостиница, а перед ними

простирался пляж. Куда ни глянешь — плетёные кресла, вымпелы и песочные крепости.

А там, где обрывался пляж, начиналось море! И оно нигде не кончалось. Оно лежало у их ног и тускло мерцало за полоской песка, словно жидкое серебро. А далеко-далеко, у самого горизонта, в сумерки уходил корабль. На его мачте поблёскивали огни. На небе, ещё розовом от заката, взошёл месяц. По нежным пастельным облакам уже скользили первые лучи далёких маяков. Где-то загудел пароход. Бабушка и дети застыли в немом восхищении. Они не могли произнести ни слова, и им даже казалось, что они никогда уже не обретут дар речи.

Заскрипел песок. К ним тихонько подошли Хаберланды и Густав. Густав стал рядом с Эмилем.

— Потрясающе, а?

Эмиль только кивнул в ответ.

Они стояли молча, не отрывая глаз от моря.

И тут бабушка тихо сказала:

— Теперь я хоть понимаю, что не зря дожила до своих лет.

Глава пятая

ВСТРЕЧА У МОРЯ

Когда на следующее утро Клотильда постучала в дверь комнаты, где спали мальчики, она услышала сдавленный смех.

— Вы что, уже проснулись? — спросила она и приложила ухо к двери.

— Ещё как проснулись! — крикнул Профессор и рассмеялся.

— Идите завтракать! Все уже в саду.

Ребята гуськом выбежали через дверь террасы в сад. За домом на газоне был накрыт большой круглый стол. За ним сидели родители Профессора, Пони-Шапочка и бабушка. Советник юстиции читал газету. Но все остальные с изумлением уставились на появившуюся троицу. Фрау Хаберланд тихонько тронула мужа за плечо. Советник рассеянно спросил:

— Что случилось?

Он поднял глаза от газеты и тоже застыл от удивления.

Вся троица выглядела необыкновенно смешно.

Профессор и Густав были в трусиках, а Эмиль — в красных плавках. Но не это привлекло всеобщее внимание.

Профессор напялил себе на голову панаму отца, а в руках держал его толстую трость. Эмиль накинул на плечи летнее пальто Пони, а на голове у него была её соломенная шляпа, украшенная красными лакированными вишенками. Кроме того, он всё пытался удержать на носу раскрытый пёстрый зонтик. Но всё же смешнее всех выглядел Густав. Он напялил себе на голову бабушкин капор и завязал его под подбородком чёрной шёлковой лентой. Завязывал так туго, что едва мог открыть рот. Кроме того, он нацепил мотоциклетные очки, а в руке держал сумочку Пони и кокетливо ею помахивал. В другой руке у него был чемодан.

Мальчики с невозмутимым видом сели на свои места. Профессор звякнул ложечкой о чашку, и тогда все хором завопили:

— Добрый вечер!

— Бедняги, у них, верно, солнечный удар,— сказал советник.— И это на второй день каникул. Вот беда!

И он снова углубился в газету.

— Надо позвать врача,— сказала Пони.— Я вам не прощу, если вы запачкаете мою сумочку,— добавила она уже другим тоном.

Густав повернулся и крикнул:

— Официант! Почему нас не обслуживают? Что это за кафе! — И он поспешно развязал ленту капора, потому что чуть не задохнулся.— В следующий раз я закажу себе капор у другой модистки,— ворчал он.— Этот всё время сваливается!

Клотильда принесла из дому горячий кофе.

— Мы попались! Опять эта Клотильда! Везде эта Клотильда! Клотильда окружает нас!

Пони поглядела на бабушку и спросила:

— Что это с мальчишками? Что-нибудь серьёзное?

— Да нет, весьма распространённая болезнь,— сказала бабушка.— Она называется переходный возраст.

Советник кивнул.

— Я знаю эту болезнь очень хорошо. Сам ею когда-то болел.

...После завтрака появился Вторник, чтобы вместе с ребятами идти купаться. Советник юстиции с женой остались дома, а все остальные, в том числе и бабушка, отправились на пляж. Ребята решили ходить босиком. Говорят, это полезно.

На вершине дюны они снова остановились. Но теперь море выглядело совсем иначе, чем вчера вечером. Оно было зелено-вато-синим и сверкало на солнце, а когда налетал ветерок, так отливало золотом, что слепило глаза. Бабушка надела тёмные очки, которые ей дала Клотильда.

Весь пляж, куда ни глянь, кишмя кишел людьми. И всё те же плетёные кресла-корзинки, вымпелы и песочные крепости.

Время от времени на песок набегали волны.

Пони первая пошла по дорожке к пляжу. Эмиль и бабушка поспешили за ней. Эмиль обернулся и увидел, что ребята стоят на прежнем месте и, казалось, не думают двигаться дальше.

— Ну, чего же вы не идёте? — крикнул Эмиль.

Они осторожно сделали несколько шагов по тропинке, но тут же снова остановились. Густав прыгал на одной ножке и ругался.

Бабушка рассмеялась:

— Твои берлинцы не привыкли ходить босиком — им больно наступать на гравий.

Эмиль подбежал к ним.

Густав пробурчал, скорчив гримасу:

— И это считается полезным?

А Профессор сказал:

— Благодарю покорно. У меня ноги не железные.

— Нет уж, дудки, я больше не пойду босиком, — поклялся Вторник и попытался сделать ещё шаг. Он переступал с ноги на ногу, как петух.

— Ну, вы как хотите, а я сбегаю домой за тапочками, — заявил Профессор.

Так он и сделал. Густав и Вторник побежали вместе с ним.

Эмиль вернулся к бабушке. Она сидела на скамейке и глядела на море. У причала как раз стоял маленький белый пароходик. Эмиль поискал глазами Пони. Она уже ушла далеко вперёд.

Бабушка сдвинула тёмные очки на изрезанный морщинами лоб.

— Наконец-то мы хоть на минуту оказались вдвоём. Как тебе живётся, мой мальчик? Как мама?

— Спасибо, спасибо. Всё хорошо.

Бабушка покачала головой.

— Нельзя сказать, чтобы ты был очень разговорчив. Расскажи-ка поподробнее. Я вас слушаю, молодой человек!

Эмиль устался на море.

— Бабушка, да ты же всё знаешь из наших писем. Мама много работает. Но без работы было бы скучно. Ну, а я... я по-прежнему первый ученик в классе.

— Так, так,— проговорила бабушка.— Так, так. Это звучит очень бодро.— Она ласково потрясла его за плечи.— Давай выкладывай всё, как есть, негодник! Что-то не в порядке. Что-то не в порядке! Эмиль, я знаю тебя как свои пять пальцев!

— Что может быть не в в порядке, бабушка? Всё отлично. Поверь!

Она встала и сказала:

— Это ты ещё кому-нибудь рассказывай. Но не своей бабушке.

Наконец они всё же добрались до пляжа.

Бабушка села прямо на песок, сняла туфли и чулки и поставила ноги солнцу. А ребята взялись за руки, побежали и с воплем кинулись в волны. При этом они окатили водой толстую женщину, сидевшую у самого берега, и она долго ругалась им вслед. Бабушка подобрала юбку, вошла по щиколотку в воду и вежливо спросила её:

— Скажите, а вы были когда-нибудь молодой?

— Ещё бы!

— Ну и вот,— сказала бабушка.— Ну и вот.

И, ничего больше не разъясняя, она снова села на горячий песок и с радостью стала глядеть на прыгающих в волнах детей. Виднелись одни их головы, да и то не всё время.

Густав плавал быстрее всех. Он первый взобрался на плот,

стоящий на якоре в ста метрах от берега, чтобы пловцы могли отдохнуть. Пони и Эмиль приплыли одновременно и помогли друг другу вылезти из воды. Вторник и Профессор отстали.

— Как это у вас получается? — спросил Вторник, когда он уже сидел рядом с ребятами.— Почему вы плаваете быстрее, чем Тео и я?

Профессор рассмеялся:

— Ты не огорчайся. Мы зато головой работаем.

— Вот голова вам и мешает,— объяснил Густав.— Вы её слишком высовываете из воды. Смотрите, как надо!

И они все поплыли назад. Густав плыл кролем, а остальные пытались ему подражать. При этом Профессор налетел на какого-то господина, который лежал на спине.

— Где у тебя только глаза! — крикнул ему пострадавший в раздражении.

— Под водой,— объяснил мальчик и неуклюже поплыл за друзьями.

Они добрались до мелкого места и остановились перед гигантским резиновым тубиком зубной пасты (это была, конечно, реклама). Все пытались на него взобраться, но стоило оказаться наверху, как тубик поворачивался, и ловкач плюхался в воду. Крик там стоял несусветный. Не вылезая из воды, ребята рассматривали пляж. Их внимание привлекли брусья, на которых какой-то человек блистательно делал сложнейшие упражнения.

— Вот это да! — восхитился Густав. — Даже я так не умею.

Затем место гимнаста заняли два маленьких мальчика. Они подпрыгнули, ухватились за брусья, раскачались и повторили точь-в-точь все труднейшие упражнения, которые перед тем делал гимнаст. Когда они под конец, повиснув на ногах, двойным сальто спрыгнули на песок и изящно приземлились, весь пляж им заплодировал.

— С ума сойти! — восхитился Густав.— В жизни не видел ничего подобного! Да ещё такие шпингалеты!

Мальчик, стоящий рядом с ним, сказал:

— Да ведь это «Три-Байрона-три!». Акробаты, Отец с близнецами. Вечером они выступают в гостинице.

— Это необходимо посмотреть,— сказала Пони.

— Представление начинается в восемь вечера,— объяснил мальчик.— Остальные номера тоже мирового класса. Я вам всячески рекомендую пойти.

— А места будут? — спросил Вторник.

— Я могу вам оставить столик,— сказал мальчик.

— Ты тоже акробат? — спросил Эмиль.

Мальчик покачал головой:

— Нет, хотя я тоже неплохой гимнаст. Я — ученик официанта, работаю в здешней гостинице.

И вдруг чужой мальчик добавил:

— Густав вырос с тех пор, как я его видел, но вообще-то он совсем не изменился.

У ребят глаза на лоб полезли от удивления.

— Откуда ты меня знаешь? — спросил обомлевший Густав.

— Да я вас всех знаю,— сказал незнакомый мальчик.—

А Густав даже носил мой костюм.

У Густава просто челюсть отвисла.

— Что за чушь! — крикнул он.— В жизни я не носил чужого костюма!

— Нет, носил,— не сдавался мальчик.

Ребята не знали, что и подумать.

— Как тебя зовут? — спросила Пони.

— Ганс Шмаух.

— Не имею представления,— сказал Густав.— Никаких Шмаухов я не знаю.

— Ты и моего отца знаешь. И Эмиль его знает.

— Час от часу не легче,— сказал Эмиль.

Густав не вытерпел, подлетел к загадочному мальчишке, схватил его за шиворот и крикнул:

— Ну-ка выкладывай всё начистоту, а то я тебя так долго буду кунать в воду, что ты никогда уже не станешь официантом.

Ганс Шмаух рассмеялся:

— Я был прежде лифтьером в Берлине в гостинице «Крейд» на площади Ноллендорф. Пароль «Эмиль»!

Тут началось нечто невообразимое. Они плясали, как обезумевшие индейцы, вокруг Ганса Шмауха, а брызги солёной воды разлетались фонтаном. И они так трясли Гансу руку, что чуть её не оторвали.

— Нет, подумать только, вот так встреча! Здорово! — воскликнул Эмиль.— Твой отец был тогда так добр ко мне! Помнишь, как мы с Густавом ночевали у вас в дежурке?

— Ещё бы! — подтвердил Ганс.— Это была мировая история, верно? Я буду помнить её всю жизнь, даже если стану владельцем гостиницы. Кстати, мы сможем вместе покататься на паруснике, когда у меня будет время. Мой дядя живёт здесь, в Корлсбюттеле. У него большой торговый пароход.

— Разве торговый пароход — парусник?—спросил Вторник.

— Да нет, конечно,— сказал Ганс.— Но, кроме того, у дяди есть прекрасная парусная лодка. И сам он законный дядька!

Ребята вместе выбежали на берег и познакомили Шмауха с бабушкой. Она порадовалась вместе с ними. Но только после того, как все сухо-насухо вытерлись.

Густав, весело поглядывая на Ганса и энергично растирая себя полотенцем, сказал:

— Одну вещь я всё же не в силах понять.

— Что именно? — спросил Ганс Шмаух, поднимая глаза на вдовьяка Густава.

Густав недоумевающе покачал головой и сказал:

— Не понимаю, как мне тогда удалось влезть в твой костюм.

Глава шестая

ГУСТАВ И ФИЗИКА

Вереницей бежали счастливые дни. И солнце пекло, словно оно глядело на море сквозь лупу. Профессор и его гости стали сперва красные как раки, а потом чёрные, как мулаты. Только Пони-Шапочка всё оставалась красной и шелушилась, как луковица. Бабушка мазала ей спину вазелином, ореховым маслом, ланолином и ещё каким-то специальным кремом для загара. Ничего не помогало.

Рано утром, когда бабушка будила Пони, приговаривая: «Вставай, графиня. Солнышко уже светит!» — Пони чуть не плакала от досады. «Почему всё нет дождя?» — спрашивала она.

Но мальчишки были в восторге от хорошей погоды. Почти весь день они проводили в воде или на пляже. Либо ходили в гавань и любовались яхтой капитана Шмауха «Кунигунда IV». Они радовались, что скоро у их друга будет выходной день и они все вместе выйдут в море.

Иногда Густав уезжал на своём мопеде в лес, а кто-нибудь из ребят садился к нему на багажник. Он ездил взад-вперёд столько раз, сколько нужно, чтобы перевезти всех.

Однажды даже бабушка поехала с ним до домика лесника. Когда она слезла с мопеда, она сказала:

— Феноменально! Я упустила своё призвание. Мне надо было стать вовсе не бабушкой, а мотогонщицей.

Они писали домой письма. И получали письма. Время от времени советник юстиции фотографировал их, а когда снимки были готовы, они посылали их своим родителям.

В лес они ходили и пешком, причём всякий раз приносили огромные букеты полевых цветов. Эмиль знал почти все растения, называл их ребятам и очень интересно про них рассказывал. Как-то раз, случайно это услышав, советник юстиции тут же поехал в Росток и купил в книжном магазине учебник по ботанике и атлас растений.

Но именно с этого дня интерес к цветам, травам и кустам почему-то у всех пропал. У всех, кроме Эмиля.

— Сидеть над учебником летом — нет уж, приветик! — заявил Густав.

Однажды бабушка получила письмо из Нейштадта. Длинное письмо. Она перечла его дважды, потом сунула в сумочку и сказала про себя: «Вон оно что. Вон оно что».

Но Эмилю она ничего не сказала. Во всяком случае, пока.

Они сидели на террасе и обедали, когда советник объявил:

— Если присутствующие не возражают, я предлагаю пойти всем сегодня вечером в гостиницу посмотреть эстрадное представление.

Мальчишки так разволновались при этом сообщении, что даже сладкое им уже не полезло в горло, хотя на сладкое было винное желе — коронное блюдо Клотильды.

Но всё же они кое-как справились со сладким и бегом помчались в гостиницу. Пока они, стоя перед гостиницей, решали, кому из них войти и поговорить с Гансом, появилась Пони-Шапочка.

— А ты как сюда попала? — спросил Густав.

— На своих двоих! — объяснила Пони. — Я хочу заказать на вечер столик. Может, у вас есть возражения?

Возражений ни у кого не оказалось.

Пони пошла в ресторан и нашла там Ганса Шмауха. Он как раз нёс целую гору тарелок, ловко ею балансируя, хотя паркет был натёрт.

— Минуточку, Пони. Я сейчас.

Она подождала.

Он тут же вернулся и спросил:

— Чем могу служить?

— Я хотела бы заказать столик на вечер.

— На сколько человек?

— Подожди, надо подсчитать. Советник, его жена, бабушка, я, Клотильда и трое мальчишек — всего...

— Восемь человек, — подхватил Ганс. — Будет сделано. Постараюсь поближе к сцене. Может, мой дядя-капитан тоже сегодня придёт. Вам надо с ним познакомиться.

Пони подала Гансу Шмауху руку и сказала:

— Значит, столик на девять человек.

Он поклонился.

После ужина все, кто жил в вилле «Морская», оделись понаряднее и торжественно двинулись к гостинице. Столик, который им оставил Ганс Шмаух, стоял в первом ряду, перед самой сценой. Советник заказал для взрослых вино, а для детей — апельсиновый сок.

Представление ещё не началось, оркестр играл популярную музыку, а зал быстро заполнялся курортниками. Вскоре уже все столики оказались занятыми.

Советник юстиции похлопал Густава по плечу:

— С каких это пор ты стал таким прилежным, что даже на эстрадный концерт идёшь с книгой?

Густав покраснел.

— Это английский словарь,— объяснил он.

— Ты что, собираешься зубрить слова?

Густав покачал головой:

— Во время каникул? За кого вы меня принимаете!

Пони рассмеялась:

— Наверное, он хочет поговорить с близнецами-акробатами.

— Ну да,— сказал Густав.— А их фамилия Байрон. Значит, они англичане. Если я не пойму, что они мне скажут, я посмотрю в словарь.

— Интересно послушать ваш разговор,— сказала бабушка.

На ней было платье из светлой тафты, и выглядела она очень торжественно.

Тут в зал вошёл большой, плотный человек в морской фуражке и синем костюме. Он остановился в дверях и огляделся. К нему тут же подскочил Ганс, шепнул что-то и подвёл его к столу Хаберландов:

— Разрешите вам представить моего дядю — капитан Шмаух.

И Ганс убежал.

Дети встали. Советник тоже. Он поздоровался с капитаном и попросил его сесть за их столик.

Капитан подал всем руку, а потом взмолился:

— Давайте не так торжественно, а то я не выдержу.

Тогда все снова сели. Капитан заказал себе грог с ромом и сказал:

— Столько детворы за столом — вот это по мне! Расскажите-ка что-нибудь про школу. Ведь прошло уже сорок лет с тех пор, как меня выгнали из гимназии. Хорошее было времечко.

Ребята силились вспомнить что-нибудь, что могло бы заинтересовать капитана, но им ничего не приходило в голову. Он выжидающе переводил взгляд с одного на другого, потом ударил себя по колену и воскликнул:

— Не могу поверить! Выходит, мы были из другого теста. У нас все откалывали такие номера, что только держись!

— Ах, вас вот что интересует! — воскликнул Густав.

— А ты думал, я хочу, чтобы вы мне декламировали «Колокол» Шиллера?

— У меня за неделю до каникул вышла такая история, умереть можно, — начал Густав. — Сперва меня чуть было не выгнали, но потом всё как-то уладилось... Так вот как было дело. Урок физики был в тот день после большой перемены. Мехнерт — есть у нас такой зубрила-отличник — побежал к директору и наобидничал на одного парня. Вовсе не на меня, кстати. Но я в классе что-то вроде высшей инстанции. Когда что-нибудь такое случается, мне нельзя сидеть сложа руки.

Но наш отличник Мехнерт, конечно, струсил и во время перемены куда-то смылся. Явился он только, когда мы все уже сидели в кабинете физики, вошёл в класс вместе с Попрыгунчиком, то есть, я хочу сказать, с господином Каулем, учителем физики. Нам собирались показать что-то про электрические искры — не помню уж точно, что именно. Кауль возился с приборами, а потом велел дежурному задёрнуть чёрные занавески, чтобы мы лучше разглядели искры. «Старик, — шепнул мне тут Керте, мой сосед по парте, — это редкий случай. Представляешь, ты в темноте подкрадываешься к Мехнерту, даёшь ему в ухо и, прежде чем Попрыгунчик, то есть господин Кауль, успеет зажечь свет, снова сидишь как ни в чём не бывало на своём месте».

Предложение показалось мне колоссальным. Такому гаду, как Мехнерт, полезно дать разок при всех. А из-за темноты будет неясно, кто ударил, — получится, будто сама справедливость вершит свой суд. Представляете! Сверхъестественное явление на уроке физики — это нам здорово подвезло!

Густав обвёл глазами сидевших за столом. Напряжение, судя по их лицам, нарастало.

— Так вот, — продолжил он. — Темно было, хоть глаз выколи. Попрыгунчик, то есть господин Кауль, сказал, что сейчас всё начнётся, и велел нам обратить внимание на искры. И пока

все обращали внимание, я тихонько прокрался вперёд и ударил что было силы. Ошибки быть не могло — Мехнерт с первого класса сидит в первом ряду на первой парте. Я так ему врезал, что чуть себе руку не сломал.

Капитан Шмаух хлопнул себя по коленке.

— Просто великолепно! Двинул ему разок и сел обратно на своё место как ни в чём не бывало.

Густав печально покачал головой:

— Нет, я не сел на место. От страха я стоял как вкопанный, не в силах пошевелинуться.

— От страха? — удивилась Клотильда. — Почему от страха?

— Оказалось, что Мехнерт лысый.

— Лысый? — переспросил Эмиль.

— Ну да, мой кулак скользнул по лысине, представляешь? Потому что это был вовсе не Мехнерт, а Попрыгунчик, то есть господин Кауль.

Даже официант, принёсший капитану прог, не уходил, увлечённый рассказом.

— А получилось вот что... — продолжал Густав. — Кауль сел в темноте на парту рядом с Мехнертом. Он тоже хотел поглядеть на искры. Это можно понять. Учителю физики физика, должно быть, очень интересна. Но не мог же я догадаться, что в темноте он сядет на место Мехнерта!

Капитан Шмаух смеялся так громко, что оркестра уже не было слышно, хотя играли как раз марш.

Клотильда даже побледнела.

— Ужасно! — шептала она. — Прямо мороз идёт по коже.

Советник юстиции повернулся к рассказчику:

— Ну, а что было дальше?

Густав почесал за ухом.

— В общем-то, всё это мур, — сказал он. — Но всё же чувствовал я себя не лучшим образом. Тут, конечно, сразу зажгли свет. Попрыгунчик сидел на месте Мехнерта и держался за лысину. Голова у него явно раскалывалась, и это было неудивительно. Я ведь бил не за страх, а за совесть. Класс сидел, будто громом поражённый. А электрические искры покорно

сверкали, словно ничего и не произошло. Но никто не обращал на них никакого внимания.

«Кто это сделал?» — спросил Попрыгунчик, то есть господин Кауль, после долгого молчания.

«Я,— ответил я.— Простите меня, пожалуйста, господин учитель. Я ошибся».

«Да, ошибся, можешь в этом не сомневаться»,— буркнул он и бросился посреди урока опретью из кабинета. При этом он обеими руками обхватил голову, словно боялся, что она у него отвалится.

Густав помолчал, потом продолжил рассказ:

— Мне всё стало вдруг как-то до лампочки. Ребята настолько обалдели, что никто не шелохнулся, а я кинулся на Мехнерта и стал его лупить. Я так его отделал, что он долго помнить будет, три дня потом в школу не ходил... Только я от него отвалил, как меня потащили к директору. Попрыгунчик сидел на диване и всё прикладывал к голове смоченный в холодной воде платок. «Я только что узнал,— начал директор,— что ты, воспользовавшись темнотой, коварно напал на нашего старого, заслуженного преподавателя. Само собой разумеется, я выгоню тебя из школы, но всё же я попрошу тебя объяснить нам причины твоего гнусного поведения».

Я просто зашёлся от этих слов. Никто никогда мне не говорил, что я коварный. И меня прорвало. Я сказал им, что уж если кто коварный, так это их отличник Мехнерт. И удар по затылку тоже предназначался Мехнерту за то, что он во время большой перемены донёс на своего товарища. И что они могут пойти в физический кабинет и полюбоваться останками своего любимчика. Если им такие типы больше по душе, чем я, то пусть... Ну, и так далее.

Капитан Шмаух глядел на разгневанного Густава с любовью.

— Ну, а потом что было?

— Потом произошло нечто, за что я до самой смерти буду благодарен господину Каулю.

— Что же он сделал? — спросил Эмиль.

— Он рассмеялся,— сказал Густав.— Он так расхохотался, что примочка упала у него с затылка!

Капитан Шмаух снова хлопнул себя по коленке. Потом он обернулся к официанту, который всё ещё стоял и слушал, и скомандовал:

— Ещё один грог!

Глава седьмая

ЭСТРАДНЫЙ КОНЦЕРТ В КОРЛСВЮТТЕЛЕ

Оркестр играл туш. На сцену вышел шикарно одетый, пожалуй, даже чересчур расфранчённый господин и от имени дирекции гостиницы приветствовал столь многочисленную публику. Он обещал, что все присутствующие прекрасно проведут вечер, и отпустил несколько шуточек, над которыми, кроме него, никто не смеялся. Это, видно, его разозлило, и он поспешно объявил первый номер: выступает Фердинанд Бадштюбнер, современный Карузо, с лютней.

Карузо — Бадштюбнер оказался толстым седовласым господином. Лютню он держал в руке, а на голове у него была студенческая фуражка. Перебирая струны, он пропел несколько песенок, в которых речь шла о студентах Гейдельберга, о любимой, о красивых хозяйских дочках, о вине и о пивных кружках. Голос у него был не первой свежести. Кончив, он помахал фуражкой. И занавес упал.

— В те годы, я вижу, времени на учёбу совсем не оставалось, да? — спросил Профессор своего отца.

— В песнях есть преувеличение,— объяснил советник.— Если бы мы не учились, мы бы ничего не знали.

У Клотильды тоже возник вопрос:

— Почему этот пожилой господин, который только что пел, всё ещё студент? А если он студент, то почему не учится, а поёт нам под лютню песни?

Все переглянулись. Наконец бабушка ответила:

— Он, наверное, заочник.

— А, тогда другое дело,— сказала Клотильда.

Все засмеялись, но она так и не поняла почему.

— Я получу аттестат и не буду дальше учиться,— сказал Густав.— Я буду либо автогонщиком, либо лётчиком.— Обернувшись к Эмилю, он спросил: — А ты?

Эмиль на мгновение закрыл глаза. Он подумал о старшине и о том разговоре, который у них был на этот счёт.

— Нет,— ответил он.— Я тоже не буду дальше учиться. Я хочу как можно скорее начать зарабатывать деньги и стать самостоятельным.

Бабушка искоса посмотрела на него, но ничего не сказала.

Следующим номером программы был акробатический танец. Артистка с такой быстротой вертелась вокруг собственной оси, что казалось, глаза у неё где-то на спине, а затылок на лице.

Капитан так громко хлопал своими гигантскими ладонями, что можно было подумать, лопаются надутые воздухом кульки. Наклонившись к Клотильде, он спросил её:

— А вы умеете танцевать, как она?

Но он явно обратился не по адресу.

— Я бы постеснялась так изгиляться перед чужими людьми,— ответила Клотильда с достоинством.

— Ну, раз ты стесняешься перед чужими, то потанцуй для нас дома,— сказал Профессор.

И мальчишки прыснули, представив себе, как Клотильда будет танцевать перед ними на террасе виллы «Морская».

Снова заиграл оркестр, на этот раз танго. Начались танцы. Капитан Шмаух пригласил Клотильду, советник юстиции — свою жену, а бабушка качала в такт музыке головой и была в прекрасном настроении.

Вдруг какой-то молодой человек подошёл к Пони, поклонился и сказал:

— Фрейлейн, разрешите вас пригласить?

Эмиль расхохотался:

— Ведь эта фрейлейн и танцевать-то не умеет!

Но Пони встала.

— Да что ты в этом понимаешь! Младенец! — бросила Пони и пошла танцевать.

И танцевала она так, словно всю жизнь только этим и занималась.

— Нет, вы только поглядите на нашу фрейлейн!— воскликнул Профессор.— Где это она так насобачилась?

— Мы, женщины,— объяснила бабушка,— умеем танцевать с рождения.

Густав сокрушённо покачал головой:

— Ну и девчонка! Не старше меня, а изображает из себя барышню!

Следующий танец был вальс.

— Вот это для нас, молодёжи,— сказал капитан, приглашая Пони, и они в таком бешеном вихре закружились по залу, что никто больше не решался танцевать.

Время от времени капитан подбрасывал Пони высоко в воздух — это получалось у них великолепно, не хуже, чем у настоящих артистов. Все аплодировали, даже официанты. Капитан заставил Пони поклониться. И сам тоже поклонился.

Потом снова вышел на сцену расфранчённый господин... Он сказал, что с особым удовольствием объявляет выступление следующего артиста, потому что повсюду, даже в самых шикарных кабаре страны, его встречают бурными аплодисментами.

— Интересно получается,— изумился капитан.— Если у него везде такой огромный успех, чего же он забрался в такую дыру, как наш Корлсбюттель?

Все стали ждать, пока снова поднимется занавес. А когда занавес наконец поднялся и знаменитый артист показался на сцене, Эмиль сказал громко, чуть ли не на весь зал:

— Во даёт!

Потому что знаменитым артистом, которого повсюду встречают чуть ли не овациями, оказался не кто иной, как сам конферансье. Он только успел надеть на голову цилиндр, сунуть в глаз монокль и взять в руку тросточку.

— А вот и я,— доверительно сообщил он публике.— Начнём с серьёзного жанра. Я спою вам печальную песню «Такова жизнь»...

Когда певец замолк и поклонился, бабушка сказала:

— Если этот тип хоть раз пел в большом кабаре, то можете меня называть герцогиней Лихтенфельдской.

Затем знаменитый артист спел две весёлые песенки, но они оказались не менее печальными. А потом он объявил антракт на десять минут.

После антракта снова выступала исполнительница акробатических танцев. Потом манипулятор показывал невероятные карточные фокусы. И, наконец, гвоздь программы — «Три-Байрона-три!».

То, что делал мистер Байрон со своими близнецами, было просто уму непостижимо. Зрители сидели не шелохнувшись. А когда мистер Байрон лёг спиной на скамейку и поднял вверх руки, у всех дух захватило, потому что Джекки Байрон, тот, что побольше, сделал на правой руке отца стойку на голове, а Макки — на левой. Сперва они ещё страховались, держа отца за руку, а потом разом вытянули руки по швам. Они стояли вверх ногами, уперев головы в ладони мистера Байрона, как перевёрнутые оловянные солдатики. И вдруг — гоп! — ловко спрыгнули на пол и улыбнулись как ни в чём не бывало.

Затем мистер Байрон, по-прежнему лёжа на скамейке, подтянул колени к животу и поднял вверх ноги. Макки лёг на спину поперёк отцовских ступней, и мистер Байрон стал тогда двигать ногами, как велосипедист, а Макки завертелся, как веретено. Вдруг он взлетел в воздух, перекувырнулся и снова точно пришёл на отцовские ступни, потом опять взлетел вверх, сделал сальто и упал... Нет, не упал, а встал ногами на ступни мистера Байрона и ловко удержал равновесие.

Клотильда сказала дрожащим голосом:

— Я не могу больше на это смотреть!

Но Густав, Эмиль и Профессор глаз не могли оторвать от сцены.

Потом Джекки Байрон, тот, что побольше, лёг на скамью, поднял обе руки, и вдруг — ап! — этот большой, грузный атлет сделал стойку на кистях, уперевшись в ладони своего сына.

— Не понимаю, как у Джекки не ломаются руки, — шепнул Эмиль.

Густав кивнул.

— Да, это противоречит всем законам физики!

Когда три Байрона закончили свой номер, началась настоящая орация. Занавес поднимали двенадцать раз.

Густав схватил английский словарь и вскочил с места исполненный решимости.

— Пошли! — крикнул он и побежал.

Профессор и Эмиль, едва поспевая, ринулись за ним.

Они ждали близнецов в коридоре за сценой.

— Hallo, boys¹ — крикнул Профессор.

Близнецы обернулись.

— A moment, please²... — попросил Густав.

Макки — тот, что поменьше, — бросился бежать со всех ног и исчез в какой-то задней комнате.

Джекки стоял и смотрел на ребят.

— You are wonderful, — сказал Эмиль. — Very nice, indeed. My compliments, Byron³.

Джекки подошёл к ребятам поближе. Он был мокрый от пота, и вид у него был очень усталый.

Густав листал словарь.

— Hallo, dear, — проговорил он, запинаясь. — We have seen you. It's the greatest impression in all my life, by Jove! Do you understand?⁴

Джекки долго глядел на мальчишек. Потом он тихо сказал:

— Не валяйте дурака! Я ни слова не понимаю по-английски. Привет, господа!

¹ Привет, мальчики (англ.).

² Минутку, пожалуйста (англ.).

³ Вы великолепны! Просто прекрасно! Я вас поздравляю, Байрон (англ.).

⁴ Послушай, дорогой. Мы видели. Это самое большое впечатление за всю мою жизнь. Клянусь! Вы поняли? (англ.).

Они не могли глаз оторвать от сцены.

У всех троих вытянулись лица.

Густав захлопнул словарь.

— У меня сейчас будет удар. Я думал, ты англичанин.

— Да что ты! Это просто наш псевдоним, чтобы выступать. Иностранные имена нравятся публике. А теперь отгадайте, как меня зовут на самом деле.

— Ты уж лучше сам скажи, а то гадать можно долго,— сказал Профессор.

— Вы будете смеяться! Да ладно! Меня зовут Паульхен Пашульке.

— Паульхен Пашульке! — изумлённо повторил Густав.— Имя, как у гнома. Меня зовут просто Густав. Но всё это мур! Мы хотели тебе сказать, что мы в восторге. Старик, это просто высший класс!

Джекки обрадовался похвале.

— Очень приятно,— сказал он.— Вы завтра придёте на пляж?

Они кивнули.

— Значит, до завтра! — крикнул он и исчез в той комнате, в которой уже скрылся его брат.

Трое друзей постояли ещё в коридоре, поглядели друг на друга и в конце концов рассмеялись.

Густав с презрением засунул словарь в карман, обнял Эмиля и Профессора и сказал:

— Поделом нам! И зачем только люди учат иностранные языки!

Глава восьмая

ПОЯВЛЯЕТСЯ ТРЕТИЙ БЛИЗНЕЦ

На следующий день дождь лил как из ведра. Ребята не выходили из дому, писали письма и открытки с видами, играли в шахматы и глядели всё время в окно. Им казалось, что они как лягушки в банке. К счастью, в гости пришёл Вторник. Он взял отцовский зонтик и стоял теперь в саду, словно гриб.

Едва он вошёл в дом, мальчишки стали ему наперебой рас-

сказывать про трёх Байронов и их акробатические трюки. Рассказали ему и о том, что Пони-Шапочку вчера назвали «фрейлейн».

— Да, да, — сказал Вторник, — мы стареем.

И так как Пони была на кухне, где Клотильда учила её готовить, они ворвались туда с криком:

— Фрейлейн, ваш партнёр стоит у дверей!

Пони не удержалась и посмотрела в окно.

Мальчишки расхохотались и побежали назад на террасу.

Профессор от нечего делать взял со стола отцовскую книгу и стал её перелистывать.

— Послушайте! — сказал он вдруг и громко прочёл: — «Нормальные, здоровые дети приходят в мир не с пустыми руками. Природа даёт каждому всё, что ему повседневно необходимо. Развивать эти дары — наш долг, и часто всё это лучше развивается само по себе». — Профессор захлопнул книгу и поглядел на друзей. — Вот видите, что сказал великий Гёте.

— Что мы видим? — спросил Густав. — Все мы нормальные, здоровые дети. Ну, а дальше что?

Профессор ткнул указательным пальцем в книгу:

— Гёте хочет сказать, что мы от природы обладаем уже всем, что необходимо для жизни. И всё, что в нас заложено, считает Гёте, может развиваться само по себе. Никто не должен нас опекать... — Профессор посмотрел на вошедшего отца. — Ты знаешь, что я не тебя имею в виду, — сказал он, — но многие родители совершенно неверно обращаются с детьми.

— Чертовски трудно воспитывать детей, — сказал советник, — чтобы заниматься ими не слишком много и не слишком мало. И с каждым ведь всё по-разному получается. У одного легко развиваются его природные качества, у другого их надо вытаскивать клещами, иначе они не выползут на свет божий. — Советник сел. — Вы всё это поймёте потом, когда сами станете отцами.

— Насчёт «саморазвития» — это мне по душе, — заявил Густав.

— Уважаемые господа, — сказал советник с улыбкой, — не

хотите ли вы несколько дней развиваться самостоятельно, без всякой опеки? Пожалуйста, я вам это устрою. Я проходил сегодня мимо бюро путешествий и прочёл объявление, что послезавтра отправляется пароход в Копенгаген. Поездка эта рассчитана на несколько дней. А я давно уже не был в Дании. Короче, я предлагаю всем взрослым и Пони-Шапочке тоже отправиться послезавтра на этом пароходе в Данию, в Копенгаген.

— А мы? — спросил Профессор.

— Вы, мальчики, останетесь одни в Корлсбюттеле. Обедать можете в столовой. Деньги я вам дам, если вы не усмотрите в этом покушения на самостоятельность вашего развития.

— Мы уж не так мелочны, — сказал Густав. — Деньги мы возьмём.

— А обо всём остальном вы сами позаботитесь, — сказал советник. — У вас будет полная возможность развиваться без помех, по своему желанию. Вы сами будете за себя отвечать и увидите, удовольствие это или обуза. Договорились?

Мальчики были в восторге.

Профессор подошёл к советнику и гордо спросил у ребят:

— Видели ли вы лучшего отца?

— Нет! — заорали все в один голос.

Вторник поднял руку, как в классе:

— Господин советник, а моих родителей вы с собой не приватите?

После обеда по-прежнему лил дождь. Когда все пили кофе, появился капитан Шмаух. Клотильде пришлось тут же сделать ему грог. Он сел в кресло, набил свою трубку, выпустил сжее облако дыма и сказал:

— Здесь очень уютно. С тех пор как я посидел вчера вечером с вами, мне в моём доме стало как-то одиноко.

— Вам надо было жениться, когда вы были помоложе, — заметила бабушка.

— Нет, — сказал капитан. — Муж всегда в море, а жена всегда одна дома — это тоже никуда не годится. Сегодня вечером я снова уйду на несколько дней в Швецию. Повезу лес. Так я живу уже десятки лет. Всегда один! Если бы хоть Ганс остал-

ся со мной в Корлсбюттеле. Но и это невозможно. Когда кончится его срок учения, он поедет в Англию и во Францию. Хороший официант должен поработать за границей, он не может из-за своего старого дяди навсегда здесь поселиться. Вот так-то. И с каждым годом становишься всё старше, пока в один прекрасный день...

Он расчувствовался не на шутку. Поэтому ему пришлось немедленно сварить ещё один грог.

А потом капитану Шмауху уже было пора отправляться на борт своего парохода. Он надел брезентовый дождевик и зашагал под ливнем. В сторону Швеции.

После ужина мальчишки снова сидели одни на террасе. Вторник тоже был с ними. Родители отпустили его до девяти часов. Дождь барабанил по крыше. Ребята скучали.

Вдруг кто-то тихо постучал, и они увидели прижавшееся к стеклу лицо.

Все четверо вскочили. Профессор подбежал к двери и запахнул её:

— Кто там?

На пороге стояла закутанная в плащ фигура. Ребята не сразу поняли, что это Ганс Шмаух.

— Извините, если я вам помешал,— сказал он торопливо, входя на террасу,— но мне нужен ваш совет.— Он снял с себя мокрый плащ.— Представляете, что случилось. Около восьми часов мистер Байрон велел мне принести стакан чая к нему в номер. Принёс я ему, значит, этот чай, а когда хотел уйти, он меня остановил. Сказал, что хочет у меня спросить одну вещь, но никто не должен об этом знать. Я кивнул. А что я мог ещё сделать? Тогда он сказал: «Ты отличный гимнаст. Я видел, как ты работаешь на брусьях. У тебя есть талант. Если я буду тебя учить, ты станешь великолепным акробатом. А главное, ты такой маленький и лёгкий! Разреши, я тебя подниму!» Он поднял меня одной рукой и так стал крутить, что у меня потемнело в глазах. Потом он меня снова поставил на пол. «Чай сты-

нет, мистер Байрон», — сказал я и хотел выйти. Но он преградил мне дорогу и спросил, охота ли мне стать цирковым артистом и выступать с ним. «Но ведь у вас же есть ваши близнецы, — сказал я. — Зачем вам нужен третий?» — «Мне не нужен третий, мне нужен второй». И знаете, что он ещё сказал?..

Мальчишки взволнованно слушали.

— То, что он мне ещё сказал, звучало так смешно, — продолжал свой рассказ Ганс. — И вместе с тем так жутко. Он сказал: «Джекки становится слишком тяжёлым».

— Слишком тяжёлым? — переспросил Вторник.

— Ну да. Джекки растёт. И чем больше он становится, тем больше он весит. И оттого, что он всё больше весит, его отец уже не в силах делать с ним некоторые упражнения, или это становится слишком опасно. Если Джекки и дальше будет так расти, мистер Байрон вообще больше не сможет с ним работать.

Мальчишки стояли и молчали.

— Вот почему мистер Байрон предлагает мне уехать с ним и Макки. Ночью, тайком. Чтобы Джекки ничего не подозревал. Я для него очень удачная замена, сказал мне мистер Байрон, такого не скоро найдёшь.

Эмиль схватился за голову:

— Бог ты мой, разве может человек бросить своего сына где-то на побережье только потому, что он быстро растёт! Это же чистое безумие! А что Джекки будет делать?

— Бедный Паульхен! — прошептал Густав.

Профессор нервно ходил взад-вперёд по террасе.

— Хорошенькая история! Этого мы не допустим. Разжаловать одного из близнецов! И взять третьего на это место! Об этом и речи быть не может.

— Какое счастье, что все наши отправляются в Данию! — сказал Густав. — Хоть мешать не будут.

Эмиль ударил кулаком по столу.

— Этот мускулистый чурбан ещё крикнет от удивления! Мы займёмся этим делом. — Эмиль обернулся к Гансу. — Когда он решил отсюда смываться?

— Мистер Байрон говорит, что это всецело зависит от меня,

потому что я для него находка, счастливый случай, который не повторяется.

— Мы подождём, пока взрослые уедут,— заявил Профессор.— Потом нам снова придётся держать военный совет. До тех пор, Ганс,— слушай внимательно! — до тех пор, значит, ты будешь этому Байрону зубы заговаривать. Ясно?

Ученик официанта кивнул.

— Чур, на этот раз я не буду сидеть у телефона. Так и знайте.

— На этот раз мы вообще обойдёмся без телефона,— объяснил Густав.— На этот раз придётся всем действовать.

Ганс Шмаух снова нацепил на себя свой мокрый плащ.

— Вы только не пропадите,— сказал он, направляясь к двери.— Пароль «Эмиль»! — крикнул он перед тем, как исчезнуть.

— Пароль «Эмиль»,— ответили остальные.

На этот крик отозвался лишь ветер, гудящий в саду.

Глава десятая

СЫЩИКИ ОСТАЮТСЯ ОДНИ

Через два дня взрослые и Пони уехали утром в Варнемюнде, чтобы там сесть на пароход, отплывающий в Данию. Женщины, а особенно разволновавшаяся Клотильда, хотели быстренько, в последнюю минуту, дать ребятам ещё тысячу всевозможных полезных хозяйственных советов. Но господин Хаберланд буквально силком загнал их в купе, сунул Профессору двадцать марок и сказал:

— Обедать будете в столовой. Все остальное, что вам понадобится, купите в лавке у Варкентиена. Кроме того, в кладовке есть кое-какие запасы. Запирайте вечером дом как следует. Не делайте глупостей! А если окажетесь в безвыходном положении, дайте телеграмму в Копенгаген. Мы будем жить в гостинице «Англетер».

— В телеграмме нужды не будет,— заверил его Профессор.

— Тем лучше,— сказал отец.— Желаю вам весёлого развития.

И он залез в вагон.

Несколько минут спустя Эмиль, Густав и Профессор остались одни. Ничто больше не препятствовало их свободному развитию.

Они вернулись домой. Погода стояла пасмурная, дул холодный ветер. О том, чтобы купаться, нечего было и думать.

Профессор взял с письменного стола карандаш и бумагу и поправил очки.

— Прежде всего,— начал он,— нам нужно составить план действий. Каждый по очереди будет день дежурить. Сегодня—я. Завтра — Эмиль. Послезавтра — Густав. Дежурный должен будить остальных, ходить в магазин, варить кофе, готовить ужин, хранить ключ от дома и вообще делать всё, что надо.

— А зубы каждый сам себе чистит? — спросил Густав и глупо захихикал. Но он тут же стал серьёзным и сказал, что не умеет варить кофе.

— Научись,— решил Эмиль.

Потом они пошли в кладовку и произвели полную инвентаризацию наличных запасов. Они точно записали, сколько там есть яиц, консервов, колбасы, картошки, огурцов, яблок, хлеба, сала, масла и т. д.

— Взрослые должны быть поражены, как легко мы станем самостоятельными,— сказал Профессор и схватил, поскольку он был дежурным, сетку, чтобы отправиться за покупками.

Эмиль и Густав пошли вместе с ним.

В магазине они долго рассматривали всё, что было выставлено в витрине, а хозяин предлагал им то одно, то другое.

Профессор растерянно поглядел на друзей.

— Извините за беспокойство, господин Варкентиев,— сказал он наконец,— но, как я вижу, всё это у нас уже лежит в кладовке.

И они вышли с пустой сеткой.

— Всё постигаешь на опыте,— заявил Профессор, когда они пришли домой.

— Ага,— сказал Густав, сбежал за яблоком и вонзился в него зубами.

Профессор тут же взял опись наличных продуктов и вычеркнул одно яблоко.

— Безупречный порядок — залог успеха! — заявил он.

Густав пробормотал, жуя:

— Всё это мур! —

Когда они собрались пойти в столовую, Эмиль предложил:

— Мы могли бы сэкономить эти деньги. Послушайте, давайте я сам приготовлю обед!

— А что ты приготовишь? — осведомился Густав.

— Я сделаю яичницу, — заявил Эмиль и засучил рукава. — Яйца есть. Масло и колбаса тоже. Я пожарю колбасу и залью яйцами. Если мы съедим это с хлебом, мы будем сыты. А на сладкое консервированный клубничный компот.

Эмиль повязал себе передник Клотильды, приготовил на столе масло, яйца, колбасу, нож и соль, поставил сковородку на огонь, положил масло, потом нарезанную ломтиками колбасу, разбил о край сковородки два яйца и ловко вылил их на колбасу, а потом посыпал всё это солью.

Друзья следили за его увлекательными действиями с огромным вниманием и тихим восхищением.

— Желток не растёкся, — с гордостью заметил Эмиль. — Это самое трудное.

Тут они увидели, что у открытого окна стоит Вторник. Потом он подтянулся, залез на подоконник и уселся там, как завожжённый глядя на Эмиля.

— Как настоящий повар!

— Достигается упражнением, — объяснил Эмиль. — Если мама занята, я сам готовлю еду — больше ведь у нас некому.

Потом Вторник сообщил, что ему разрешили остаться ночевать у Профессора. Ребята были этому страшно рады.

— Но в Копенгаген мои старики ехать наотрез отказались, — сказал Вторник. — Им почему-то не хочется! Ну, разве это уважительная причина?

— Какие же они у тебя упрямые! — возмутился Густав.

— Как можно в таких условиях свободно развиваться? — И Вторник пожал плечами.

Эмиль прикрутил газ.

— Все вместе мы есть не сможем,— объяснил Эмиль.— Первую порцию получит Густав, как самый прозорливый.

Мальчики рассмеялись. Но Густав не смеялся вместе со всеми.

— Эх вы, погремушки! — сказал он. (Это ругательство он сам выдумал.)

Профессор вынул из буфета тарелку и вилку. Эмиль переложил яичницу на тарелку и отрезал два ломтика белого хлеба.

Густав сел за кухонный стол, крошил хлеб в глазунью и стал есть.

Профессор принёс посудное полотенце, и они повязали его Густаву вокруг шеи вместо салфетки. Густав выглядел, как пациент у зубного врача.

Эмиль тем временем жарил вторую порцию яичницы с колбасой. Профессор тоже сел за кухонный стол и сказал:

— А сейчас самое главное. Пока мы с Эмилем будем есть и мыть посуду, Густав и Вторник сбегают в гостиницу и поговорят с Гансом Шмаухом. Необходимо выяснить, не изменились ли планы у мистера Байрона. Если нет, то Ганс должен обо всём с ним договориться. Нам надо точно знать, когда он намерен удрать и как — поездом или пароходом.

— Может, одолжить им свой мопед? — со смехом сказал Густав.— Выходит, мы будем сидеть сложа руки, пока он будет готовить побег. Так, что ли? Ведь мы можем просто пойти к нему и сказать: «Послушайте, дорогой, не валяйте дурака! Не вздумайте смываться, не то вам придётся иметь дело с нами!» Так будет куда лучше. Верно?

— Нет,— сказал Эмиль,— так не будет лучше. Если мы пойдём к нему, он для отвода глаз задержится на два-три дня, а потом тайком удерёт. Пусть без Ганса. Но Джекки всё равно останется с носом.

— Вот именно,— сказал Профессор.— Следуйте моим указаниям.

— И скажите Гансу,— добавил Эмиль,— чтобы он назначил побег на как можно более поздний час.

— Почему? — спросил Вторник.

— Потому что ночью Джекки будет спать и не заметит, что его отец сбежал. А утром, когда он проснётся, отец с Макки уже вернутся — об этом мы позаботимся. И Джекки не узнает, что отец хотел его бросить.

Густав встал.

— Такой вкусной яичницы я в жизни не ел. Официант, отложите мне клубнику на потом!

Он спихнул Вторника с подоконника в сад и сам выпрыгнул вслед за ним.

Слышно было, как они бежали по посыпанной гравием дорожке. Потом хлопнула садовая калитка.

Эмиль и Профессор поели, а Густаву отложили его порцию клубники. Затем Эмиль вымыл посуду, а Профессор тщательно вытер её и убрал в буфет.

Труднее всего пришлось им со сковородкой, но и её они в конце концов отскребли и дөвели до такого блеска, что в неё можно было смотреться как в зеркало. Потом они помыли руки, и, вешая полотенце на гвоздь, Эмиль сказал:

— А вообще-то с отцами получается какая-то чепуха. Одно-го мальчика отец хочет бросить, а другому — силком навязывают отца.

— Кому это? — спросил Профессор. И, так как Эмиль ему ничего не ответил, удивлённо взглянул на него. И вдруг до Профессора дошло. — Ах! Вот оно что!..

— Учти, — тихо сказал Эмиль, — об этом я не говорил ещё ни с одним человеком, даже с мамой. С ней-то уж во всяком случае...

— Я никому не скажу, — обещал Профессор. — Честно.

Эмиль почему-то перевесил сковородку с одного гвоздя на другой, потуже завернул водопроводный кран, притворил окно.

— Понимаешь, я же должен с кем-нибудь об этом поговорить... Своего отца я чуть-чуть помню. С тех пор мы с мамой живём одни. И мне даже в голову не влетало, что может быть

по-другому. Знаешь, я всегда думал: вот подрасту, начну зарабатывать, и мы заживём как надо — в каникулы будем путешествовать, снимем другую квартиру, побольше, купим красивую мебель и хорошие книжки. А два раза в неделю будет приходиться какая-нибудь тётка помогать по хозяйству. Одним словом, навьдумал я невесть чего. И вдруг вместо всего этого у нас в доме появляется какой-то незнакомый человек и хочет жениться на моей маме. И кто теперь снимет большую квартиру? Он! И кто будет путешествовать с моей мамой? Он! И кто будет оплачивать приходящую работницу? Он! Он зарабатывает деньги. А я — буду ли я зарабатывать или нет, уже не имеет никакого значения. Я даже смогу получить высшее образование, сказал он. Понимаешь, он всегда теперь будет третьим. Всегда. И я больше ничего не могу рассказать маме, потому что ей уже, наверно, всё мой совсем не интересно. И вечером невозможно заснуть, и я лежу с открытыми глазами, а когда она входит в комнату, я притворяюсь, будто сплю, хотя самому хочется реветь в голос, как маленькому... — Эмиль тяжело вздохнул. — Ну ладно, авось как-нибудь всё образуется. Если уж она в него влюбилась, пусть женятся. Наверно, не так уж важно, что мне всё это не в жилу.

— Наверно, — сказал Профессор. — А она в самом деле в него влюбилась?

— Ещё бы! А то чего ради она бы за него пошла? Влюбилась! Да он вообще-то неплохой дядька. У нас с ним всё нормально. — Эмиль взглянул на своего друга. — Ну, что ты об этом думаешь?

— Я думаю, что ты эгоист, вот что! — сказал Профессор. — Ты не считаешь? Твоя мать ведь не только твоя мать. Она ещё и молодая женщина. С тех пор как твой отец умер, она ради тебя об этом забыла. Потому что ты был маленьким. Но теперь ты уже не маленький. И вот после стольких лет она снова немного о себе подумала. Это её полное право.

— Я себе это повторяю сто раз на день. Но, знаешь, мне всё равно грустно. И это очень жаль.

— В жизни много такого, о чём приходится жалеть, — ска-

зал Профессор.— Этого мы с тобой изменить не можем. Но всё же лучше, чтобы жалел ты, а не твоя мама.

— Само собой,— согласился Эмиль.— Но мне кажется, что во мне сидят два человека. Один всё понимает и кивает головой. Другой закрывает на всё глаза и тихо плачет. С тобой такое бывает?

— Я об этом читал,— сказал Профессор.— Но сам я не такой. Если я убеждён в разумности какого-то поступка, я уже не страдаю.

— Тебе можно позавидовать! — задумчиво сказал Эмиль.— Во всяком случае, я был очень рад, когда получил твоё приглашение! Потому что мне так трудно притворяться. Мама могла бы что-то заметить. Подумай только! Она тут же сказала бы, что брак не состоится. Ведь она ему с самого начала заявила: «Я выйду замуж, только если мой мальчик не будет против!» И ему пришлось спрашивать у меня согласия.

— Очень благородно с её стороны! — восхитился Профессор.

— Ещё бы, старик! — сказал Эмиль.— Моя мама!

Потом они надели плащи и пошли к гостинице. В ольховой роще они встретили Густава и Вторника.

— Завтра мы даём бой,— сказал Густав,— потому что завтра у Ганса выходной день. Вот Байрон и решил вечером с ним смыться, прихватив и Макки, конечно. Ганс ждёт от нас указаний, как ему себя вести. Мистер Байрон намерен отбыть с последним пароходом. Потому что Джекки к этому времени уже уснёт. Из Варнемюнде он поездом отправится в Польшу, к родственникам. Там он будет тренировать нового близнеца, прежде чем снова выступать на сцене.

— У меня совсем простой план,— сказал Вторник.— Мы подкараулим его на причале. Как только он появится, мы отправим его назад, в постельку.

Профессор покачал головой.

— Этот план слишком простой. Он может сорваться. Мы должны перехватить этого типа уже в пути, чтобы он не мог отговориться. А не то он нас просто на смех поднимет. Он должен испугаться, что мы сообщим о нём в полицию.

Они сели на скамейку и не меньше получаса обсуждали, что делать... Когда они встали, план действий был составлен во всех подробностях.

Заключался он в следующем: Ганс должен объяснить мистеру Байрону, что ему никак нельзя сесть на пароход с ним вместе в Корлсбюттеле. Он, Ганс, сядет лишь на следующей станции, то есть в Хайдекруге.

— А как попадёт Ганс в Хайдекруг? — спросил Густав.

— Ну и вопросы же ты задаёшь! — воскликнул Эмиль. — Само собой, на твоём мопеде.

— А... — сказал Густав.

— А сыщики, напротив, — объяснил Профессор, — сядут на пароход не в Хайдекруге, как Ганс Шмаух, и не в Корлсбюттеле, как мистер Байрон и Макки, а ещё раньше, в Граале. Мы спустимся в каюту и оттуда будем следить, садится ли в Корлсбюттеле этот тип. В Хайдекруге на борт поднимается Ганс Шмаух. А перед Варнемюнде мы выйдем на палубу и скажем: «Многоуважаемый господин Пашульке, где ваш сын Пауль? И почему вместо него с вами едет ученик официанта? Если вы не хотите, чтобы мы в Варнемюнде сдали вас полиции за то, что вы бросили на произвол судьбы своего сына и похитили чужого мальчика, то возвращайтесь-ка подобру-поздорову в Корлсбюттель. Как вам это проделать — на поезде или в такси, — решайте сами. Но нам очень важно, чтобы Джекки ничего об этом не узнал». Неужели вы думаете, что Байрон заартачится?

— Нет, он струсит и без всяких разговоров вернётся в Корлсбюттель! — крикнул в восторге Вторник. — У него не будет другого выхода.

— Да, неплохо придумано, — согласился Густав. — А как сыщики попадут в Грааль?

Они поглядели на него с укором.

— А, понимаю, — сказал Густав. — Тоже на моём мопеде.

— Вот именно! — подтвердил Эмиль. — Тебе придётся мотаться туда-сюда столько раз, сколько нужно, чтобы доставить всех сыщиков в Грааль. А потом ты уже один поедешь из Грааля через Корлсбюттель и Хайдекруг до Варнемюнде и пре-

дупредишь там полицию. На случай, если мистер Байрон вздумает выкинуть какую-нибудь штуку. Ты будешь там до прибытия парохода и встретишь нас на пристани. Понятно?

— Мне-то понятно,— сказал Густав.— А вот моему мопеду что-то не очень.

Глава десятая

ПРИКЛЮЧЕНИЕ НА ВОДЕ И НА СУШЕ

Следующий день — это была среда — по дому дежурил Эмиль. Когда он рано утром открыл дверь, чтобы взять оставленные у порога молоко и хлеб, он вдруг остановился как вкопанный: на газоне сидел Ганс Шмаух. Увидев изумление Эмиля, он рассмеялся и сказал:

— Доброе утро! У меня ведь сегодня выходной. Его надо использовать.

— Почему ты не позвонил в дверь?

— Нет уж, звонить в дверь по утрам я ни за что не буду. Я достаточно долго служу в гостинице, чтобы знать, как ужасно, когда тебя звонком вытаскивают из постели. А посидеть здесь на травке было очень приятно. Барометр поднимается!

Они пошли на кухню и стали варить кофе. Тем временем Эмиль объяснял Гансу план, который накануне обсудили сыщики.

— Ещё раз повторяю основное...— сказал он.— Мы, сыщики, сядем на пароход в Граале, Байрон и Макки — в Корлсбюттеле, ты — в Хайдекруге. А Густав будет стоять с мопедом в Варнемюнде на пристани. Если Байрон вздумает упираться, Густав позовёт полицию. А мы будем держать артиста за жабры.

Ганс Шмаух нашёл, что план отличный. Они накрыли стол для завтрака и разбудили остальных. Вторника они величали в это утро «барышня», потому что он спал на кровати Пони.

Ганс с салфеткой под мышкой образцово их обслуживал.

— Как настоящий официант!—сказал восхищённо Густав.— Ещё стакан молока, пожалуйста.

— Сию минуту, сударь! — подхватил в тон Ганс Шмаух.

Он побежал на кухню, принёс на подносе стакан молока, поставил его перед Густавом и спросил, продолжая игру:

— Вы намерены долго здесь пробыть, сударь? Погоду обещают хорошую. А гостиница наша первоклассная. Вам у нас понравится.

— К сожалению, мне тут же надо вернуться в Берлин, — сказал Густав. — Дело в том, что вчера, уезжая, я запер жену и детей в шкаф и по ошибке захватил с собой ключ.

— Жаль, — сказал Ганс Шмаух. — А то вы могли бы в пятницу посмотреть в нашем кинотеатре фильм «Эмиль и сыщики».

— Что? — завопили все мальчишки, повскакав с мест.

Ганс вынул газету из кармана и прикрепил её к раме какой-то картины. В полгазетного листа было напечатано объявление:

ЭМИЛЬ И СЫЩИКИ

ЭТО ФИЛЬМ, в котором участвует 200 детей, в основе которого лежит действительное происшествие, который снимался в Берлине в наши дни для детей от 8 до 80 лет, который с завтрашнего дня показывают в кинотеатре „Маяк“.

Они прочитали это объявление несколько раз подряд. Густав ходил взад-вперёд и выкрикивал:

— Заходите, уважаемые зрители! Вы увидите самых замечательных детей нашего времени! Заходите! В первой половине от смеха вы умрётё, а во второй — вновь оживётё!

— Я волнуюсь, как будто сам должен выступать, хотя это уже готовый фильм, в котором мы к тому же даже не участвовали.

— Да ведь никто не будет знать, что мы сидим среди зрителей, — успокаивал его Эмиль. — Или, чего доброго, ты проболтался, Ганс?

— Что вы, ни слова! — уверил ребят будущий официант. — Про вас здесь никто ничего не знает.

— Твоё счастье,— сказал Густав.— Нам неохота, чтобы на нас глазели.

— Этого ещё не хватало! — воскликнул Вторник.— Мы мальчишки, а не кинозвёзды.

Вдруг Ганс ударил себя по лбу:

— Ну и дырявая же у меня башка! Я ведь пришёл, чтобы позвать вас покататься на парусной лодке! Поэтому я и встал так рано. Давайте уедем подальше и устроим где-нибудь пикник. А после обеда вернёмся.

— Я останусь дома. Сегодня я дежурный,— сказал Эмиль.

— Что за чушь! — возмутился Густав.— Дом никто не унесёт. Поедешь с нами, погремущка!

— Места всем хватит,— сказал Ганс.— Да и каюта там есть.

Но Эмиль стоял на своём.

— Я тоже не смогу с вами поехать,— сказал Вторник.— Мне надо вернуться к обеду. Если я не приду обедать, родители запретят мне тут ночевать, это уж точно. И тогда я не смогу участвовать в погоне за мистером Байроном. Я уже пропустил один раз самое интересное, просидел тогда всё время у телефона. Но на этот раз я буду с вами, и всё!

— Ну что ж, тогда мы втроём пойдём на яхте. Завести мотор, если надо будет, я смогу, но в парусах, так и знайте, я ничего не смыслю.

— Я зато смыслю,— сказал Ганс.— А вы будете слушаться моей команды.

Они побежали на кухню, и Профессор выдал им продукты для пикника. Они взяли с собой яблоки, консервы, колбасу, хлеб, масло, ножи, вилки, тарелки и даже салфетки положили в корзинку.

Эмиль, как дежурный, записал в тетрадь что выдано.

Густав схватил битком набитую корзинку:

— Я её понесу. С продуктами надо бережно обращаться.

— Всё это мура! — сказал Эмиль и засмеялся.

— Вовсе не мура,— возмутился Густав.— Еду надо уважать. И они все пошли к причалу.

— Возвращайтесь вовремя! — крикнул Эмиль, когда Густав уже завёл мотор. — У нас сегодня ещё много дел впереди.

— Ау-у! — крикнул Густав, садясь за вёсла.

— Он опять жрёт яблоко, — сказал Вторник Эмилю и тоже крикнул в ответ: — Ау-у!

Лодка выходила из гавани. Ганс стоял у мачты и подымал большой парус.

Профессор надел берет и помахал ребятам. Яхта прошла мимо причала в открытое море. Дул лёгкий ветерок.

— Они уже заглушили мотор, — сказал Вторник.

Эмиль кивнул и, рукой защитив глаза от солнца, провожал взглядом друзей. Ганс поднимал теперь фок-мачту. Яхта держала курс на северо-запад.

Яхта «Кунигунда IV» шла уже несколько часов. Всё ещё дул лёгкий бриз. Ганс показал Профессору и Густаву, как надо орудовать парусами.

Ребята были счастливы, что плывут в открытое море. Они уже перекусили, и вообще всё получалось как нельзя лучше. Солнце сияло. Ветер ласкал их загорелые лица, словно хотел подружиться с ними.

Густав забрался в маленькую каюту, лёг на койку и заснул. Ему снилось, что он мчится на своём мопеде прямо по воде.

Профессор сидел рядом с Гансом, который управлял парусом, и глядел на море. Иногда он видел проплывающую мимо медузу, иногда рыбу.

Вдруг Ганс Шмаух крикнул:

— Это что такое? — и показал вперёд.

Это был остров, и они направили к нему лодку.

— Давайте подплывём поближе, — предложил Ганс.

— А чего там смотреть? Песок да трава, — сказал Профессор.

Они подплыли уже совсем близко к острову.

— Пальма! — завопил вдруг Ганс. — Посреди Северного моря — пальма! Кто бы мог подумать?

— Судя по её виду, она больна гриппом,— поставил диагноз Профессор.

И тут яхту здорово трянуло! Ганс и Профессор свалились с сидений.

Густав вскочил на ноги и больно стукнулся головой о потолок каюты. Ругаясь, он выполз на свежий воздух.

— Мы что, тонем? — осведомился он.

— Нет, наоборот, мы сели на мель,— сказал Шмаух.

Густав огляделся по сторонам.

— Погремушки вы, а не моряки. Мимо этой жалкой кучки песка не могли проехать? Был бы ещё настоящий остров!

Он вылез из лодки...

— Сесть на мель в открытом море — это же надо!..

— Всё из-за пальмы: я хотел разглядеть её получше,— смущённо пробормотал Ганс.

— Теперь уж налядишься на неё вдоволь! — гневно крикнул Густав и подошёл к этому причудливому растению.— Редчайший экземпляр. Пальма-то в горшке!

Профессор взглянул на часы.

— Нам пора возвращаться. Кончайте глазеть.

Они все навалились на лодку, пытаясь столкнуть её с мели. От напряжения ребята стали красные как раки. Но лодка не двигалась с места. Ни на сантиметр!

Густав разулся и вошёл в воду.

— Раз-два, взяли,— скомандовал он,— все вместе, толкайте! Раз-два, взяли!

Он поскользнулся на водорослях, плюхнулся в воду и исчез на несколько секунд.

Когда он вновь появился на поверхности, он долго отплёвывался и в бешенстве ругался. Потом снял совершенно мокрый тренировочный костюм и повесил его сушить на ветку пальмы.

— Ну вот, видишь, и тропическое растение пригодилось,— заметил Профессор.

Они снова упёрлись в нос яхты и, наверно, не меньше получаса пыхтели, как грузчики, которые переносят рояли. Но яхта, увы, не рояль. Она по-прежнему не двигалась с места.

— Чёртова посудина! — кричал Ганс.— Ну, давайте. Раз-два, взяли... Ещё раз — взяли...

Но, как они ни старались, ничего не получалось.

— Весёлая история! — сказал Густав.— Что будем делать, ребята, если нам не удастся столкнуть её с мели?

Ганс лёг на корму и закрыл глаза.

— Уберём паруса и станем островитянами. Счастье, что у нас есть с собой консервы.

— Теперь уже ничто не помешает нашему свободному развитию. Здесь нет ни телефона, ни почтового ящика. Настоящие Робинзоны!

Профессор ударил кулаком по песку.

— Мы должны вернуться! — крикнул он.— Должны!

Густав огляделся. Вокруг не было ничего, кроме воды и облаков. Он зло рассмеялся:

— Пошли пешком, Профессор, тут недалеко!

Глава одиннадцатая

ПРОВЕРКА ПАСПОРТОВ

Вечерело. Солнце зашло за облако и залило небо и море розоватым светом.

Эмиль и Вторник уже больше часа стояли на причале и ждали ребят. Эмиль приготовил им бутерброды. Вторник, сжимая под мышкой пакетик, прыгал на ножке от радости, что будет участвовать в таком интересном приключении.

В гавань один за другим возвращались парусники разных форм и размеров. Но та яхта, которую они ждали, почему-то не появлялась.

— Вот они! — крикнул Вторник, показывая на лодку, направляющуюся к причалу.

Но это были не они.

— Как-то странно,— сказал Эмиль.— Будем надеяться, что с ними ничего не случилось.

— А что с ними может случиться? Море как зеркало, полный штиль. Просто ушли небось далеко, и всё.

Эмиль крикнул проплывающей лодке:

— Вы не встречали «Кунигунду IV»?

— Нет, мы вообще девочек не видели! — крикнул парень в ответ, а его спутники рассмеялись.

— Дурак! — буркнул Вторник.

— Подождём ещё полчаса, — решил Эмиль. — Если их не будет, придётся идти в Грааль пешком, а не ехать на мопеде.

Они терпеливо ждали. Потом Эмиль вынул из кармана листок бумаги и написал записку: «Мы без вас пошли в Грааль. Поторопитесь! А то пропустите пароход». Он прикрепил эту записку к столбу, к которому привязывали «Кунигунду», так, чтобы, причалив, они её сразу заметили.

— Их всё ещё нет? — спросил Эмиль, вернувшись к Вторнику.

— Как видишь!

— Бродяги несчастные! Ну, делать нечего, придётся переть пешком.

И ребята отправились в Грааль. Они шли быстрым шагом, иногда переходя на бег. В лесу было сумрачно и влажно. Рядом тянулись болота. Тучи комаров преследовали путников. Лягушки прыгали по тропинке. Где-то вдали куковала кукушка. Через час они вышли на луг, где паслись чёрно-белые коровы. Одна из них — а может, это был даже бык — помчалась на них галопом, опустив голову. Они со всех ног бросились наутёк. Наконец они добежали до какой-то ограды, перебрались через неё и оказались на песчаной дороге, ведущей к пляжу. Корова — а может, и бык — удивлённо и серьёзно посмотрела на ребят, потом повернулась и потопала к стаду.

— Вот зверюга! — сказал Вторник, тяжело дыша. — Еле убежали. Я чуть не потерял пакет с бутербродами.

В это время Профессор на острове глядел на часы.

— Сейчас пароход отходит из Грааля, — сказал он. — С ума сойти можно!

У Ганса, лежавшего на песке под пальмой, глаза наполнились слезами.

— Я во всём виноват! Делайте со мной что хотите.

— Высказался! Несёт невесть что! — воскликнул Густав.— Господа, только в беде познаётся величие души! — заговорил он, передразнивая Ганса.— Не беспокойтесь, Эмиль и без нас покажет этому мистеру Пашульке, где раки зимуют. У Эмиля и Вторника котелки ещё варят.

— Без нас у них с погоней ничего не выйдет,— сказал Профессор.— Эмиль и Вторник — всего двое сыщиков — это мало. К тому же они наверняка всё ещё стоят на причале в Корлсбюттеле и ждут нас. Может, они как раз в эту минуту заявляют в полицию, что наша лодка пропала.

Густав был другого мнения:

— С чего это Эмиль будет обращаться в полицию? Что с нами может здесь случиться? Мы переспим ночь в каюте. Еды у нас тоже хватит. Ну, а завтра пройдёт какое-нибудь судёнышко мимо этого идиотского острова.

— Ты рассуждаешь по-своему,— возразил Профессор.— Но Эмиль ведь не знает, что мы сели на мель. Откуда ему знать?

Густав растерялся:

— Ты прав. Конечно, он этого не знает. Я иногда бываю таким дураком!

— Эмиль, наверное, думает, что мы перевернулись,— печально сказал Ганс.— Что мы уже едва держимся на поверхности, цепляясь за киль лодки, что мы вот-вот потонем.— Он так расстроился, что даже высморкался.— А завтра утром дядя возвращается из Швеции.

— Да, старик, без пощёчины дело не обойдётся,— задумчиво сказал Густав.— Может, нам лучше навсегда остаться на этом островке? Мы здесь вполне прокормимся рыбой. Не верите? А из паруса соорудим кибитку, как у кочевников. Может, на этом идиотском архипелаге есть и кремень. Тогда мы будем вылавливать брёвна и доски, сушить их и жарить на костре рыбу. Утром, в обед и вечером — рыбу. Как вам нравится моё предложение?

— Достойное тебя,— с насмешкой сказал Профессор.— Может, в один прекрасный день на этой пальме вырастут кокосовые орехи, да? В их скорлупе будем запекать яйца чаек. А кокосовое молоко лить в кофе.

— А разве у нас есть кофе? — удивился Густав.

— Столько же, сколько у тебя ума в башке! — заорал Профессор. — Ганс, а воды у нас надолго хватит?

— Если будем экономить, примерно на сутки.

— Уж будем экономить, не сомневайтесь, — строго сказал Профессор. — Нам должно хватить этой воды на два дня. Есть надежда, что завтра пойдёт дождь. Тогда мы расставим пустые консервные банки и соберём дождевую воду.

— Вот здóрово! — воскликнул Густав. — Профессор, ты, как всегда, отличный стратег.

— А продукты я запрю, — сказал Профессор. — Я сам буду их распределять.

Густав зажал себе уши:

— Прошу вас, не говорите о еде. А то я сразу захочу есть. Профессор подошёл к берегу и стал смотреть на море.

Густав ткнул Ганса в бок и тихо спросил:

— Знаешь, как он стоит?

— Нет.

— Как Наполеон на острове Святой Елены, — прошептал Густав и захихикал.

Когда пароход причалил в Корлсбюттеле, Эмиль и Вторник, сидевшие в каюте, кинулись к иллюминатору.

— А вдруг Байрон не сядет, что тогда? — спросил Вторник.

— Тогда мы с быстротой молнии выскочим на палубу и спрыгнем прежде, чем они успеют убрать чалку, — объяснил Эмиль. — Но ты зря волнуешься: вот он идёт.

Мистер Байрон и Макки поднялись по трапу. У них было несколько больших чемоданов. Акробат подошёл к перилам, Макки сел на скамью. Отдали концы, заработал мотор. Пароход медленно отчаливал.

Мальчики в каюте глядели в иллюминатор на берег. Освещённые окна домов становились всё меньше и меньше. За бортом плескалась вода.

— Пахнет нефтью, — прошептал Вторник, — мне плохо.

Эмиль открыл иллюминатор — в каюту ворвался холодный ночной воздух. До них долетали солёные брызги. Вторник высунул голову и глубоко вздохнул, потом сел на диванчик, улыбнулся Эмилю и сказал:

— Если бы мои родители знали, где я!

Эмиль тоже подумал о своей маме в Нейштадте и о бабушке в Копенгагене. Потом он взял себя в руки и похлопал Вторника по коленке:

— Ничего, малыш, всё будет в порядке. Не унывай. И смотри в оба. В Хайдекруге должен сесть Ганс. Тогда мы будем знать, что все на своих постах. А остальное — пустяки!

Но Эмиль ошибся: Ганс Шмаух не сел на пароход в Хайдекруге! Ещё больше Эмиля этому удивился господин Байрон. Он устроился рядом с Макки и почесал затылок. Они плыли мимо темнеющего в ночи леса.

Эмиль встал. Вторник испуганно вскочил вслед за ним.

— Куда ты? — прошептал он.

— Время действовать, — сказал Эмиль. — Ребята почему-то задержались. Значит, мы должны сами всё проделать. Пошли! Они поднялись по лестнице и стали бродить по палубе.

Под дымящей трубой за чемоданами сидели мужчина и мальчик.

Эмиль подошёл к ним. Вторник, который всё ещё держал в руке пакет с бутербродами, стал рядом.

— Мистер Байрон, мне надо с вами поговорить, — сказал Эмиль.

Байрон удивлённо поднял глаза:

— В чём дело?

— Я пришёл по поручению моего друга, — сказал Эмиль. — Мы знаем, что вы ждёте Ганса Шмауха, который должен был сесть на пароход в Хайдекруге. Мы знаем также, что вы хотите с ним бежать.

У мистера Байрона глаза засверкали от злости.

— А почему он не пришёл? Это твоя работа, гадёныш?

— Выбирайте, пожалуйста, выражения. Я ведь вас не обзываю.

— Валяй, Эмиль, не стесняйся,— сказал Вторник.

— Ах, тут, оказывается, ещё один гадёныш!

— Добрый вечер, господин Пашульке,— сказал Вторник.

Байрон криво усмехнулся.

— Мы пришли к вам из-за Джекки,— объяснил Эмиль.— Как вам только не стыдно бросить мальчишку среди ночи на произвол судьбы!

— Он мне больше не нужен!

Вторник решительно вышел вперёд:

— А почему? Потому, что он стал слишком тяжёл для вас. Мы всё знаем. Но разве это основание?

— Ещё бы! Я не могу с ним больше работать, и мой репертуар от этого сильно страдает. Я артист! Вы в состоянии это понять? Я мог бы выступать в Лондоне в «Колизее»! Как это я два года назад не догадался, что этот щенок будет так быстро расти! Убиться можно!..

Эмиль пришёл в ярость:

— Ну и убивайтесь! Мы вам мешать не будем. Я не понимаю, как человек может быть таким бездушным. А что будет с Джекки?

— Может, ему просить милостыню? — вкрадчиво спросил Вторник.— Или утопиться в море? Вы хотите, чтобы его забрали в колонию? Мы этого не допустим, учтите!

— Мы с ребятами решили,— сказал Эмиль,— что вы должны вернуться с нами в Корлсбюттель.

— Вы решили! — Мистер Байрон сделал страшные глаза.— Не суйте нос в чужие дела, птенцы желторотые. Лучше учите уроки.

— У нас сейчас каникулы, господин Пашульке,— заметил Вторник.

— Мы ни за что не допустим,— сказал Эмиль,— чтобы вы делали несчастным одного из ваших близнецов только потому, что он растёт. Я ещё раз предлагаю вам вернуться с нами назад. Через несколько минут мы прибудем в Варнемюнде. Там нас ждут друзья. Если вы решите ехать дальше, мы передадим вас полиции.

Ссылка на полицию пришлось мистеру Байрону явно не по вкусу.

— Ну, так как? — спросил Эмиль после нескольких минут тягостного молчания. — Вы будете выполнять свои отцовские обязанности? Или предпочитаете попасть в полицию?

— Отцовские обязанности? — переспросил атлет с заметным облегчением.

— Вот именно, господин Пашулке. Вам эти слова незнакомы?

Мистер Байрон зловеще рассмеялся:

— Так вот почему этот клоп всё называет меня Пашулке. Моя фамилия вовсе не Пашулке.

Мальчики так и ахнули:

— А как?

— Андерс.

— У вас есть при себе какой-нибудь документ?

— Паспорт.

— Разрешите мне посмотреть ваш паспорт, — вежливо попросил Вторник. А так как атлет не обратил никакого внимания на его слова, Вторник добавил: — Впрочем, можете предъявить паспорт полиции, если вам это больше нравится.

Мистер Байрон вынул паспорт из кармана. Вторник взял его и стал изучать с тщательностью пограничника.

— Верно, — сказал наконец Вторник. — Мистер Байрон по паспорту в самом деле Андерс.

И Вторник прочитал:

— «Профессия — артист. Рост — выше среднего. Сложение — атлетическое. Лицо — обыкновенное. Цвет волос — чёрный. Особые приметы — татуировка на правой руке». — Он вернул паспорт. — Всё в порядке. Благодарю вас.

— Так вы в самом деле не отец Джекки?

— Нет, — буркнул Андерс. — Я не его отец и даже не мать. Джекки и Макки вовсе не близнецы. И даже не братья. Макки в действительности зовут...

— Джозеф Кортерхан, — сказал сам Макки. — А фамилия Байрон и наши имена — Джекки и Макки — всё это только для

сцены. Мне, конечно, тоже жалко Джекки, что говорить! Но мы в самом деле не можем больше с ним работать. Парню не повезло — он слишком быстро растёт.

Лучи варнемюндского маяка уже освещали море и небо. И приветливо светились окна гостиницы.

Эмиль всё ещё был пришиблен, но он взял себя в руки и сказал:

— И всё же я считаю несправедливым, что вы вот так бросили бедного мальчишку. Мы все чувствуем себя ответственными за его будущее. Потому я вынужден вас попросить передать мне для него деньги. Чтобы он мог прожить хотя бы несколько недель, пока не устроится.

— И не подумаю давать незнакомым мальчишкам деньги! — возмутился Андерс.

— А мы вам дадим расписку, — сказал Эмиль, вынимая из кармана лист бумаги.

— А если я не дам? — с издёвкой спросил Андерс.

— Тогда мы передадим вас полиции, — сказал Эмиль.

— Да я ведь не отец Джекки! — воскликнул Андерс. — При чём здесь полиция?

— Пусть полиция в этом разберётся, — невинно сказал Вторник. — Им виднее.

— Я пишу вам расписку на сто марок, — сказал Эмиль, подходя к фонарю.

— Вы что, с ума сошли? — спросил атлет. — Сто марок? Да я вас в порошок сотру!

— Не советую, — сказал Вторник.

— Это слишком много, — вмешался Макки. — Мы не можем столько отдать, а то нам самим не хватит.

— Врёшь? — спросил Вторник.

— Нет, честно, — сказал Макки.

— Хорошо, тогда пятьдесят, — решил Эмиль. Он написал расписку и сказал Вторнику: — И ты тоже подпиши.

Когда Вторник расписался, Эмиль протянул листок Андерсу. Но мистер Андерс ничего не протянул ему в ответ.

Пароход подходил уже к причалу.

— Как вам угодно, — серьёзно сказал Эмиль. — Что ж, хорошо. Я пошёл за капитаном. — И Эмиль направился к капитанскому мостику.

— Há, возьми! — крикнул мистер Байрон. Он в бешенстве вытащил бумажник из кармана пиджака и ткнул Эмилю бумажку.

— Всё точно, пятьдесят марок, — сказал он. — Возьмите, пожалуйста, расписку.

— Плевать я на неё хотел! — заорал атлет. — Убирайтесь к чёрту!

И Андерс, схватив свои чемоданы, сошёл на берег. Макки поплёлся за ним следом, но, перед тем как скрыться в толпе, обернулся и крикнул:

— Передайте от меня привет Джекки!

Эмиль сирятал расписку в карман брюк.

Вскоре Эмиль и Вторник уже стояли на вокзале и изучали расписание. Эмиль пожал плечами.

— Сегодня больше нет поездов, малыш, — сказал он. — И парохода тоже. Но мы всё-таки непременно должны немедленно вернуться в Корлсбюттель. Надо выяснить, что с ребятами. Надеюсь, они уже дома.

— Выходит, пойдём пешком? — спросил Вторник.

Эмиль кивнул.

— Думаю, за три часа дойдём.

Эмиль кивнул.

— Ну что ж, в путь! — усталым голосом сказал Вторник. — Марш по ночной пустыне начинается. Мне кажется, что я солдат иностранного легиона.

— А мне вообще уже ничего не кажется, — сказал Эмиль.

Час спустя телега обогнала на тёмном шоссе двух мальчишек. Они едва плелись. Возница остановился.

— Вы куда? — спросил он.

— В Корлсбюттель, — ответил тот, что побольше. — Вы нас не подвезёте?

— Садитесь. Но только, чур, не спать. А то ещё свалитесь.

Эмиль помог Вторнику залезть на телегу, сам уселся рядом с ним, и они тронулись. Через минуту Вторник уже спал. Эмиль держал его за руку, чтобы он не свалился, и глядел на лес и на звёздное небо. Он передумывал всё, что случилось за день. Он в чём-нибудь ошибся? Что теперь будет с Джекки? И куда делась Густав, Профессор и Ганс?

Во сне Вторник обнял Эмиля за шею. Над верхушками деревьев пролетела сойка. Заржала лошадь. Возница что-то забормотал, чтобы её успокоить. Потом он повернулся — видно, хотел спросить что-то у ребят. Но, увидев, что малыш крепко спит, обняв старшего, снова уставился на дорогу.

Эмиль чувствовал себя очень одиноким.

Глава двенадцатая

ВОЗВРАЩЕНИЕ КАПИТАНА

В среду рано утром капитан Шмаух вернулся в Корлсбютель. Грузчики уже ждали на причале, а капитан показывал свой груз таможенникам. Когда все формальности были выполнены, капитан сошёл на берег. Было прохладно, и он направился в гостиницу, чтобы выпить горячего кофе.

— Вы случайно не знаете, куда делся ваш племянник? — спросил, едва завидев капитана, хозяин гостиницы.

Капитан от души рассмеялся:

— Как всегда, шутит. Пришлите-ка мне сюда мальчишку, я хоть погляжу на него.

— Да его здесь нет! У него вчера был выходной день, он ушёл и не вернулся. Со вчерашнего вечера исчезли также мистер Байрон и меньший из близнецов.

Капитан вскочил.

— Кофе не надо! — крикнул он на ходу и помчался, насколько ему позволяли его старые ноги, в гавань, где стояли яхты.

Его лодки там не было! У него прямо ноги подкосились. Он растерянно оглянулся по сторонам. И тогда он заметил записку на столбике, к которому привязывают лодки.

Он нагнулся, достал записку и прочёл её.

Капитан с трудом выпрямился и, тяжело дыша, побежал назад, в город. Наконец он достиг виллы «Морская». Он распахнул садовую калитку и позвонил в дверь. Она была заперта. Тогда он обежал вокруг дома и заглянул на террасу.

У стола сидел Эмиль Тышбайн. Он спал, опустив голову на руки.

На диванчике у стены лежал Вторник и тоже спал. Он был с головой накрыт шерстяным одеялом, торчал только его чуб.

Дверь террасы тоже оказалась запертой. Капитан постучал пальцами по стеклу. Сперва тихонько. Но мальчики не просыпались. Тогда он стал барабанить всё громче и громче.

В конце концов Эмиль поднял голову. Он был совсем сонный. Но вдруг глаза его сделались осмысленными, он с удивлением обвёл взглядом террасу — видно, что-то вспомнил, — пригладил рукой взъерошенные волосы, вскочил с места и отпер двери.

— Где Ганс? — крикнул с порога капитан.

Эмиль быстро рассказал всё, что знал.

— Из Варнемюнде мы вернулись среди ночи. Вторник никак не мог проснуться. Я снял его с телеги, кое-как дотащил сюда и уложил на диванчик. Сам я сел за стол и решил не спать до утра, чтобы как можно раньше сообщить портовой полиции, что лодка не вернулась. Кроме того, мне надо было как-то подготовить Джекки к тому, что случилось, и дать ему в утешение эти пятьдесят марок. И ещё я собирался, если сразу не найду яхту, дать телеграмму в Копенгаген, в гостиницу «Англетер». — Эмиль пожал плечами. — Всё это я хотел сделать на рассвете, но, видно, сам не заметил, как заснул. Извините меня, капитан. Что вы теперь будете делать?

— Найму все лодки, какие только найду в гавани, — сказал капитан, стоя уже в дверях. — Они начнут поиски. Разбуди своего друга, и приходите в гавань.

И он убежал.

Эмиль подошёл к диванчику и тряс Вторника до тех пор, пока не разбудил его. Они быстро почистили зубы, развязали па-

кет с бутербродами, который Вторник таскал с собой накануне весь день, и выбежали из дому, жуя на ходу.

На перекрёстке Эмиль остановился:

— Малыш, беги в гавань. Может, ты будешь нужен капитану. А я разбужу Джекки и приведу его с собой.

И Эмиль побежал в гостиницу.

Спустя полчаса двадцать два рыбацких катера, пять парусных яхт и семь моторок вышли из гавани Корлсбюттеля в открытое море. За молом они веером разошлись в разные стороны. Договорились, что лодки не будут терять друг друга из виду.

Капитан Шмаух сидел у руля в моторной лодке «Аргус». Владелец лодки, какой-то фабрикант, предоставил её в распоряжение капитана. Эмиль, Вторник и Джекки стояли на коленях у борта и не спускали глаз с воды. Море было беспокойное, и лодка порой так накренилась, что ребят с головой обдавало солёной водой.

— Кажется, я вас ещё не поблагодарил,— сказал Джекки.— Это потому, что я испугался. Особенно в первую минуту. Короче, большое вам спасибо. И за деньги тоже.— Он пожал ребятам руки.— Ну, а теперь мне надо успокоить капитана. Ему небось ещё страшнее, чем мне.— Он пересел поближе к капитану и ободряюще ему кивнул.— Вы только не волнуйтесь. Я уверен, что ничего плохого не случилось. Это я всегда наперёд знаю. У меня есть шестое чувство.

Капитан напряжённо смотрел в одну точку прямо перед собой.

Джекки оглянулся. Слева вдалеке вырисовывался тёмный силуэт рыбацкого катера, справа белела яхта.

— Один вопрос, капитан. Здесь есть песчаные косы? Мели? Маленькие острова? Короче, что-то в этом роде?

Старый моряк на секунду выпустил из рук руль. Лодку мгновенно подхватили волны, и она закружилась волчком. Но капитан тут же снова схватил штурвал и моторка послушно запрыгала по волнам.

— Парень, — крикнул он в волнении, — это мысль! Если бы ты оказался прав!

Больше он ничего не сказал. Но изменил курс.

Наши робинзоны проснулись очень-очень рано. Они жутко замёрзли, вылезли из каюты и стали делать гимнастику, чтобы немножко согреться.

Потом каждый выпил несколько глотков воды и съел немного консервов. Это был их завтрак. Пустые консервные банки стояли на песке в ожидании дождя. Но дождём и не пахло. Напротив, впервые за много дней небо было ослепительно синее, без единого облачка.

— Я и не знал, что прекрасная погода может так огорчать, — сказал Густав. — Век живи, век учись!

Но Профессор злился:

— Если бы у нас не было пустых консервных банок, дождь лил бы как из ведра. Так всегда бывает.

— Но во всём есть всегда и хорошее, — возразил Густав. — Подумай, как было бы глупо, если бы ты уже написал сочинение про интересное летнее приключение! Теперь ничего не придётся выдумывать. А то тебе пришлось бы сжечь сочинение.

— Я что-то не уверен, придётся ли нам ещё когда-либо писать сочинения, — буркнул Профессор.

— Это бы я уж как-нибудь пережил, — сказал Густав. — Но как подумаю, что больше не увижу своего мопеда, прямо выть готов.

И он стал что-то насвистывать.

Ганс снял свою белую рубашку и повесил её на мачту вместо флага.

— Может, так нас легче найдут!

Потом они ещё раз навалились на «Кунигунду» и попытались её сдвинуть. Она по-прежнему не шелохнулась.

— За ночь она, видно, пустила корни. Нет смысла зря тратить силы.

Они легли на песок, и тогда Ганс сказал:

Наши путешественники оказались одни на необитаемом острове.

— Послушайте! Я виноват в том, что случилось. Воды у нас хватит до завтрашнего утра. Если нас за день не подберут, я надену спасательный круг и попытаюсь доплыть до берега. Может, где увижу катер или пароход.

— Ни за что! — крикнул Густав. — Если кому-нибудь из нас пускаться вплавь, то уж, конечно, мне!

— Я эту кашу заварил, — сказал Ганс, — мне её и расхлёбывать.

— Так нельзя рассуждать. Поплывёт тот, кто лучше плавает, — сказал Густав. — Ясно?..

— Значит, я, — сказал Ганс.

— Нет, я.

— Я поплыву.

— Нет, я!

Оба вскочили: они готовы были растерзать друг друга. Но Профессор кинул обоим по горсти песка в лицо. Они стали отплёвываться и тереть глаза.

— Вы что, совсем рехнулись? — спокойно осведомился Профессор. — Ложитесь-ка лучше и поспите несколько часов. Во время сна не хочется ни есть, ни пить, хоть запасы сэкономим.

Они послушно растянулись на песке и закрыли глаза. Профессор сел в лодку, прислонился к мачте и стал глядеть вдаль.

Моторка «Аргус» неслась по волнам. Когда ребята, забывшись на секунду, переставали держаться за борт, они тут же слетали со скамейки. У Вторника на лбу уже была большая шишка. А капитан сидел у руля неподвижно, как монумент.

— Вон там! — крикнул он вдруг и показал куда-то вперёд. Но они ничего не увидели.

— Белый флаг! — крикнул он в восторге. — Это они! — Он кивнул Джекки. — Твой вопрос стоил дорогого, мой мальчик.

— Какой вопрос, капитан?

— Есть ли здесь остров. Ребята попали на остров с пальмой и сели на мель. Ну, уж я им задам перцу!

— Я знал, что ничего плохого не случилось,— сказал Джекки.

У капитана уже отлегло от сердца, он хохотал:

— Ну да, верно, у тебя ведь есть шестое чувство!

— Я тоже вижу что-то белое! — воскликнул Эмиль.—
И мачту.

— И я! — крикнул Джекки.

А Вторник всё ещё ничего не видел. Эмиль попытался ему объяснить, куда смотреть, и тут он заметил, что Вторник плачет. Слёзы градом катились по его загорелым щекам.

— Что с тобой, малыш?

— Я так рад, так рад...— прошептал Вторник.— Но Густаву и Профессору лучше не рассказывай, что я ревел. Не то ещё воображать начнут, погремушки!

И он засмеялся сквозь слёзы.

— Я уже вижу три силуэта! — крикнул капитан.— И мою «Кунигунду» тоже. Ну, подождите, детки! Сейчас мы до вас доберёмся!

Густав и Ганс прыгали и скакали по островку, как негры во время танца. Они махали руками и орали не своим голосом.

Профессор не сдвинулся с места; он чертил что-то пальцем по песку. Потом он всё же встал, собрал пустые консервные банки и задумчиво стал швырять их одну за другой в воду.

Ганс забрался на мачту, снял свою рубашку и быстро её надел. «Аргус» был уже совсем близко: капитан выключил мотор и бросил конец. Ганс его ловко поймал и привязал к корме парусника, Теперь лодки стояли рядом.

— Ура, погремушки! — вопил Густав.

Капитан первым перепрыгнул с «Аргуса» на «Кунигунду IV».

Племянник подошёл к нему и сказал:

— Дядя, я во всём виноват.

Капитан отвесил ему оглушительную пощёчину и сказал:

— Слава богу, вы все живы и здоровы.

Возвращение огромного спасательного флота и прибытие потерпевших кораблекрушение вызвало всеобщее ликование. На причале, на набережной и даже в окрестных переулках толпились люди и приветственно махали руками.

Капитан велел ребятам не спеша идти в гостиницу. А сам отправился с рыбаками в деревенский кабачок и угостил всех пивом. Поблагодарив за помощь, он быстро со всеми распрощался и торопливо зашагал в гостиницу. Он повёл ребят в ресторан и заказал роскошный обед.

Они заняли отдельный кабинет, чтобы чувствовать себя свободней. Каждый уплетал за двоих, но это не мешало им разговаривать. Они рассказали друг другу всё, что произошло, во всех подробностях. Ганс Шмаух, хотя он и был учеником официанта, тоже сидел за столом, и его шеф, официант Шмидт, старательно его обслуживал.

На сладкое подали шоколадный пудинг с ванильным соусом.

— Я предлагаю дома пока не рассказывать о вашей робинзонаде,— сказал капитан.— Завтра возвращаются ваши из Дании. Их незачем волновать этим происшествием. А если что-нибудь выяснится, валите всё на меня. Уж я как-нибудь выпутаюсь.

Эмиль и Профессор вскочили.

Капитан жестом усадил их на место.

— Я знаю, что вы хотите сказать. Вы, конечно, горды и желаете сами отвечать за свои проступки.— Он покачал головой.— Хватит того, что у меня заболел живот. Пощадите взрослых! У нас, взрослых, слабые нервы!

Эмиль и Профессор снова сели.

— Ну вот,— ласково сказал капитан.— А теперь дядя Шмаух пойдёт торговать древесиной.

И он попросил счёт.

После обеда мальчики побежали в гавань. Только Ганс

остался в гостинице и снова превратился в ученика официанта. А ребята взяли из «Кунигунды» корзину с остатками продовольствия и торжественно водворили её в кладовую виллы «Морская».

— Сегодня я дежурный, — важно заявил Густав.

Потом они послали Джекки в гостиницу за вещами и поставили ему у себя в комнате раскладушку, потому что в гостинице он жить больше не мог.

— А теперь неплохо бы выспаться, — сказал Профессор, который, несмотря на тропическую пальму, простудился на острове и говорил в нос.

— Нет, сон придётся пока отложить, — заявил Эмиль. — Надо подумать, как помочь Джекки. Здорово, что из Андерса удалось выколотить пятьдесят марок, но долго на это не проживёшь. У Джекки нет ни родителей, ни родных. Сможет ли он выступать один, ещё неясно. Что вы предлагаете?

Вторник поднял руку.

— Мы сейчас отправимся в сад. Нас четверо сыщиков, а в саду — четыре угла. Каждый из нас сядет в свой угол и будет напряжённо думать. А потом мы по очереди скажем, что придумали.

Это предложение было принято, и ребята разошлись по углам. Погода была на редкость прекрасной. Цикады играли на своих мандолинах. В траве прыгали кузнечики. В ольшанике свистели иволги.

Минут через пять они собрались, как и было условлено, у большого зелёного стола в саду.

— Если я не ошибаюсь, одного сыщика нет, — сказал Эмиль.

— Вы проникательны, — подыграл ему Вторник. — Нет Густава.

Они побежали в тот конец сада, куда ушёл Густав, и увидели, что мотогонщик спит, растянувшись на траве.

— Вставай, горим! — тряхнул его Профессор.

— Что случилось? — пробормотал Густав, с трудом открывая глаза.

— Ты же должен думать, а не спать,— сказал Вторник.

Густав сел и проворчал:

— Ходят здесь всякие и только мешают сосредоточиться!

— Ах, вот как! Ты сосредоточился, а мы тебе помешали.
Ну и что же ты придумал?

— Ноль, погремущки! Ничего!

Все рассмеялись и двинулись к столу.

— Заседание объявляю открытым,— сказал Профессор,— слово предоставляется Эмилю.

Эмиль встал.

— Уважаемые коллеги... В пятницу, то есть послезавтра, здесь пойдёт фильм «Эмиль и сыщики». Мы решили сохранить нашу тайну и пойти в кино, как обычные зрители. Но мне кажется, мы сможем помочь Джекки, если скажем зрителям, кто мы такие. Это, правда, не в наших правилах. Но тут, как говорится, «игра стоит свеч». Владелец кино может сообщить об этом через местную газету. И на афишах наклеят дополнительное объявление, что на сеансе будут присутствовать сами сыщики. Тогда, наверное, придёт больше детей, чем обычно, и он заработает больше обычного. А за это пусть он отдаст Джекки весь сбор с первого сеанса.

Все кивнули.

— Никто не возражает? — спросил Профессор. — Предложение несколько необычное, но толковое. Значит, чтобы помочь Джекки, нам придётся сказать, кто мы. — Профессор сделал выжидательную паузу. — Кто «за»? Единогласно! Впрочем, другого выхода нет. А теперь я предоставляю слово себе. Я предлагаю, чтобы кто-нибудь из нас пошёл в редакцию местной газеты и поговорил с редактором. Пусть там напечатают статью, которую напишет один из нас. В этой статье мы расскажем, как Андерс бросил Джекки на произвол судьбы. И ещё напишем, что все дети, которые здесь живут, должны собрать для Джекки деньги. И что через несколько дней в газете сообщат, сколько они собрали.

— Отлично! — крикнул Густав. — Кто «против»? Никого? Принято единогласно. Слово имеет Вторник.

— Я предлагаю, чтобы Густав объехал на мопеде все окрестные пляжи и повсюду рассказал бы ребятам, что случилось. Может, на пляжах надо даже вывесить плакаты с призывом помочь Джекки. Дети будут читать эти плакаты и рассказывать другим.

— Отлично! — закричали остальные.

— Нам здорово повезло, что я ничего не придумал. Хотя бы с этим управиться, — сказал Густав.

Они ещё немного поговорили, а потом пошли на террасу и написали цветными карандашами восемь плакатов.

Густав вывел свою машину, Вторник сел на багажник со свёртком под мышкой. И они умчались.

Наконец пришёл Джекки со своими вещами. Эмиль и Профессор велели ему сидеть дома и ждать их. А сами тут же убежали, не сказав, куда они так спешат.

Когда Эмиль зашёл к директору кинотеатра «Маяк», тот закричал:

— Нет времени! Я занят! Приходи в другой раз!

Минут через пять господин Бартельман оторвался от своих бумаг и увидел, что мальчик всё ещё стоит перед его столом.

— Ты не ушёл? Ну, в чём дело?

— Я — Эмиль Тышбайн.

Господин Бартельман откинулся на спинку кресла.

— Кто, кто?

— Эмиль Тышбайн, о приключениях которого вы будете показывать фильм.

— Очень рад познакомиться, — сказал директор. — Правда, искренне рад. Ну, и что?

Эмиль изложил директору план сыщиков. Директор закрыл глаза — иначе он не умел думать. Потом поцокал языком, как жокей, когда ему показывают новую лошадь. Короче говоря, директор почуял выгодное дело.

— Хорошо, — сказал он, — вы получите весь сбор от первого сеанса, если обещаете в течение недели выступать каждый вечер.

— В течение недели! — воскликнул Эмиль. — Каждый ве-

чер? Нам и один раз выступить неприятно. Мы ведь не клоуны.

— Без труда не вытащишь и рыбку из пруда,— сказал директор.

Мальчик подумал.

— Что ж, ладно,— согласился он наконец.— У нас нет выхода. Но тогда вы нам отдадите сбор со всех сеансов первого дня. То есть с трёх сеансов.

Директор снова зажмурился.

— Из тебя выйдет толк,— сказал он.— Договорились!

И он напечатал на машинке текст договора. Под копирку. Они оба подписали по два экземпляра, и каждый получил свой.

— Порядок! — сказал директор.— В пятницу без опозданий!

Эмиль ушёл. Договор хрустел у него в кармане.

Директор «Маяка» сразу же дал по телефону большое объявление в газету. Потом он позвонил в агентство рекламы и заказал дополнительно красные полосы к уже расклеенным афишам фильма «Эмиль и сыщики» со следующим текстом: «В течение недели сам Эмиль и все сыщики будут выступать после каждого сеанса!»

В это время Профессор сидел в редакции газеты и писал «Призыв к детям». Он рассказал про Джекки, про его беду и призвал ребят собирать деньги, чтобы помочь маленькому артисту. И подписал: «От имени Эмиля и сыщиков — Теодор Хаберланд, по прозвищу Профессор».

Он отнёс текст в кабинет редактора. Редактор медленно прочёл статью Профессора, позвал рассыльного и отправил его в типографию со словами: «Срочно набрать на первой полосе».

Зазвонил телефон. Редактор снял трубку.

— Вызывают из Грааля,—сказал он.— Кто это? Вторник? Какой Вторник? А, понятно. Да, он как раз сидит у меня.

Профессор взял трубку и спросил:

— Что нового? Так. Так. Очень хорошо. Да, текст плака-

тов пусть остаётся без изменений. Наше обращение появится завтра в газете. Устал? Я тоже. Ну, всего. Пароль «Эмиль».

— А что за плакаты? — спросил редактор.

Профессор рассказал, в чём дело.

— Да это же образец солидарности! — воскликнул редактор с воодушевлением.— Кстати, твоё обращение прекрасно написано. Ты кем хочешь быть, когда вырастешь?

— Ещё не знаю. Когда я был маленький, я хотел стать строителем. Теперь уже нет. Теперь меня больше интересует расщепление атома и всё про электроны. Я это ещё толком не понимаю. Но, наверное, это великолепная профессия. Ну, а теперь мне пора.

Он встал и поблагодарил редактора.

— Рад был познакомиться,— сказал редактор и проводил Профессора до двери.

А в это время на пляже в Граале Густав и Вторник прикрепляли кнопками к чёрной доске, на которой обычно вывешивали разные объявления первый плакат.

У доски остановилось несколько детей.

Густав погудел клаксоном.

Дети бежали сюда со всего пляжа. Подошли и взрослые. Плакат у всех вызывал интерес.

Вторник сказал Густаву:

— Нам надо, наверное, что-нибудь сказать. Подними-ка меня.

Густав опустился на колени, Вторник забрался к нему на плечи. Когда Густав снова встал на ноги, воцарилась тишина.

— Уважаемая публика! — крикнул Вторник.— Мы приехали сюда, чтобы попросить у вас помощи. Конечно, не для себя. А для мальчишки, которому сейчас очень паршиво. Кое-что об этом вы узнаете из нашего плаката. Подробнее прочтёте завтра в местной газете. Кто не умеет сам читать, пусть попросит старших. Мы сегодня ещё побываем на семи других

Вторник забрался на плечи Густаву.

пляжах и надеемся, что все ребята откликнутся на наш призыв. Мои друзья — это Эмиль и сыщики. Я говорю это, чтобы вы не подумали, что мы можем вас обмануть. Кое-кто, наверное, уже слышал о нас. Мальчик, у которого я сижу на плечах, — это Густав с клаксоном.

Густав поклонился, а Вторник при этом чуть не упал на песок.

— А ты, наверное, малыш Вторник? — спросила какая-то девочка. — Я угадала?

— Так точно. Но всё это не так важно. Главное, чтобы мы собрали деньги для Джекки. А теперь нам надо ехать дальше. Густав, спусти меня.

— погоди! — буркнул Густав. — Наконец и я что-то придумал. Слушайте все! — крикнул он громко. — Деньги, которые вы соберёте, можете положить на сберкнижку!

— Пока! — крикнул Вторник. — До встречи в кино «Маяк». Пароль «Эмиль».

— Пароль «Эмиль»! — многоголосым хором ответили ему дети Грааля.

Мопед подпрыгивал на неровной лесной дороге. Густав гудел. Оставалось развесить ещё семь плакатов с призывом помочь Джекки Байрону, вернее, Паульхену Пашульке.

Глава четырнадцатая **СЕРЬЁЗНЫЙ РАЗГОВОР**

В среду путешественники вернулись из Дании в Корлсбюттель. Клотильда была бледна как смерть. Её замучила морская болезнь, и она уверяла, что и сейчас ещё земля колеблется у неё под ногами.

Выпив капли, которые ей дал советник, она тут же убежала на кухню.

Всё оказалось там в идеальном порядке. Клотильда просто глазам своим не верила.

Советник спросил ребят, произошли ли в их отсутствие какие-нибудь интересные события. Мальчики хотели было рас-

сказать об острове с пальмой, но вспомнили совет капитана и смущённо покачали головами.

— Я так и думал,— сказал советник и улыбнулся.— Твоя мать, Тео, в ночь на среду вдруг очень разволновалась: ей показалось, что вам грозит какая-то опасность. Вот лишние доказательства того, что все эти предчувствия — суцая ерунда.

Сыщики переглянулись, но благоразумно промолчали. Вторник взял свою пижаму, зубную щётку, поблагодарил за гостеприимство и отправился в пансион к родителям.

Потом Профессор рассказал отцу про их неудачную попытку заставить мистера Байрона вернуться и про их план помощи Джекки.

— Знаешь, Джекки ночевал сегодня у нас на раскладушке. Сейчас он пошёл в гости к Гансу. Если вы с мамой не против, он пока поживёт у нас.

Господин Хаберланд не возражал.

— Вы хорошо воспользовались своей самостоятельностью,— сказал он.— Хоть снова уезжай за границу.

Ребята, конечно, опять почувствовали себя неловко.

— Иногда взрослые всё же нужны,— сказал Густав, как всегда, необдуманно.

Мальчики перепугались. Эмиль наступил Густаву на ногу. Густав охнул.

— Что с тобой? — спросил советник.

— Живот заболел,— сказал Густав.

Советник тут же принёс желудочные капли, и, хотя Густав был здоров как бык, ему пришлось, ни слова не говоря, выпить лекарство.

Ребята ехидно улыбались.

— Если тебе не станет лучше, я дам тебе через десять минут ещё двадцать капель.

— Нет, нет! — закричал Густав.— Я уже в полном порядке.

— Это замечательное средство.— Советник был доволен.— Оно действует безотказно.

...После обеда пришёл капитан. Все ещё сидели за столом. Поздоровавшись, он вынул свежую газету и сказал:

— Ну, ребята, вот это размах! Ради этого Джекки вы подняли на ноги чуть ли не всё побережье. Кстати, где он?

— У вашего племянника,— ответил Эмиль.

Все сгрудились над газетой. Только Профессор не двинулся с места, хотя ему до смерти хотелось посмотреть, как выглядит его призыв.

Потом капитан показал объявление, где говорилось, что Эмиль и сыщики будут в течение недели выступать в кино после каждого сеанса и что весь сбор первого дня пойдёт в пользу Джекки Байрона.

Пони была в восторге.

— Какое мне надеть платье? — спросила она взволнованно.— А может, позвонить, чтобы прислали из Берлина моё новое?

— Неужели это может доставить тебе удовольствие?! — изумлённо воскликнул Густав.

— Какой ужас! — сказал Профессор.— Нас будут разглядывать, как колбасу на витрине.

— Ничего не поделаешь,— сказал Эмиль.— Есть ради чего страдать.

Пони встала.

— Ты куда? — спросила бабушка.

— Позвоню домой насчёт платья.

— И не думай! Садись на место! — приказала бабушка. Она сокрушённо покачала головой.— Как глупы женщины!

— Верно,— сказал Густав. —Она уже считает себя великой артисткой. Гретой Гарбо!

— Идиот! — буркнула Пони.

Он сделал вид, что не слышал, и сказал:

— Если бы я был девчонкой, я бы с горя ушёл в монастырь.

— А если бы я была мальчишкой,— ответила Пони,— я бы дала тебе по шее.

...Капитан пошёл в гостиницу, чтобы поговорить с Джекки. Но мальчика в гостинице не оказалось. Капитану сказали, что он на теннисном корте. Там капитан его и нашёл. Джекки бежал и подбирал укатившиеся мячи. Увидев капитана, он радостно окликнул его:

— Привет, капитан!

— Привет, Джекки. Я хочу с тобой поговорить.

— К сожалению, сейчас никак не могу! — крикнул Джекки, кидая игроку два мяча и подымая три других, укатившихся с корта.— Я, как видите, работаю. Пятьдесят пфеннигов в час. Надо же зарабатывать на хлеб, верно? Я вообще не люблю болтаться без дела.

— Понятно,— сказал капитан.— Когда ты освободишься?

— Ровно через час, если меня не задержат.

— Тогда приходи ко мне ровно через час, если тебя не задержат.

— Есть, капитан! — крикнул Джекки и снова кинул игроку два мяча.

— Жду! — крикнул в ответ капитан и зашагал домой.

Бабушка, Эмиль и Пони отправились погулять в лес.

Пони отстала — она собирала цветы.

— Ты регулярно пишешь маме? — спросила бабушка Эмиля.

— Конечно. Она мне тоже пишет через день.

Они сели на траву. На ветке берёзы раскачивалась золотистая овсянка. По дорожке деловито рассказывала цапля.

— Я ей тоже написала. Из Копенгагена,— сказала бабушка, глядя на майского жука, который медленно расправил крылья и улетел.— Скажи, тебе нравится старшина Йешке, мой мальчик?

Эмиль испуганно поднял глаза.

— Разве ты об этом знаешь?

— Ты, может быть, недоволен, что моя дочь спрашивает моего совета, выходить ли ей снова замуж?

— Уже давно решено, что они поженятся.

— Ничего не решено,— возразила бабушка.— Ничего не решено.

Прибежала Пони, показала свой букет и крикнула!

— Я, кажется, хочу стать садовницей.

— Я согласна, я согласна, чтобы ты стала садовницей. На прошлой неделе ты хотела стать медсестрой. Две недели назад — фармацевтом. Продолжай в том же духе, продолжай в том же духе. Вот только если скажешь, что будешь пожарником, я тебе не поверю.

— Трудно найти себе профессию по душе,— сказала Пони.— Если бы у меня было много денег, я купила бы самолёт и стала лётчицей.

— А если бы у твоей бабушки были колёса, она была бы автобусом,— сказала бабушка.— А теперь носи цветы домой и поставь их в воду. Иди, прекрасная садовница.

Пони не хотела уходить.

— Иди, иди, у нас с Эмилем серьёзный разговор.

— Я обожаю серьёзные разговоры,— сказала Пони.

Бабушка строго посмотрела на внучку. Пони пожала плечами, продекларировала: «Она исчезла, утонув в сиянии голубого дня» — и ушла. Эмиль довольно долго сидел молча. Всё тише и тише звучала песня, которую напевала Пони. Наконец Эмиль спросил:

— Бабушка, а почему это ещё не решено окончательно?

— Не знаю. Так тебе нравится этот старшина?

— Да. И у нас с ним приличные отношения. Я его зову Генрих, по имени. А главное, его любит мама.

— Что верно, то верно,— согласилась бабушка.— Но мне кажется, что именно это тебе и неприятно. Не спорь! Когда имеешь такого прекрасного, горячо любящего сына, муж не нужен. Ты, наверно, так считаешь?

— Да, пожалуй,— признался Эмиль.— Только ты это вырвала очень грубо.

— Так и надо, мой мальчик, так и надо! Если один не хочет говорить, другому приходится преувеличивать.

— Я маме никогда в этом не признаюсь,— сказал Эмиль,— но я, честно говоря, представлял себе нашу жизнь иначе. Я думал, мы всегда будем вместе. Вдвоём. Но ведь она его любит, и это всё решает. А я... Я ничем себя не выдам.

— Ты уверен? — спросила бабушка.— А ты бы посмотрел как-нибудь в зеркало. Тот, кто приносит жертву, не должен сам иметь вид жертвы. Я близорукая старуха. Но, чтобы всё прочесть на твоём лице, очки не нужны. В один прекрасный день твоя мать это тоже увидит. И тогда уже ничего не исправишь.

Бабушка порылась в своей сумке и вынула оттуда письмо и очки.

— Я прочту тебе одно место из её письма. Хотя я, наверно, не должна этого делать. Но я хочу тебе показать, как плохо ты знаешь свою мать.— Бабушка нацепила на нос очки и стала читать:

Йешке в самом деле очень милый, надёжный и хороший. Я не встречала до него человека, за которого я могла бы выйти замуж, если вообще решиться на этот шаг. Дорогая мама, только тебе я могу признаться, что охотнее всего я осталась бы вдвоём с Эмилем. Йешке, конечно, об этом не подозревает и никогда этого не узнает. Но что мне делать? Со мной может в любой момент что-нибудь случиться. И что тогда будет с мальчиком? А вдруг я перестану зарабатывать? Мой доход и так уже заметно уменьшился. На рыночной площади открылась новая парикмахерская, и все торговки стали ходить туда, потому что жена парикмахера — их постоянная покупательница. Я должна подумать о будущем Эмиля. Это для меня самое важное в жизни. И я буду Йешке хорошей женой. Я это твёрдо решила. Он заслуживает доброго отношения. Но по-настоящему я люблю только моего единственного, моего дорогого мальчика.

Бабушка положила письмо на колени. Она долго смотрела в одну точку, потом медленно сняла очки.

Эмиль был бледен. Он стиснул зубы. Потом вдруг опустил голову и заплакал.

— Да, да, мой мальчик! Да, да, мой мальчик!

Она замолчала и дала ему выплакаться. Спустя некоторое время она сказала:

— Ты любишь только её, а она — только тебя. И оба вы, несмотря на такую большую любовь, не поняли друг друга и заставили друг друга страдать. Такое случается в жизни. Да, случается.

Сойка с криком пронеслась над верхушками деревьев.

Эмиль вытер глаза и посмотрел на бабушку.

— Я не знаю, что мне делать! Разве я могу допустить, чтобы она вышла замуж ради меня? Когда мы оба больше всего хотим жить вдвоём? Что же мне делать?

— Что тебе делать? Есть два пути, мой мальчик. Либо ты, вернувшись домой, попросишь её не выходить замуж. Вы кинетесь друг другу в объятия, и с этим делом будет покончено раз и навсегда.

— Либо?

— Либо ты ей ни слова не скажешь! И до самой смерти будешь скрывать от неё свои чувства! И не будешь ходить с видом жертвы! Что выбрать, ты можешь решить только сам. Но я хочу тебе сказать лишь одно: ты становишься старше и твоя мать тоже становится старше. На словах это куда проще, чем на самом деле. Сумеешь ли ты уже через несколько лет зарабатывать достаточно, чтобы вы могли жить? И если даже сумеешь, то где? В Нейштадте? Нет, мой мальчик. Наступает день, когда приходится уезжать из дому. И даже если нужда не гонит, это всё равно следует сделать! И тогда твоя мама останется дома одна. Без сына. Без мужа. Совсем одна. И ещё вот что: через десять — двенадцать лет ты, наверное, сам женишься. Что будет тогда? Мать и молодая жена плохо уживаются под одной крышей. Я это знаю хорошо. Я это сама пережила.— У бабушки были такие глаза, что казалось, она глядит не в лес, а в прошлое.— Если твоя мама выйдет замуж, каждый из вас принесёт другому жертву. Но она никогда не узнает, что я тебе рассказала об её жертве. И она также никогда не узнает, что и ты ей тоже принёс жертву! Потому груз, который

она берёт на себя ради тебя, будет легче, чем тот, который ты несёшь ради неё. Ты меня понял, мой мальчик?

Эмиль кивнул.

— Нелегко,— продолжала бабушка,— с благодарностью принять жертву, когда ты сам тайно приносишь ещё бóльшую жертву. Это поступок, о котором никто не узнает и который никто не оценит. Но придёт день, когда он принесёт твоей маме счастье. Вот единственная награда, которая тебя ждёт.— Бабушка встала.— Поступай, как знаешь! Реши либо так, либо эдак. Но обдумай всё как следует. Посиди здесь один.

Эмиль вскочил.

— Я пойду с тобой, бабушка! Я уже всё решил. Я буду молчать.

Бабушка посмотрела ему в глаза.

— Поздравляю тебя,— сказала она.— Поздравляю тебя! Сегодня ты стал мужчиной. Ну, а тот, кто раньше других становится мужчиной, тот и дольше им остаётся. А ну-ка, помоги мне перешагнуть через канаву!

Глава пятнадцатая

ПРЕДСТАВЛЕНИЕ ОКОНЧЕНО

В пятницу сыщики провели объявленный сбор денег в пользу Джекки. Вторник и Профессор отвечали за пляж и гавань, Густав — за купальни, Эмиль — за улицы городка, а Пони — за вокзал.

— Я так взволнована,— сказала она,— подумать только: сейчас по всему побережью ходят дети со списками и карандашами и собирают деньги для Джекки. Дайте мне тоже поскорее лист бумаги и карандаш. Я тоже хочу участвовать.

Когда в полдень ребята вернулись домой, чтобы подсчитать, сколько собрали, к ним на террасу влетела Клотильда. Она была вне себя.

— Разве можно стряпать, когда обрывают звонок! — кричала она.— Знаете, сколько раз сегодня трезвонили в дверь?

Двадцать три раза! Приходят дети, спрашивают вас и суют деньги!

— Вот это да! — воскликнул Профессор.

— Для вас — да, а для обеда — нет. Молоко убежало, овощи переварились, телятина подгорела. Я нанималась готовить, а не деньги считать.

— Сегодня и подгоревшая телятина будет слаще мёда! — сказал Густав.

Всё ещё ворча, Клотильда выгребла из кармана передника целую пригоршню монет и вывалила их на стол.

— Нате считайте: здесь три марки девяносто пфеннигов! Разводить бухгалтерию мне было некогда.... Ой, картошка горит! — завопила она и умчалась на кухню, так и не сказав, что пятьдесят пфеннигов она прибавила от себя.

Дети высыпали все принесённые деньги тоже на стол и принялись их сортировать — медь к меди, серебро к серебру. Одинаковые монетки они складывали столбиком, а потом считали. Получилось сорок три марки. Проверили по спискам — всё сошлось. А маленький Вторник прибавил к этой сумме бумажку в 20 марок и сказал, покраснев:

— Это от моего папы.

— Да здравствует большой Вторник! — закричали ребята. Профессор сбегал в сад, отыскал отца, который возился с помидорами в теплице, и вернулся с десятью марками.

Потом они выпотрошили и свои карманы, выложили всё, до последнего пфеннига, и успокоились только тогда, когда на столе лежало семьдесят пять марок. Они сияли от восторга.

Вторник вынул носовой платок, сгрёб в него всю гору мелочи и завязал узлом.

— Ты что, собираешься фокус показать? — спросил Эмиль. — Деньги есть. Раз, два, три — денег нет, посмотри!

— Я их унесу, — сказал Вторник.

— Куда? — спросил Профессор.

— Пусть здесь лежат! — крикнула Пони.

— Не мешайте малышу. Есть один план. И на этот раз это моя идея, — сказал Густав.

— О боже! И у тебя появились идеи! — ужаснулась По-ни.— Может, ты заболел? А?

— Я — нет. А вот тебя мы завтра навестим в больнице,— сказал Густав и засучил рукава.

Девочка с визгом убежала на кухню.

— Погремушка! Раз в жизни мне пришла в голову хорошая мысль, а она воображает...

— Милые бранятся — только тешатся,— сказал Вторник, взял платок с деньгами и ушёл.

Джекки явился к обеду. Телятина, несмотря на все вопли Клотильды, оказалась такой вкусной, что пальчики оближешь. Бабушка заговорила о сборе денег. Ей хотелось понять, как к этому относится сам Джекки.

— Знаете, как я рад, многоуважаемая бабушка, — сказал он.— Прежде всего потому, что ребята так обо мне позаботились. Настоящие друзья! Но и не только поэтому. Деньги всегда нужны, так? Видите ли, сегодня я три часа бегал за мячами на теннисном корте. Тоже, можно сказать, собирал деньги. Заработал марку восемьдесят пфеннигов. После обеда побегаю ещё два часа — ещё одна марка. Так?

Все засмеялись.

— Ну что, я не прав? Вчера на корте я смеха ради крутанул несколько сальто. Все игроки пришли в дикий восторг, а один даже подарил мне свою старую ракетку. Теперь я сам научусь играть в теннис. Потом стану тренером. Так? А потом в один прекрасный день всех обыграю и стану первой ракеткой в Германии. А потом поеду играть в Париж и в Америку и стану чемпионом мира. Так? Конечно, фамилию я переменю на какую-нибудь красивую. Пашульке — не чемпионская фамилия. Так? Но ведь я уже был Байроном. Одной фамилией больше, одной меньше — какая разница? Так? А если у меня не окажется таланта к теннису, я пойду к вам юнгой, капитан! Так? — неожиданно закончил свою речь Джекки.

Он склонился над тарелкой и принялся улетать за двоих.

— Да,— сказала бабушка.— За этого я не беспокоюсь.

— И я за себя не беспокоюсь,— сказал Джекки.— Для артиста, который слишком быстро растёт, найдётся профессия. Так?

— Мне кажется, Джекки вовсе не нуждался в нашей помощи,— шепнул Эмиль бабушке.

— Каждый добрый поступок всегда имеет смысл,— шепнула в ответ бабушка.

После обеда к причалу пришвартовалось два парохода. Один шёл с западного побережья, другой — с восточного. И оба они были битком набиты детьми. Сотни детей заполнили весь Корлсбюттель. Повсюду слышались крики и смех. Самое большое столпотворение было перед кино «Маяк» (кассиры потом два дня не могли прийти в себя).

Ровно в четыре часа начался первый сеанс. Зал был битком набит. А на улице стояла огромная очередь в ожидании следующего сеанса. У директора сердце разрывалось при мысли, что весь сбор пойдёт не в его карман. Но тут уже ничего не попишешь. Он вошёл к сыщикам, которые сидели в его кабинете, дал им последние указания.

— Всё! Отступить некуда! — сказал Эмиль.

— «Смейся, паяц, над разбитой душою»,— пропел Густав.

После киножурнала в зале зажёгся свет и раскрылся занавес. На сцене стояли четверо мальчишек и одна девочка! Дети повскакали с мест, многие встали ногами на сиденья. Зал медленно успокаивался, и наконец воцарилась полная тишина. Эмиль подошёл к рампе и громко сказал:

— Привет! Все мы благодарим вас за то, что вы пришли. Мы благодарим вас и за то, что вы собирали деньги для Джекки. Он отличный парень, иначе мы бы к вам не обращались за помощью. После фильма он вас лично поблагодарит. А сейчас давайте посмотрим кино. Мы надеемся, что всем нам будет интересно.

Один маленький мальчик, сидевший на коленях у своей мамы, спросил тоненьким голоском:

— Ты и есть Эмиль?

Дети в зале засмеялись.

— Да, я — Эмиль Тышбайн.

Пони подошла к нему и с гордым видом сказала:

— А я — Пони-Шапочка, кузина Эмиля.

Потом вышел вперед Профессор.

— А я — Профессор, — сказал он, и голос его дрогнул.

— А я — маленький Вторник.

Потом наступил черёд Густава.

— А меня зовут Густав с клаксоном. Но теперь у меня есть мопед. — Он сделал небольшую паузу. — Ну, погремушки, все, что ли, собрались?

— Все! — заорали дети из зала.

Густав рассмеялся.

— А какой пароль?

— Пароль «Эмиль»! — крикнули все разом и так громко, что слышно было у вокзала.

А потом погас свет, и застрекотал аппарат,

Когда фильм кончился, ребята несколько минут хлопали в ладоши. Потом зажгли свет. Девочка, сидевшая рядом с Пони, сказала ей:

— Знаешь, с тех пор ты изменилась до неузнаваемости.

— Так ведь девочка в картине — это не я. Она только меня играет.

— Ну да? А Эмиль, про которого фильм, — тот самый Эмиль, который сидит рядом с тобой?

— Ну да! Он — настоящий Эмиль, это мой кузен, а с мальчиком, который играет в картине, я вообще не знакома. А теперь молчи! Это ещё не всё.

На сцену вышел Джекки. Он подошёл к рампе и сказал:

— Вы собирали деньги для одного мальчика, так? Этот мальчик — я. Большое вам всем спасибо! Я считаю, что это просто колоссально с вашей стороны. Когда я вырасту, а кому-нибудь из вас придётся туго, пусть он меня найдёт. Так? Договорились?

Потом на сцену снова вышел Густав. И он сказал, обращаясь к Джекки:

— По поручению моих друзей и всех ребят Корлсбюттеля я вручаю тебе сберегательную книжку на семьдесят пять марок. Вот сколько денег мы собрали!

Джекки пожал Густаву руку.

А в зале Профессор шепнул Вторнику:

— Так вот, значит, что придумал Густав. Положить деньги на сберкнижку!

— Разве плохо?

— Наоборот, отличная мысль, просто отличная.

Густав крикнул в зал:

— А теперь я попрошу на сцену ребят из других курортных посёлков!

Началась невероятная толкотня.

— Не всех, только по одному от каждого!

В конце концов на сцене оказалось семь мальчиков. И каждый передал Джекки сберкнижку. У Джекки в глазах стояли слёзы, хотя, как вы знаете, он совсем не был плаксой.

Густав торопливо перелистывал все сберкнижки. А когда мальчики вернулись в зал, он крикнул:

— Всего собрано шестьсот пятнадцать марок! Кроме того, Джекки получит всю сегодняшнюю выручку. О-го-го! Джекки, я поздравляю тебя! Пусть тебе это поможет встать на ноги.

И Густав исчез за кулисами.

— Этого я не ожидал! — сказал Джекки. — Теперь мне нужен кассир! — И он снял свою куртку. — Мой старый друг капитан Шмаух посоветовал мне выступить перед вами. В знак благодарности. Я, правда, не привык работать один, но кое-что могу показать сам.

Сперва Джекки выжал стойку, потом пошёл по сцене на руках. Потом он сделал шпагат, а потом мостик. Зрители хлопали. И тут Джекки стал крутить сальто; он кувыркался всё быстрее и быстрее, а потом колесом наискосок пересек всю сцену!

Дети вопили и хлопали так, что у них ладошки распухли. Взрослые тоже были в восторге.

Наконец занавес закрыли. Но прежде чем успели выйти все зрители первого сеанса, в зал вломились ребята на второй сеанс. Поднялся такой шум и такая толкотня, что и представить себе невозможно.

— Сальто мне очень понравилось,— сказала бабушка.— Надо завтра самой попробовать.

Вечером к причалу снова подали два парохода, чтобы развести детей по домам. Ребята с бою занимали места.

— Пароль «Эмиль»! — орали ребята на пароходе, плывущем на восток.

— Пароль «Эмиль»! — орали ребята на пароходе, плывущем на запад.

— Пароль «Эмиль»! — орали ребята из Корлсбюттеля, стоящие на причале.

На пароходах зажгли разноцветные фонарики. Один ушёл направо, другой — налево. А Эмиль и сыщики всё стояли на причале и молча провожали глазами уходящие пароходы.

Прибежал Джекки.

— Ах, вот вы где! А я вас повсюду искал. Этот день я никогда не забуду! — сказал он в восторге.— Знаете, какое предложение мне сделал директор кино? Чтобы я выступал у него перед сеансами. А жить я буду у капитана Шмауха. Он меня пригласил. И по вечерам мы с ним на террасе будем играть в подкидного дурака.

В море плыли два освещённых разноцветными фонариками парохода. Волны набегали одна на другую, и белые гребни светились в темноте.

Потом Густав откашлялся, обнял за плечи ребят и сказал:

— Мы останемся друзьями навсегда. Даже когда у нас вырастут бороды, мы всё равно будем вместе.

Ребята молчали, но они были того же мнения.

ПИСАТЕЛЬ ДЛЯ ЧИТАТЕЛЕЙ ОТ 8 ДО 80 ЛЕТ

Помните, с чего начинается эта книжка? Прежде чем приступить к самому рассказу, её автор, немецкий писатель Эрих Кестнер, представил нам будущих действующих лиц и назвал два-три места, где должно разворачиваться действие этой истории; он как бы рассыпал перед нами кубики с картинками: смотрите, ребята, из чего я строю! Вот Эмиль, который жарит маме яичницу, когда она больна; а вот его мама, которой приходится весь день завивать разных дам, чтобы Эмиль мог учиться в школе; а вот купе поезда, а в нём господин, о котором пока ещё никто ничего не знает; а вот большое здание — это банк; а вот и мальчишка с клаксоном... И вы смотрели на эти картинки, и многие из вас, я уверена, с недоумением пожимали плечами: очень уж они обыденные, какие-то слишком знакомые, — разве из них сложишь что-нибудь интересное, такое, чтобы дух захватывало? Может, и правда куда лучше было бы почитать про девочку-папуаску, про эту самую «Петровию из джунглей», которая вплавь пересекает океан, чтобы получить новую зубную щётку? Может, напрасно Кестнер бросил писать свой детский приключенческий роман, «споткнувшись о ногу кита»? Но держу пари, что, едва начав читать про Эмиля, вы уже так не думали, потому что вас наверняка захватили его удивительные приключения. Как получился из самого обыденного и повседневного такой увлекательный рассказ? Как свершилось это чудо? Почему эта незатейливая история вот уже более 40 лет продолжает волновать ребят во всех странах мира?

«Эмиль и сыщики» — это первая книга для детей, которую написал Эрих Кестнер. Она вышла в 1928 году, когда ему было 29 лет. И хотя детство осталось далеко позади, он помнил о нём всё — «словно это было вчера»: и как он морозным утром, перед школой, бежал домой из лавки по ещё тёмной улице, а в свете газового фонаря кружились снежинки; и как керосин плескался в бидоне, а сетка с картошкой оттягивала руку; и как он стучал ногой в дверь, а потом, схватив ранец, который в коридоре «переминался с ноги на ногу от нетерпенья», мчался в школу... Так подробно он сохранил память о звуках, запахах, цветах и образах своего детства, трудного, бедного, но счастливого детства. И эти живые воспоминания, эти живые чувства, не угасшие в нём за годы взрослой жизни, легли в основу его повести об Эмиле, сделали её живой, а значит, и волнующей нас книгой.

Но этого мало, чтобы ответить на вопрос о чуде, благодаря которому эта книга имела и продолжает иметь такой небывалый успех. Ведь Кестнер рассказал в «Эмиле и сыщиках» не про своё детство. Из огромного богатства своей памяти он отбирал лишь то, о чём «стоило рассказать» — рассказать, чтобы что-то передать новому поколению, от чего-то предостеречь, чему-то научить. Его мама, тоже парикмахерша, он сам, каким он себя помнит, его кузина Дора — всё это вобралось в его повесть, но писал он о тех детях и для тех детей, которые подрастали, когда он был уже взрослым и работал в газете. Это было тревожное для Германии время. Страна переживала тяжелейший экономический кризис, и безработица доводила людей до нищеты и отчаяния. Эту обстановку ловко использовала фашистская партия, чтобы расширить своё влияние. Эрих Кестнер разделял ненависть лучшей части немецкого народа к идущему фашизму. Ненависть и надежду, что фашизму, как и любому злу, можно оказать сопротивление, если «взяться дружно», если всем объединиться, проявить солидарность. Эту надежду питали тогда многие люди в Германии; они выходили на улицу с «Песней о солидарности», слова которой написал знаменитый немецкий революционный поэт

Бертольт Брехт. Только в той особой обстановке, которая сложилась в Германии в годы, предшествующие приходу Гитлера к власти, в годы массовых демонстраций и митингов, в годы веры в силу совместных действий, в силу людской сплочённости, и могла возникнуть история про Эмиля. Правда, Эрих Кестнер не призывал к революционной борьбе; сам он был далёк от классовых боёв, которые вёл немецкий пролетариат под руководством коммунистов, но он хорошо понимал всю серьёзность угрозы, нависшей над его родиной, был убеждённым и последовательным антифашистом и хотел показать тогдашним ребятам на простом примере, что если действовать мужественно и дружно, то всегда побеждаешь. А может, и не только ребятам...

Вот эта неколебимая убеждённость Кестнера, что люди могут помочь друг другу, надо только объединиться, определила и сюжет обеих повестей, и их весёлые перипетии, и самые волнующие эпизоды, всегда связанные с массовым действием. Радость, благородная бескорыстная радость сопричастности к общему делу, радость победы, которая не сваливается случайно, а завоёвывается совместными усилиями, — эта радость, сплотившая вокруг Эмиля прекрасную команду справедливых, находчивых и озорных сыщиков, заражает и читателей, маленьких и больших. Именно она расширяет их круг, потому что создаёт ту неповторимую атмосферу его книг, которая завоевала им мировую славу. Недаром Кестнер говорит, что пишет для тех, кому от 8 до 80 лет.

Итак, радость приобщённости к общему делу. Однако обратите внимание, насколько все сыщики разные: Эмиль, Профессор, Густав, Вторник — да про каждого из них можно хоть сочинение писать, потому что у каждого уже определённый, сложившийся характер, со своими интересами, вкусами, чувствами. Кестнер исходит из того, что дети — это те же взрослые, только маленькие. Другими словами, создавая свой мир детей, писатель создаёт вместе с тем и модель мира взрослых. В детском мире Кестнера, как и в настоящем мире взрослых, каждый до поры до времени занят чем-то своим (вспомните спе-

ну поимки вора во дворе гостиницы, до начала погони), но в какие-то острые моменты все эти отдельные личности сливаются в единый поток, в единый порыв. И побеждают. Так мир детей у Кестнера становится не только моделью взрослого мира, но как бы и моделью для взрослого мира. Моделью поведения. Писатель говорит своей книжкой, конечно, иронично, ненавязчиво, шутливо по форме, но вполне серьезно по сути: бывают минуты, когда надо оторваться от своих дел, выступить всем вместе, и тогда вы будете непобедимы. Даже в борьбе с настоящим злом. Потому что — и на это обратите внимание, ребята! — зло в повестях об Эмиле — это не выдуманное, не «детское» условное зло, а вполне реальное, «настоящее». Так дети, не имеющие ещё никакого жизненного опыта, сталкиваются впервые со «взрослой» жизнью. Столкновение это начинается как игра (штаб в саду, связные, диспетчер у телефона и т. д.), а кончается уже «всерьёз» — сценой в самом банке, когда надо доказать, что вор — вор. И от этого «всамделишного» конфликта скорее захватит дух у маленького читателя, чем от выдуманных приключений каннибальской девочки.

Обе повести об Эмиле, как, впрочем, и все детские книги Кестнера, кончаются победой ребят, то есть торжеством справедливости. На первый взгляд, этот обязательный счастливый конец настораживает. В трагический для Германии, да и для всей Европы, момент, когда наступал фашизм, писатель преобразует окружающую его действительность в этакие рождественские сказки, где зло всегда побеждено, а добро торжествует. Что это? Непонимание жизни? Желание ее подсластить? Впрочем, трудно заподозрить ироничного, язвительного и лукавого Кестнера, прославленного поэта-сатирика, в наивности или сентиментальности. Нет, здесь Кестнер выступал не утешителем, который уводит от реальной жизни, а воспитателем, который смотрит в завтра. Он надеялся, что его весёлые, заразные истории вдохновят детей, а значит, и вообще людей на объединение всякий раз, когда надо будет давать отпор злу. Непременный счастливый конец у Кестнера надо понимать как

призыв не быть равнодушным, как вызов обывательской формуле: «Моя хата с краю, я ничего не знаю». Но тут нельзя не сказать, что надежды Кестнера не оправдались и что выход, им предложенный, оказался иллюзией. Он заблуждался, считая, что так легко можно одолеть зло, заблуждался потому, что созданный им мир детей всё же мало походил на реальный мир взрослых; это был, собственно, не мир, а как бы мирок, упорядоченный, ограниченный, ограждённый стеной благополучного детства от социальных бурь и катастроф.

10 мая 1933 года гитлеровцы устроили в Берлине средневековый спектакль: посреди площади Оперы пылал костёр, а фашистские молодчики в касках кидали в него книги лучших немецких и европейских писателей. Среди них были и книги Эриха Кестнера. И вы теперь понимаете, что оказались они там не случайно.

С приходом Гитлера к власти творческая биография Кестнера обрывается: фашистская цензура запретила ему писать. Первый период его творчества длился, таким образом, всего лишь шесть лет, но за это время он успел выпустить, помимо четырёх сборников стихов и сатирического романа для взрослых, шесть книжек для детей, и каждая из них имела шумный успех. По многим из них были сделаны пьесы и фильмы. Может, кто-нибудь из вас видел чешский фильм «Антон и Кнопка», — он снят по одноименному роману Кестнера.

Как только рассеялась ночь гитлеризма, Эрих Кестнер снова взялся за перо, но лишь в 1949 году он издаёт свою первую послевоенную детскую книгу — «Конференция зверей». И все увидели, что Кестнер ничуть не изменился. Он остался на удивление верен и своим взглядам, и своей манере писать. «Конференция зверей» — это сатирическая сказка о том, как звери, собравшись, решили раз и навсегда обеспечить вечный мир на земле. И вот мыши сгрызают в военном министерстве все документы, а моль уничтожает все мундиры, и т. д. Сказка кончается победой зверей в борьбе с грозным фельдмаршалом, поджигателем войны. Ещё один счастливый конец. Тут Кестнер остался верен себе. Но верен ли он себе в основном? Не

утратил ли этот насмешник веру в людей, в их разум, в их добрую волю?

Вместо ответа я хочу вам напомнить концовку «Эмиля и сыщиков». Все обсуждают в доме у тётки Марты, что можно «извлечь из этой истории». «Этот случай научил меня тому, что людям нельзя доверять»,— сказал Эмиль. «Глупость,— проворчала бабушка.— Всё как раз наоборот. Всё как раз наоборот».

Нет, Эрих Кестнер, которому не так давно исполнилось 70 лет и который продолжает много и интересно работать, до конца и во всём остался верен себе: он не утратил веру в людей и в будущее. «Всё как раз наоборот. Всё как раз наоборот».

Теперь-то вы знаете, что это значит!

Л. Лукина

О Г Л А В Л Е Н И Е

КНИГА ПЕРВАЯ. ЭМИЛЬ И СЫЩИКИ

Это ещё не начало	3
<i>Глава первая.</i> Эмиль помогает мыть голову	20
<i>Глава вторая.</i> Сержант Йешке молчит	25
<i>Глава третья.</i> Эмиль едет в Берлин	28
<i>Глава четвёртая.</i> Сон, в котором много беготни	32
<i>Глава пятая.</i> Эмиль сходит не на той остановке	36
<i>Глава шестая.</i> Трамвай 177	40
<i>Глава седьмая.</i> На Шуманштрассе волнение	44
<i>Глава восьмая.</i> Появляется мальчик с клаксоном	47
<i>Глава девятая.</i> Сыщики совещаются	53
<i>Глава десятая.</i> Погоня за такси	59
<i>Глава одиннадцатая.</i> В гостиницу прокрадывается шпион	64
<i>Глава двенадцатая.</i> Мальчишка-лифтёр в зелёной ливрее	68
<i>Глава тринадцатая.</i> Господина Грундайса сопровождает почётный эскорт	72
<i>Глава четырнадцатая.</i> Булавки тоже приносят пользу	79
<i>Глава пятнадцатая.</i> Эмиля вызывают в Главное управление полиции	83
<i>Глава шестнадцатая.</i> Комиссар полиции передаёт привет	91
<i>Глава семнадцатая.</i> Фрау Тышбайн волнуется	96
<i>Глава восемнадцатая.</i> Какой урок из этого можно извлечь?	101

КНИГА ВТОРАЯ. ЭМИЛЬ И ТРОЕ БЛИЗНИЦОВ

Предисловие	104
Глава первая. Старшина Йешке обращается с просьбой . . .	120
Глава вторая. Письмо из Берлина и письмо в Берлин . . .	124
Глава третья. Эмиль отправляется в путь	130
Глава четвертая. Вилла «Морская»	136
Глава пятая. Встреча у моря	142
Глава шестая. Густав и физика	149
Глава седьмая. Эстрадный концерт в Корлсбюттеле	156
Глава восьмая. Появляется третий близнец	162
Глава девятая. Сыщики остаются одни	167
Глава десятая. Приключение на воде и на суше	175
Глава одиннадцатая. Проверка паспортов	180
Глава двенадцатая. Возвращение капитана	189
Глава тринадцатая. Первые шаги	196
Глава четырнадцатая. Серьезный разговор	203
Глава пятнадцатая. Представление окончено	210
Писатель для читателей от 8 до 80 лет	217

Для младшего возраста

Кестнер Эрих

ЭМИЛЬ И СЫЩИКИ

Две повести

Ответственный редактор Г. В. Языкова. Художественный редактор Т. М. Токарева. Технический редактор С. Г. Маркович. Корректоры Т. П. Лейзерович и Е. И. Щербакова. Сдано в набор 29/І 1971 г. Подписано к печати 3/VI 1971 г. Формат 60×84¹/₁₆. Печ. л. 14. Усл. печ. л. 13,06. (Уч.-изд. л. 11,41). Тираж 100 000 экз. ТП 1971 № 489. Цена 51 коп. на бум. 2. Ордена Трудового Красного Знамени издательство «Детская литература» Комитета по печати при Совете Министров РСФСР. Москва, Центр, М. Черкасский пер., 1. Ордена Трудового Красного Знамени фабрика «Детская книга» № 1 Росглаволиграфпрома Комитета по печати при Совете Министров РСФСР. Москва, Суцеский вал, 49. Заказ № 1954.

Цена 51 коп.

ИЗДАТЕЛЬСТВО
„ДЕТСКАЯ
ЛИТЕРАТУРА“